

ISSN 2500-2872

ЯПОНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2020, №1

Japanese Studies in Russia

日本研究

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук**
www.ifes-ras.ru

**Межрегиональная общественная организация
«Ассоциация японоведов»**
www.japanstudies.ru

Электронный научный журнал «Японские исследования» издаётся 4 раза в год (ежеквартально) с 2016 г. Журнал носит междисциплинарный характер и охватывает различные сферы японоведческих исследований: политика, экономика, общество, история, культура, филология и др. Все научные статьи рецензируются; всем статьям присваивается DOI.

Учредители: ИДВ РАН, Ассоциация японоведов.

URL: <http://japanjournal.ru>

Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77 – 68910 от 7 марта 2017 г., выдано Роскомнадзором.

Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Входит в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».

Входит в Web of Science – Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Отрасли науки:

07.00.00 Исторические

науки и археология

08.00.00 Экономические

науки

23.00.00 Политология

Главный редактор: Стрельцов Д.В., д.и.н.

Редакционный совет: Алпатов В.М., д.филол.н., академик РАН; Войтишек Е.Э., д.и.н.; Гордон Эндрю (США), проф.; Гришачев С.В., к.и.н.; Дацышен В.Г., д.и.н.; Иванов О.П., д.полит.н.; Катасонова Е.Л., д.и.н.; Кистанов В.О., д.и.н.; Крнета Наталия (Сербия), к.филол.н.; Крупянко М.И., д.полит.н.; Лузянин С.Г., д.и.н.; Островский А.В., д.э.н.; Панов А.Н., д.полит.н.; Пестушко Ю.С., д.и.н.; Симония Н.А., академик РАН; Симотомаи Нобую (Япония), проф.; Стоквин Артур (Великобритания), проф.; Судзуки Ёсикадзу (Япония), проф.; Тимонина И.Л., д.э.н.; Чугров С.В., д.соц.н.

Редакционная коллегия: Дьяконова Е.М., к.филол.н.; Казаков О.И. (отв. секретарь); Лебедева И.П., д.э.н.; Мещеряков А.Н., д.и.н.; Стрельцов Д.В., д.и.н. (гл. редактор)

Редакция: Горчакова Т.Е., к.э.н.; Казаков О.И. (отв. секретарь); Кириченко М.А.; Нелидов В.В., к.и.н.; Суркова Т.И. (зав. редакцией); Шпорт Ю.А.

Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

ISSN 2500-2872

© Коллектив авторов

© ИДВ РАН

© Ассоциация японоведов

**Institute of Far Eastern Studies,
Russian Academy of Sciences
(IFES RAS)**
www.ifes-ras.ru

**Non-profit organization
«Association of Japanologists»**
www.japanstudies.ru

The electronic scientific periodical “Japanese Studies in Russia” has been published 4 times a year (quarterly) since 2016. This edition is an interdisciplinary journal covering various fields of Japanese studies: politics, economics, society, history, culture, philology, etc. All academic articles are peer-reviewed and assigned to DOI.

Founders of the Journal: Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, NPO Association of Japanologists.

URL: <http://japanjournal.ru>

Media registration number (in the Russian Federation):

ЭЛ № ФС 77 – 68910, issued on 7 March 2017 by Roskomnadzor.

Included in Russian Science Citation Index (RSCI).

Included in Russian Scientific Digital Library “CyberLeninka.ru”.

Included in Web of Science – Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Branch of science
(in the Russian
Federation):
07.00.00 History and
Archaeology
08.00.00 Economics
23.00.00 Political
Science

Editor-in-chief: Streltsov Dmitry V., DSc (History)

Editorial Council: Alpatov Vladimir M., DSc (Philology), Academician of the RAS; Chugrov Sergei V., DSc (Sociology); Datsyshen Vladimir G., DSc (History); Gordon Andrew (USA), Prof.; Grishachev Sergei V., PhD (History); Ivanov Oleg P., DSc (Political Science); Katasonova Elena L., DSc (History); Kistanov Valerii O., DSc (History); Krneta Natalija (Serbia), PhD (Philology); Krupyanko Mikhail I., DSc (Political Science); Luzianin Sergei G., DSc (History); Ostrovskii Andrey V., DSc (Economics); Panov Aleksandr N., DSc (Political Science); Pestushko Yurii S., DSc (History); Shimotomai Nobuo (Japan), Prof.; Simoniya Nodari A., DSc (History), Academician of the RAS; Stockwin Arthur (UK), Prof.; Suzuki Yoshikazu (Japan), Prof.; Timonina Irina L., DSc (Economics); Vojtishek Elena E., DSc (History)

Editorial Board: Dyakonova Elena M., PhD (Philology); Kazakov Oleg I. (*Executive Secretary*); Lebedeva Irina P., DSc (Economics); Meshcheryakov Aleksandr N., DSc (History); Streltsov Dmitry V., DSc (History) (*Editor-in-chief*)

Editors Office: Gorchakova Tatiana E., PhD (Economics); Kazakov Oleg I. (*Executive Secretary*); Kirichenko Mariya A.; Nelidov Vladimir V., PhD (History); Shport Yulia A.; Surkova Tatiana I. (*Head of Editors Office*)

The authors' opinion may not coincide with the Editorial Board's point of view.

ISSN 2500-2872

© Team of authors
© IFES RAS
© Association of Japanologists

ЯПОНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 2020, № 1**СОДЕРЖАНИЕ**

Толстогузов С.А. Денежно-финансовый кризис периода <i>бакумацу</i> в Японии	6
Киреева А.А. Новая историческая веха в китайско-японских отношениях: насколько глубоко потепление и что за ним стоит?.....	21
Лебедева И.П. О структурных несоответствиях на японском рынке труда	48
Игнатов И.А. Японо-монгольские связи в пост bipolarный период в контексте монгольской политики «третьего соседа»	69
Рензин О.М., Суслов Д.В. Экономическая динамика в Японии: детализация институциональных контуров политики «Абэномики».....	85
Мещеряков А.Н. История токийских Олимпиад в XX веке	106
Дьяконова Е.М. Правила сложения <i>рэнга</i> , изложенные в трактатах Сё:хаку «Новый свод правил <i>рэнга</i> » (<i>Рэнга синсики</i> , 1501) и Синкэй «Разговоры вполголоса» (<i>Сасамэгото</i> , 1463–1464).....	130
 <i>Научная жизнь</i>	
Нечаева Л.Т. О международной научно-практической конференции «Японский язык и методика преподавания японского языка» в 2019 году	149

JAPANESE STUDIES IN RUSSIA 2020, No. 1**CONTENTS**

Tolstoguzov S.A. The financial and currency crisis in Japan during the Bakumatsu Period	6
Kireeva A.A. A new historic era in China-Japan Relations: How deep is the rapprochement and what are the reasons?.....	21
Lebedeva I.P. The structural problems of the Japanese labor market	48
Ignatov I.A. Japanese-Mongolian relations in the post-bipolar period within the context of Mongolia’s “third neighbor” policy.....	69
Renzin O.M., Suslov D.V. Economic dynamics in Japan: detailing of the Abenomics policy institutional outlines	85
Meshcheryakov A.N. The history of Tokyo Olympic Games in the 20th century	106
Dyakonova E.M. The Rules of <i>renga</i> in the treatises by Shyōhaku “New Compendium of <i>Renga</i> ” (<i>Renga shinshiki</i> , 1501) and Shinkei “Murmured Conversations” (<i>Sasamegoto</i> , 1463–1464)	130

Academic Events

Nechaeva L.T. The International Scientific and Practical Conference “Japanese Language and Methodology of Teaching Japanese Language” in 2019	149
--	-----

Японские исследования. 2020. № 1. С. 6–20.

Japanese Studies in Russia, 2020, 1, pp. 6–20.

DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10001

Денежно-финансовый кризис периода *бакумату* в Японии

С.А. Толстогузов

Аннотация. В данной работе рассматривается финансовое положение сёгуната Токугава на заключительной стадии его существования в период *бакумату*, когда в стране стало очевидным наличие острого финансово-экономического и политического кризиса, который усугублялся внешним давлением и обострением борьбы за власть, которые оказывали значительное влияние на общую ситуацию в стране. При этом факторы военного плана стали доминировать только в последние годы перед Мэйдзи исин, поэтому военные расходы были важной, но далеко не единственной причиной ухудшающегося финансового положения *бакуфу*. Длительное время бюджет сёгунского правительства имел существенный финансовый дефицит, покрывавшийся выпуском дополнительной денежной массы, что в условиях ускоряющейся инфляции приводит к полному банкротству сёгуната. Поэтому банкротство в значительной степени имело также инфляционный характер, когда финансовый коллапс является следствием неконтролируемого роста денежной массы и роста цен. Поэтому изучение финансового состояния этого государства имеет важнейшее значение для понимания причин его краха. Финансовые проблемы в значительной мере определили его общую слабость, и были следствием не только войны, но и резкой активизации внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности после «открытия» страны и быстрой инфляции.

Ключевые слова: Япония, бакумату, сёгунат Токугава, финансы, инфляция, банкротство.

Автор: Толстогузов Сергей Анатольевич, PhD, кандидат исторических наук, визитный профессор Хиросимского университета (адрес: Япония, 739-8511, Хиросима, Хигаси-Хиросима, 1-3-2 Кагамияма). E-mail: sergeytol@w6.dion.ne.jp

The financial and currency crisis in Japan during the Bakumatsu Period

S.A. Tolstoguzov

Abstract. This paper examines the financial situation of the Tokugawa shogunate in the final stages of its existence during the Bakumatsu period, when the acute manifold crises of the country became evident. The crisis situation was complex and multifaceted and was exacerbated by the outbreak of civil war. At the same time, the various factors of military origin began to dominate only several years before the Meiji Restoration, so military spending was an important, but not the only reason for the deteriorating financial situation of the bakufu. For a long time, the budget of the shogunate government had a significant financial deficit, covered by the supply of additional money, which, with the rise of significant inflation, resulted in the complete bankruptcy of the shogunate. Therefore, bankruptcy was largely inflationary in nature, as the financial collapse was the result of expansion of the money supply and inflation. This, however, was not the

exclusive result of the civil war, but also stemmed from key historical developments in foreign policy and foreign economic activity after the opening of the ports.

Keywords: Japan, Bakumatsu, Tokugawa shogunate, finances, inflation, bankruptcy.

Author: Tolstoguzov Sergey A., PhD, Visiting Professor, Department of Integrated Arts and Sciences, Hiroshima University (address: 1-3-2 Kagamiyama, Higashi-Hiroshima City, Hiroshima, 739-8511, Japan). E-mail: sergeytol@w6.dion.ne.jp

Изучение финансов государств прошлого всегда сопряжено с наличием больших и малых трудностей, связанных с недостатком цифровых данных и их низким качеством, что являлось естественным в условиях отсутствия чётких стандартов, выработанных современными статистиками. Это в полной мере относится к *бакумациу*¹ или заключительному этапу истории существования сёгуната Токугава, когда всё отчётливее становятся признаки приближения его краха в условиях нарастания политической борьбы. Тем не менее, можно сказать, что исследования финансов сёгуната Токугава периода *бакумациу* сейчас достигли того уровня, когда появилась возможность судить с достаточной определённостью о его финансовом положении [Огути Юдзирио, 1969; Сакудо Ётаро, 1971; Миками Сандзи, 1994]. В том числе на заключительной стадии существования сёгуната, финалом которой был полный финансовый крах, говоря современной терминологией, – банкротство и дефолт.

Финалом кризиса становится короткая гражданская война, которая, собственно, и положила конец сёгунату. Однако вряд ли имеет смысл анализировать финансовые проблемы последних лет сёгуната только как следствие военного конфликта и военных действий. Последствия гражданской войны для экономики имели достаточно ограниченный характер, причинённые ей разрушения не носили больших масштабов, а основные военные действия приходятся на период уже после падения сёгуната, поэтому война была одним из важных элементов кризиса *бакумациу*, но далеко не единственным.

Финансовые проблемы были очевидны задолго до «открытия» страны, что продемонстрировал голод годов *Тэмпо*. Прекращение режима изоляции, когда происходило открытие новых портов, расширение внешней торговли и активизация контактов с европейскими странами и Америкой, приводит к дальнейшему ухудшению финансового положения в стране ещё до начала военных действий.

Характер финансовых проблем до «открытия» портов

Одной из наиболее серьёзных проблем *бакуфу* была хроническая нехватка средств и дефицит платёжного баланса. Определённое представление о ситуации, в которой оказалось сёгунское правительство, даёт анализ достаточно подробных финансовых отчётов годов *Тэмпо* (1830–1843), составленных в период проведения реформ. В 1840 г. расходы составили чуть больше 2 млн *рё*² при регулярных доходах в 1,422 млн *рё*. Дефицит составил 579 тыс. *рё* или почти 30 %. В следующем 1841 г. ситуация ещё более ухудшилась и при общей сумме расходов в 1,96 млн *рё*, регулярные доходы составили лишь 1,09 млн *рё*, то есть дефицит

¹ Бакумациу – заключительный этап существования сёгуната Токугава (1603–1868), охватывающий первую половину 19 столетия.

² *Рё* – золотая денежная единица. 1 *рё* равен 4 *бу* или 8 *сю*. В годы *Тэмпо* золотая монета достоинством 1 *рё* (кобан) весила 11,2 гр. и содержала 55 % золота и 45 % серебра.

вопрос уже до почти 45 % [Миками Рюдзо, 1994, с. 152]. В это время ещё остро чувствовались последствия голода годов Тэмпо, поэтому цифры дефицита бюджета были несколько выше средних, но проблема нехватки доходов в этот период приобрела уже хронический характер.

Доходная часть бюджета формировалась главным образом на основе поземельного налога, в дополнение к которому существовали всего несколько небольших статей, таких как *гоёкин* (принудительные займы) или средства в счёт возврата ранее выданных кредитов. В ситуации растущего бюджетного дефицита спасительным средством и основным методом покрытия недостатка доходов становилась перечеканка³ монеты. При выпуске новых денег проводилось уменьшение веса и сокращение содержания золота, в общей сложности с 1832 по 1842 г. от перечеканки монеты поступало доходов более чем 7,5 млн *rё*, или 689 тыс. *rё* в среднем ежегодно [Миками Рюдзо, 1994, с. 152], что покрывало от 10 до 40 % годовых расходов. В 1840 г. из этого источника было получено 997 тыс. *rё*, а в 1841 г. – 1,16 млн *rё* [Миками Рюдзо, 1994, с. 152], что превысило поступления от поземельного налога. Параллельно вёлся массированный выпуск медной монеты, одним из видов которой была монета под названием *Тэмпо цухо*⁴, начало производства которой относится к 1835 г. Официальные данные по её выпуску отсутствуют, однако косвенные данные, основанные на колебаниях обменного курса золотой и медной монеты, позволяют предположить, что выпуск исчислялся десятками миллионов штук.

Интенсивное использования перечеканки монеты в годы *Тэмпо* в первую очередь было связано с ухудшением экономической ситуации в результате голода 1833–1836 гг., на которое накладывались другие факторы, такие как необходимость восстановления сёгунского дворца после пожара, что потребовало дополнительно более 1 млн *rё*. Однако даже без экстраординарных расходов ситуация с доходами в бюджете *бакуфу*⁵ была достаточно напряжённой. Голод годов *Тэмпо* и пожар в замке значительно обострили финансовые проблемы, но не были их первоисточником. Регулярные дефициты стали нормой после 1815 г., так же как почти ежегодная дополнительная перечеканка монеты.

Финансовые проблемы в начале XIX в. остро стояли не только перед *бакуфу*, но и перед большинством крупных и мелких самураев. Например, дом Симадзу из Сацума, который во время Мэйдзи исин стал активным членом антисёгунской коалиции, в первой половине XIX в. был вторым по величине должником в стране. При годовом доходе в денежном исчислении в 140–150 тыс. *rё*, долги дома Симадзу в 1818 г. достигли 900 тыс. *rё*, а к 1827 г. выросли до 5 млн *rё*. В 1826 г. дом Симадзу приостанавливает выплату долгов в одностороннем порядке (говоря современным языком, допускает дефолт) после чего после долгих переговоров с осакскими кредиторами удается добиться уплаты в рассрочку до 2085 г. (на 250 лет) [Симадзу Нариакира но субэтэ, 1989, с. 41]. Широко известная клановая

³ Перечеканка монеты – выпуск новых типов золотой, серебряной и медной монеты с одновременным изменением пропорций содержания драгоценных металлов или уменьшением веса. Практически перманентный процесс в первой половине XIX в. Только золотая монета *кобан* перечеканивалась 4 раза: в 1819, 1837, 1859 и 1860 годах. Причём содержание золота соответственно составило 7 г, 6 г, 5 г и 1,89 г. Перечеканке подвергались золотая и серебряная монета всех типов, поэтому практически каждый год на монетном дворе проводился выпуск новых денег.

⁴ Эта монета имела номинал в 100 *мон*, то есть в 25 раз больше, чем у стандартной для того времени монеты *Казэй цухо*, номинал которой равнялся 1 или 4 *мон*.

⁵ Обобщённое название центральных органов управления сёгуната.

монополия Сацума по производству сахарного тростника была ответом на финансовые трудности, так как давала возможность пополнить бюджет за счёт развития местного производства.

Значительная долговая нагрузка была серьёзной проблемой не только для крупных, но и для мелких и средних самураев. Это ярко проявилось во время голода годов Тэмпо, когда значительная часть самураев оказалась на грани банкротства и стала добиваться списания долгов. Бакуфу пошло только на частичное списание долгов по кредитам, которые выдавались подконтрольными правительству кредитными учреждениями, и составили около 2 млн рё [Толстогузов С.А., 2013, с. 91]. Также были несколько изменены условия уплаты долгов частным лицам и изданы указы, увеличившие период уплаты в рассрочку. Эти меры увеличили сроки уплаты долгов по кредитам, но не затрагивали основную сумму долга. Поэтому проблема не получила кардинального решения, и долговая нагрузка значительной части самураев продолжала оставаться весомой.

Таким образом, ещё до прекращения режима изоляции баланс доходов и расходов правительства и крупных самураев имел значительный дефицит. Соответственно правительство неоднократно предпринимало попытки улучшить своё финансовое положение, концентрируя усилия на экономии бюджетных ресурсов путём максимального сокращения расходов. Ярким примером такого рода усилий были реформы конца тридцатых – начала сороковых годов (реформ годов *Тэмпо*) под руководством Мидзуно Тадакуни.

После реформ конца тридцатых – начала сороковых годов ситуация непосредственно накануне «открытия» страны статистически выглядит несколько более благополучно. В 1847–1853 гг. среднегодовой доход от перечеканки составлял 161,2 тыс. рё [Огути Юдзиго, 1981, с. 55] и заметно снизился по сравнению с 1840–1841 гг. Можно сказать, что острый кризис был преодолён, но проблемы продолжали оставаться. В особенности необходимо обратить внимание на то, что правительству даже на время не удалось прекратить перечеканку (что удавалось делать в XVIII в.), то есть полностью сбалансировать бюджет за счёт налоговых источников. *Бакуфу* только временно смогло выйти из кризиса, что со всей очевидностью было продемонстрировано повторным ухудшением ситуации после решения о прекращении режима изоляции.

Бюджетные проблемы после «открытия» страны

Появление американской эскадры под командованием командора М. Перри в 1853 г. стало шоком для общества и *бакуфу*. Оно нарушило привычное течение событий и потребовало от правительства реакции в самых различных вопросах, что неминуемо вызвало рост дополнительных государственных расходов в условиях отсутствия источников дополнительных доходов.

Правительство опять прибегает к интенсивному использованию перечеканки. Сохранившиеся в источниках цифры показывают, что доходы от неё составили в 1854 г. – 654,7 тыс. рё, в 1855 г. – 295 тыс. рё, в 1856 г. – 528,9 тыс. рё [Огути Юдзиго, 1981, с. 55]. То есть в 1854 г. объём перечеканки вплотную приблизился к средним показателям неблагополучных тридцатых годов. Соответственно ещё до начала торговли иностранцев в открытых портах Японии, потребовались дополнительные расходы, которые в очередной раз существенно ухудшили финансовое положение правительства. *Бакуфу* в короткое время

исчерпало запас бюджетной прочности, и его финансы оказались в крайне тяжёлом положении ещё до начала реальной торговли в июне 1859 г.

Дополнительным шоком были денежные проблемы, которые возникли после начала торговли. Быстро выяснилось, что соотношение стоимости золота и серебра в Японии почти в три раза меньше, чем в мире. Это повлекло рост стоимости золота внутри Японии, что вызывает появление спекулятивного ажиотажа внутри страны и за её пределами. Рост цены золота существенно отразился на ценах, номинированных в золотой и серебряной монете, что вызвало их существенное повышение. Если цена 1 *коку* риса в ноябре 1859 г. составляла 111, 2 *моммэ* за *коку*, то в ноябре следующего года она выросла до 167, 6 *моммэ*.

Таблица 1. Цена 1 *коку*⁶ риса (в *моммэ*⁷ серебром)

Год и месяц	Цена
1856.11	67.0
1857.11	98.5
1858.11	117.4
1859.11	111.2
1860.11	167.6
1861.11	112.4
1862.11	153.5
1863.11	190.3

Источник: [Кинсэй коки-ни окэру сюё бука-но дотай, 1989, с. 66–70]

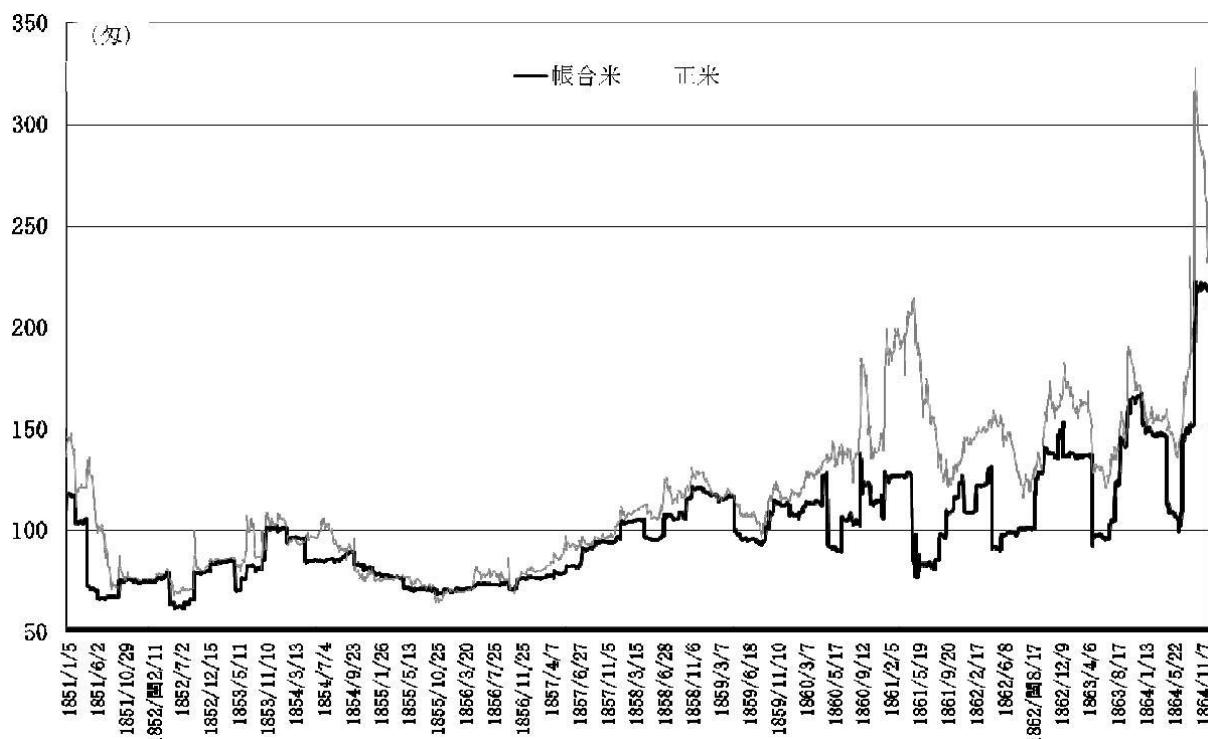

Схема: колебания цен на рис на Осакской бирже в Додзима
(цены в серебр. *моммэ*) [Какидзака Манабу, 2012, с. 72]

⁶ Мера веса, размером около 150 кг.

⁷ Весовая единица, равная 3,75 г.

Только к концу 1860 г. удалось справиться с проблемой роста цены золота путём выпуска новых видов монет года *Манъэн* и повышением номинальной стоимости золотых монет (*кобан*) годов *Тэмпо* и *Ансэй*. Цены в 1861 г. стабилизировались и даже несколько снизились на короткий период.

Правительство рассчитывало, что начало внешней торговли даст таможенные и дополнительные доходы, которые позволяют существенно уменьшить дефицит бюджета. «Открытие» страны действительно создало новый источник доходов, но не привело к кардинальному решению проблемы нехватки доходов, так как рост объёмов экспорта и импорта шёл относительно медленными темпами. В условиях опережающего роста расходов финансовое положение *бакуфу* начинает быстро ухудшаться. В 1861 г. доходы от перечеканки составили более 1,5 млн *рё* [Огути Юдзиго, 1988, с. 160], что значительно превысило уровень рекордного 1841 г. В 1863 г. доходы этой статьи составили уже 3,55 млн *рё*, то есть более чем в два раза превысили цифры 1861 г. В 1864 г. использование этого источника продолжилось с ещё большей интенсивностью и дало в бюджет 4 млн 86 тыс. *рё* [Там же]. В 1863 г. доход от перечеканки далеко превысил рекордные цифры 1841 г. По сравнению с регулярными поступлениями, не превышавшими 1,69 млн *рё* [Огути Юдзиго, 1981, с. 50], доходы от перечеканки составили 210 %, что также значительно превышает показатели 1841 г.

Большой рост дефицита и перечеканки монеты имел сразу несколько причин. В значительной мере это рост расходов, связанный с активизацией политической борьбы и необходимостью увеличить внимание вопросам обороны, но одновременно – это рост расходов под влиянием инфляции.

Наибольший рост расходов в 1863 г. связан был с проведением поездки сёгуна в Киото ко Двору императора. На эти цели была потрачена огромная сумма в 859,7 тыс. *рё* [Огути Юдзиго, 1981, с. 37], равная почти трети бюджета. Эти средства были использованы на восстановление отношений между сёгуном и императором⁸, которые испортились в связи с отказом императора санкционировать внешнеполитические действия *бакуфу* после «открытия» портов. Визит сёгуна в Киото был политическим жестом примирения, поэтому эти экстраординарные расходы можно считать следствием активизации политической борьбы и обострения политической ситуации, внесивших свой вклад в увеличение финансового бремени, ложившегося на терявшую стабильность финансовую систему страны.

Следующей заметной статьёй расходов были закупки вооружений и морских судов за рубежом. На эти цели в 1863 г. было израсходовано 468,8 тыс. *рё* [Огути Юдзиго, 1981, с. 37]⁹. По сравнению с расходами на организацию поездки в Киото – эта статья почти в два раза меньше, но она заняла вторую строчку в расходах *бакуфу*, что показывает возрастающее внимание правительства вопросам подготовки к возможному военному конфликту, который ожидался в результате быстро ухудшившихся отношений с иностранными державами.

⁸ Начало торговли привело к ухудшению экономической ситуации в городе Киото, где находилась императорская резиденция. Население города заняло резко негативную позицию по отношению к открытию страны, что повлияло на позицию императорского Двора и создало в городе благоприятные условия для концентрации в нём всех недовольных действиями *бакуфу* самураев.

⁹ Значительная часть этих средств была израсходована на закупки торговых судов за границей, на которые было истрачено около полмиллиона долларов.

При этом следует обратить самое пристальное внимание на то обстоятельство, что расходы на эти две статьи составляют менее половины доходов от производства новой монеты. Оставшаяся сумма в значительной мере была использована на покрытие регулярных расходов *бакуфу*, которые выросли на столько, что потребовали перечеканки в размерах, превышающих рекордные цифры 1840–1841 гг.

Например, различные выплаты административным чиновникам в 1863 г. по сравнению с 1844 г. выросли в 2,2 раза и составили в общей сложности 636,7 тыс. *rē* [Огути Юдзиро, 1981, с. 41]¹⁰. Расходы на содержание многочисленных жён и наложниц сёгуна выросли почти в полтора раза с 88,9 тыс. *rē* в 1844 г. до 122,1 тыс. *rē* в 1863 г. [Там же]. В несколько раз возросла также сумма кредитов крупным самураям, которые понесли дополнительные расходы после «открытия» страны и требовали от *бакуфу* финансовой помощи.

Фактически выросли почти все статьи обычного бюджета *бакуфу*. На это требуется обратить внимание прежде всего по той причине, что этот рост был в значительной мере следствием разворачивающейся инфляции, которая опять начинает набирать дополнительные обороты с 1862 г. С этого времени очень сложно провести чёткую границу между инфляционными и не инфляционными расходами.

Как видно из табл. 1, цена одного *коку* риса в ноябре 1863 г. была почти в три раза выше, чем в ноябре 1856 г.¹¹. Соответственно цены на остальные товары и услуги того времени значительно выросли, вызвав в свою очередь рост обычных расходов *бакуфу*. При этом отметим, что в 1858 г., когда торговля ещё не началась, рост цен по сравнению с 1856 г. был также значительным. То есть резкие колебания цен начали проявляться ещё до начала торговли. «Открытие» страны только ускорило этот процесс.

Одновременно отметим, что рост цен на рис также давал некоторый рост доходов *бакуфу*, потому что поземельный налог собирался также рисом. Данные сохранившихся источников говорят, что доходы от *нэнгу* (рисового поземельного налога) в 1863 г. составили 960,8 тыс. *rē*, что почти в полтора раза больше, чем в 1844 г., когда было получено 646,8 тыс. *rē* [Огути Юдзиро, 1981, с. 50]. Дополнительный доход составил немногим более 300 тыс. *rē*, что даже не могло покрыть расходов на закупку новых вооружений. Таким образом, рост поступлений от рисового налога был значительно меньше, чем рост расходов *бакуфу*. Полуторное увеличение дохода от поземельного налога не могло покрыть выросших расходов, вызванных троекратным повышением цен. Чем выше были темпы инфляции, тем эта разница между доходами и расходами становилась ещё большей. Это создавало дополнительные трудности для *бакуфу*. Тем не менее, влияние инфляции явно недооценивалось, что имело самые негативные последствия в последующие годы.

Следует отметить, что темпы роста цен значительно выше, чем темпы роста государственных расходов. Это свидетельствует об активной борьбе лидеров *бакуфу* с растущим дефицитом. В период *бакумаку* активно использовались традиционные меры

¹⁰ Цифра получена путём суммирования расходов по всем статьям, касавшимся содержания административного аппарата.

¹¹ Цена на рис была определяющей для цен этого времени, поэтому цены на остальные товары также росли сходными темпами. Однако темпы роста существенно различались в разные периоды времени. В 1856–1858 гг. наблюдался значительный рост, несмотря на то, что в этот период активные отношения и торговля с иностранными державами ещё не начались. 1858–1859 гг. – некоторая стабилизация, за которой последовал всплеск роста цен в 1860 г., который сопровождал начало торговли в 1859 г. Затем наметилось некоторое снижение цен в 1861 г., после чего был новый значительный рост в 1862–1863 гг.

экономии, что заметно проявилось во время реформ 1862 г.¹², когда была отменена система заложничества, что должно было уменьшить расходы не только крупных самураев Токугава, но и остальных *даймё*, финансовые трудности которых также нарастили значительными темпами. Однако реформы, проведённые в 1862 г. также не смогли существенно изменить ситуацию. Перечеканка монеты шла нарастающими темпами, что отражало общее ухудшение финансовой ситуации в стране.

Бюджетные проблемы накануне падения сёгуната

В последние годы существования сёгуната его финансовое положение стало катастрофическим. По выражению одного Кацу Кайсю из представителей *бакуфу*, хорошо знакомого с реальной ситуацией, «...со времени экспедиций против Тёсю, в казне не осталось денег, а все хранилища для денег стали пустыми» [Кацу Кайсю дзэнсю, 1928, т. 9, с. 333].

Финансовый крах наступил несмотря на то, что правительство активно использовало все свои источники доходов, такие как рисовый налог, взносы от крупных и мелких самураев (*дзёнокин*), которые напрямую не были задействованы в участии в военных действиях. *Бакуфу* получило несколько миллионов *rё гоёкин* со стороны ростовщических и торговых компаний, значительно увеличив эксплуатацию этого источника. В руках правительства продолжал оставаться такой мощный и испытанный источник доходов как перечеканка.

Золотой монеты достоинством в 2 *бу* года *Манъэн*¹³ было отчеканено на огромную сумму в 46 млн 898 тыс. 932 *rё* [Сакудо Ётаро, 1971, с. 579]. Если учесть, что эта монета чеканилась с 1860 по 1867 г., то ежегодная сумма перечеканки в среднем составляла 5,9 млн *rё*. Это огромная для того времени цифра, по своим размерам равная всем доходам за 1863 г. Реальный объём производства новой монеты в 1861–1863 гг. был ниже этой средней цифры. Поэтому основное количество монеты было произведено в 1864–1867 гг. и могло доходить до 8–9 млн *rё* в год. Соответственно общий объём бюджета в 1866–1867 гг. превышал 10–12 млн *rё* в год и был существенно больше, чем в предыдущие годы. Рост расходов значительно опережал рост доходов в эти годы, и многочисленные источники доходов *бакуфу* не смогли дать достаточное количество средств, чтобы покрыть расходы.

Десять тысяч чеканщиков монетного двора работали с предельной интенсивностью, однако с трудом справлялись с работой по дополнительному выпуску денег. Поэтому *бакуфу* начало переговоры о поставках машин для чеканки монеты из Европы, которые велись вплоть до его падения. Однако даже ручная работа чеканщиков давала *бакуфу* огромные суммы, которые постоянно пополняли денежные хранилища.

2 *бу* года *Манъэн* были только формально золотой монетой. Очень светлый желтоватый цвет свидетельствовал, что при их чеканке обильно использовалось серебро, которого в этой

¹² Имеются в виду реформы годов *Бункю*, включавшие помимо указов о соблюдении экономии, также реформы армии и отмену системы заложничества (*Санкин котай*). Особенno следует отметить, что ликвидация системы заложничества была проведена в ответ на многочисленные жалобы на высокую стоимость жизни в столице и необходимости экономить средства как правительства, так и крупных самураев.

¹³ Год *Манъэн* – 1860 г. по европейскому календарю. Выпуск этой денежной единицы продолжался некоторое время после реставрации Мэйдзи.

монете было более чем три четверти¹⁴. Источником серебра были не только рудники, дававшие по несколько тонн этого металла в год, но и японские серебряные монеты, и серебро, ввозившееся из-за границы в счёт покрытия отрицательного для европейских стран торгового баланса, сопровождавшего вывоз шёлка. Поэтому с сырьём для чеканки проблем *бакуфу* большую часть времени не испытывало, что предопределило выпуск этой монеты в огромных количествах.

Японские чиновники финансового ведомства того времени отличались от своих собратьев в других странах тем, что они в значительно меньшей степени использовали нестабильную ситуацию для личной выгоды и личного обогащения. В особенности это относится к Огuri Тадамаса (*Кодзукэносукэ*), одному из последних руководителей финансового ведомства, который отличался предельной рачительностью в использовании средств. Поэтому финансовые злоупотребления не были характерны для этого времени и не могут рассматриваться как причина финансовых проблем, что позволяет сконцентрировать внимание на объективных факторах ухудшения финансового положения. Что же предопределило такое состояние финансов в условиях, когда *бакуфу* активно использовало старые источники доходов и стало получать доходы от внешней торговли¹⁵?

Бакуфу в последние годы своего существования приходилось расходовать значительные средства на модернизацию флота и закупку судов. В 1866 г. оно возобновило закупки военных кораблей, на которые было истрачено свыше 900 тыс. мексиканских долларов¹⁶, поступивших от таможенных сборов¹⁷. Боевые корабли до этого не покупались с 1858 г., но очевидность надвигающегося вооруженного конфликта с Тёсю заставила чиновников *бакуфу* провести спешные закупки военных и торговых судов. В 1867 г. был куплен за 400 тыс. мексиканских долларов самый крупный боевой корабль эскадры *бакуфу* «Кайё мару», далеко превосходивший по своей боевой мощи любой другой корабль Японии того времени.

Военно-морские силы *бакуфу* пополнились крупным кораблём, который обеспечил неоспоримое военное преимущество на море. Однако появление такого крупного корабля, как и значительное общее увеличение флота, вызвало резкий рост текущих расходов на содержание морских сил сёгуната. В соответствии с документом проверки расходов на содержание флота, датированным октябрём 1867 г., предполагаемый общий объём годовых расходов вырос до 920,8 тыс. *pē* [Ояма Сикитаро, 1969, с. 52–53]. Только расходы на

¹⁴ Существовала специальная технология для придания монете золотистого цвета, как у золота. Если же монета плавилась при случайных обстоятельствах, например, при пожаре, оставался кусок металла, который легко можно было принять за серебро. *Кобан* или самая дорогая монета сёгуната также состояла из сплава золота с серебром, в котором золота было в несколько раз больше. Однако она также имела очень светлый жёлтый цвет. Сотрудники американского монетного двора, куда были привезены несколько монет *кобан* для анализа, написали в своем заключении: «*Кобан* – это монета овальной формы, мягкая и легко гнувшаяся. Она в значительной степени разбавлена серебром, но серебро урано с поверхности растворителем, поэтому монеты выглядят как золотые, пока не побывают в употреблении значительное время. Этим объясняется очень бледный вид первого образца, а также того образца, у которого была соскоблена часть поверхности, чтобы продемонстрировать настоящий цвет» [Кэнпэй сисэцу сирё сюсэй, 1961, т. 1, с. 179–180].

¹⁵ Например, за 8 лет после начала торговли сумма таможенных сборов составила 4,54 млн долл., что значительно превышало сумму в 3,25 млн долл., израсходованную на 29 военных и торговых судов, которые были куплены за тот же период [Исии Кандзи, Кайкоку то исин, Нихон-но рэкиси, т. 12, с. 167].

¹⁶ Мексиканский доллар был основной серебряной монетой, применявшейся для международных расчётов, и обменивавшейся по курсу 3 японских серебряных *бу* за 1 мексиканский долл.

¹⁷ Таможенные доходы в 1866 г. составили по данным правительства Мэйдзи 792 тыс. 9,9 иен (стоимость 1 иены первоначально равнялась 1 *pē*).

содержание самого флагманского корабля *бакуфу* «Кайё мару» за год должны были составить около 120 тыс. *rё*. Столь значительные расходы существенно превышали ожидания чиновников *бакуфу*, что стало причиной проведения внеочередной проверки, давшей неутешительные для чиновников *бакуфу* результаты. Текущие расходы на обслуживание флота росли под влиянием роста цен, и административные чиновники могли только констатировать быстрое ухудшение ситуации. Например, быстрый рост поденной платы плотникам, в значительных количествах трудившихся на кораблях флота того времени, которая за период с 1863 по 1866 гг., как видно из табл. 2, увеличилась в четыре-пять раз, что существенно увеличило расходы на содержание кораблей.

Таблица 2. Подённая плата плотников (в моммэ серебром)

Год	Плата
1863	2,7–2,9
1864	3,6
1865	Нет данных
1866	11,4–17,1
1867	16,8–19,8

Источник: [Эдо букука дзитэн, 1991, с. 208–209]

Рост поденной платы плотников значительно отставал от темпов инфляции на предметы первой необходимости, которыми снабжались экипажи кораблей. Поэтому рост по этим статьям был ещё большим. Инфляция в разы увеличила расходы на содержание флота, что становилось существенным дополнительным фактором роста военных расходов.

Рост расходов сказывался не только на финансировании флота. Он влиял также на процесс модернизации сухопутной армии, который включал создание воинских контингентов из людей не самурайского происхождения, полностью финансируемых из бюджета. В январе 1865 г. расходы на содержание нового одиннадцати тысячиного воинского контингента, реорганизованного по европейскому образцу, оценивались в 2 млн *rё*, то есть примерно столько же, сколько регулярные доходы *бакуфу* того времени. При этом расходы на содержание личного состава оценивались в 1,3 млн *rё*, то есть более 100 *rё* в год на одного солдата [Кацу Кайсю дзэнсю, 1977, т. 17, с. 492]. Эта сумма ещё несколько лет назад составляла годовой доход самурая среднего ранга, что также свидетельствовало о значительном обесценении денег и росте цен. Росли цены на обмундирование и продовольствие. Это хорошо демонстрируют цены на рис, которые, как видно из табл. 3, за четыре последних года существования сёгуната выросли почти в 9 раз.

Таблица 3. Цена 1 *коку* риса (в моммэ серебром)

Год	Цена
1864.1	164.5
1865.1	208.5
1866.1	473
1867.1	1475

Источник: [Очерки новой истории Японии, 1958, с. 140].

Также высокими темпами росли все остальные цены на продовольствие и товары повседневного назначения, что существенно повлияло на реализацию многих проектов *бакуфу*, включая организацию современных производств с использованием западных технологий. Например, строительство судоремонтной верфи в Ёкосука в конечном итоге потребовало в полтора раза больших расходов [Ояма Сикитаро, 1969, с. 65]¹⁸, чем это планировалось первоначально [Ояма Сикитаро, 1969, с. 79], несмотря на то, что правительство достраивало эту верфь, значительно сокращая по ходу отдельные статьи расходов проекта. Известный японский исследователь Ояма Сикитаро, занимавшийся проблемами инфляции этого времени, прямо указывает, что одной из основных причин роста расходов на строительство были цены [Ояма Сикитаро, 1969, с. 79].

В итоге *бакуфу* постигло финансовое банкротство, время наступления которого примерно понятно из анализа выплаты компенсации за обстрел иностранных судов в Симоносэки, на которую *бакуфу* пришлось согласиться в сентябре 1864 г. Общая сумма компенсации определялась в 3 млн долл., которые должны были быть выплачены равными частями по 500 тыс. долл. по два раза в год. *Бакуфу* дало согласие на уплату компенсации, несмотря на то, что иностранные державы предлагали на выбор либо выплачивать деньги, либо открыть дополнительно порт Кобэ.

В 1864 г. было начато строительство верфи в Ёкосука и *бакуфу* дало согласие на выплату компенсации за события в Симоносэки, поэтому можно предполагать, что финансовая ситуация ещё не дошла до критической черты и *бакуфу* имело ещё некоторый финансовый резерв. Соответственно в течение следующего года *бакуфу* удалось почти в срок сделать два первых платежа в счёт выплаты компенсации. Однако дальше ситуация кардинально изменилась. Третья часть была уплачена в апреле 1866 г. после многочисленных переговоров и отсрочек. После чего платежи были прекращены. Таким образом, до своего падения *бакуфу* выплатило только половину суммы, положенной в качестве компенсации за обстрел иностранных судов в Симоносэки, хотя к 1868 г. оно должно было полностью окончить платежи. Из этого можно сделать заключение, что с 1866 г. подпадают под сокращение выплаты по международным обязательствам, и наступает фактическое банкротство *бакуфу*.

На 1866 г. также приходится проведение экспедиции *бакуфу* против Тёсю, подготовка к которой началась в 1865 г. и нанесла финансам очень чувствительный удар. Только за период с мая 1865 г., когда сёгун отбыл из Эдо в Киото для проведения первой экспедиции против Тёсю, до начала активных боевых действий в июне 1866 г. расходы на текущее содержание армии, без закупок вооружений, составили около 3 млн *рё* [Ояма Сикитаро, 1969, с. 107]. Это дало возможность *бакуфу* к началу боевых действий иметь новые войска европейского типа, однако вынудило его направить все оставшиеся средства только на обеспечение нужд армии и флота, отложив оплату всех прочих расходов [Кацу Кайсю дзэнсю 1928, т. 9, с. 333].

Первоначально военные действия разворачивались на юге, который не имел большого значения для финанс центрального правительства. Потеря контроля *бакуфу* за этими районами мало сказывалась на поступлениях в казну налогового риса. Только приближение театра военных действий к долине Канто и столице Эдо в 1867 г. изменило ситуацию. С января по апрель 1868 г. налоговые доходы составили лишь 62 тыс. 800 *коку*, что несравненно

¹⁸ Первоначальная стоимость проекта предполагалась в размере 2 млн 400 тыс. долл.

меньше, чем было в предыдущие годы [Токугава бакуфу дзитэн 2003, с. 263]. Наступает финансовый коллапс.

В конечном итоге *бакуфу* проиграло войну, но победители, войдя в Эдо, не смогли обнаружить хоть сколько-то заметных запасов денег в опустевших хранилищах *бакуфу*. Они же рассчитывали найти огромные богатства, поэтому абсолютно не поверили картине, открывшейся перед их глазами. Финансовые работники были подвергнуты суровому допросу и пыткам. Огuri Тадамаса был казнён, но применение жёстких мер не помогло обнаружить никаких тайных хранилищ. Это стало ещё одним свидетельством финансового краха сёгунов Токугава.

Заключение

Финансовый крах сёгуната наступает в кризисной ситуации, в которой действовали военные, политические и экономические факторы. Ухудшение финансовой ситуации в стране заметно ускоряется в период «открытия» страны и прекращения режима изоляции, когда происходило открытие новых портов, расширение внешней торговли и активизация контактов с европейскими странами и Америкой по широкому спектру отношений. Поэтому в случае *бакумаку* речь идёт не столько о финансах военного времени, сколько о финансах периода резкой активизации внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности, и связанной с этим внутриполитической борьбы.

Можно констатировать резкое ухудшение финансового положения *бакуфу* и наступление банкротства в конце сёгуната Токугава. Невозможно с абсолютной точностью назвать месяц наступления финансового краха, можно только утверждать, что он наступил в 1865–1866 гг., то есть ещё до военного поражения *сёгуната*.

Банкротство *бакуфу* приходится на сложный в политическом отношении период, когда начинается гражданская война, поэтому, отвечая на вопрос о том, что являлось причиной финансового краха, прежде чем сделать окончательный вывод, необходимо высказать следующее соображения. Можно сказать, что причиной финансового краха были расходы на закупки вооружений и модернизацию армии, а также расходы на экспедицию против Тёсю. Это также не будет ошибкой, так как военные расходы были самой крупной статьёй того времени. Можно также говорить о том, что основной причиной стала компенсация за обстрел иностранных судов в Симоносэки и невозможность вовремя собрать нужное количество средств, чтобы выплатить эту сумму. Однако в любом случае следует признать одновременное воздействие сразу нескольких факторов. Особенно это касается небольшой в целом по своей сумме компенсации за обстрел в Симоносэки, которая не имела критического значения в значительном перечне дополнительных расходов сёгуната, но могла сыграть роль последней капли, переполнившей чашу расходов, которые окончательно расстроили финансы *бакуфу*.

Рост расходов был связан с закупками оружия и снаряжения, созданием новой армии и переводом её на новые формы финансирования, строительством военных заводов и верфей, выплатой компенсации иностранным государствам. В значительно меньшей степени его можно рассматривать как результат разрушений в ходе военных действий и расстройством работы налогового аппарата, которые начали проявляться только в последние полгода существования сёгуната. Также банкротство не было следствием злоупотреблений и нецелевого расходования средств работниками финансового ведомства.

При определении причин банкротства необходимо также учитывать воздействие инфляции, которая увеличивала расходы на содержание армии, а также на реализацию строительных проектов. Это влияние вырастает лавинообразно именно на заключительных стадиях *бакумацу*, существенно увеличив расходы правительства, сделав бесперспективными попытки бороться с этим ростом основным средством, которое находилось в распоряжении чиновников финансового ведомства, то есть путём использования перечеканки монеты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бедняк И.Я., Гальперин А.А. и др. Очерки новой истории Японии. М: Изд-во восточной литературы, 1958. 598 с. (коллективная монография на русском языке).

Исии Кандзи. Кайкоку то исин : [«Открытие» страны и Реставрация]. Тайкэй Нихон но рэкиси. Токио: Сёгаккан. Т. 12. 1993. 435 с.

Кацу Кайсю. Дзэнсю : [Кацу Кайсю. Собрание сочинений]. Токио: Кэйсо сёбо. Т. 17. 1973. 442 с.

Кацу Кайсю. Кацу Кайсю дзэнсю : [Собрание сочинений Кацу Кайсю]. Токио. Т. 9. 1928.

Какидзака Манабу. 19 сэйки ни окэру Додзима комэ сидзё но корицусэй ни цуйтэ но иккосацу : [К вопросу об эффективности рисового рынка Додзима в 19 столетии]. Нихон кэйдзай кэнкю, 2012. № 66. С. 72–87.

Кинсэй коки ни окэру сюё букка но дотай : [Динамика основных цен во второй половине периода Кинсэй]. Токио: Токё дайгаку сюппанкай. 1989. 125 с.

Манъэн ганнэн кэнбэй сисэцу сирё сюсэй : [Сборник материалов посольства в Америку]. Токио: Кадзама сёбо. 1961. Т. 1-7.

Миками Рюдзо. Эдо Бакуфу: тосан э но мити : [Эдо Бакуфу: путь к банкротству]. Токио: Нихон хосо сюппанкай. 1994. 198 с.

Огути Юдзиро. Тэмпо ки но бакуфу дзайсэй : [Финансы периода бакумацу в годы Тэмпо]. Токио: Отяномидзу дзёси дайгаку дзинбун кагаку киё. 22(2). 1969. С. 15–75.

Огути Юдзиро. Бункю ки но бакуфу дзайсэй : [Финансы бакуфу годов Бункю]. В сб.: Бакумацу Мэйдзи но Нихон кэйдзай : [Японская экономика в период Бакумацу-Мэйдзи] / под ред. Ода Коносукэ, Ямamoto Юдзо. (Сирё кэйдзай си ронсю: : [Очерки по количественной экономической истории] 4). Токио: Нихон кэйдзай симбунся. 1988. С. 31–62.

Огути Юдзиро. Гоёкин то кинсацу : [Принудительные займы (*гоёкин*) и бумажные деньги с золотым эквивалентом]. В сб.: Бакумацу-Исин но Нихон : [Япония периода Бакумацу-Мэйдзи исин]. Токио: Ямакава сюппанся. 1981. С. 159–180.

Ояма Сикитаро. Бакумацу дзайсэй кинью сирон : [Теория денег и финансов бакумацу]. Токио: Минерува сёбо. 1969. 412 с.

Сакудо Ётаро. Кинсэй хокэн сякай но кахэй кинью кодзо : [Структура финансов и денежного обращения феодального общества периода Кинсэй]. Токио: Ханава сёбо, 1971. 599 с.

Симадзу Нариакира но субэтэ : [Всё о Симадзу Нариакира] / под ред. Мурено Моридзи. Токио: Синдзинбуцу орайся, 1989. 259 с.

Токугава бакуфу дзитэн : [Справочник Токугава бакуфу] / под ред. Такэути Макото. Токио: Токёдо сюппан, 2003. 591 с.

Толстогузов С.А. Сёгунат Токугава в годы Тэмпо. Антикризисная политика и реформы в Японии. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing. 2013.

Тэмпо цухо. URL: <https://ja.wikipedia.org/wiki/%E5%A4%A9%E4%BF%9D%E9%80%9A%E5%AE%9D> (дата обращения: 15.08.2018).

Эдо букка дзитэн : [Справочник цен в период Эдо] / под ред. Оно Такэо. Токио: Тэнбося. 1991. 475 с.

Crawcour E.S., Kozo Yamamura. The Tokugawa monetary system: 1787–1868 : [Денежная система Токугава: 1787–1868] // Economic Development and Cultural Change. Vol. 18, No. 4, Part 1 (July, 1970). P. 489–518.

Frost Peter. Bakumatsu Currency Crisis : [Денежный кризис Бакумасу]. Cambridge, M.A: East Asian Research Center, Harvard University. 1970. 79 p.

Jansen Marius, The emergence of Meiji Japan : [Становление мэйдзийской Японии]. New York, NY: Cambridge University Press, 1995. 351 p.

Tolstoguzov S. The Bakumatsu Currency Crisis and the Bakufu's Finances // Japan Studies Association Journal, 2012, vol. 10. P. 119–137.

REFERENCES

- Bednyak, I.Ya., Galperin, A.A. (1958). Ocherki novoy istorii Iaponii [The Outlines of the Modern History of Japan], Moscow: Oriental Literature Publishing House. (In Russian).
- Crawcour, E.S., Yamamura, K. (1970). The Tokugawa monetary system: 1787–1868, *Economic Development and Cultural Change*, 18(4), Part 1: 489–518.
- Edo bukka jiten [The Price Vocabulary of the Edo Period] (1991). Ed. by Takeo Ono, Tokyo: Tenbosha. (In Japanese).
- Frost, P. (1970). Bakumatsu Currency Crisis, Cambridge, M.A: East Asian Research Center, Harvard University.
- Ishii, Kanji (1993). Kaikoku to ishin [The Opening of the Ports and Restoration], in *Taikei Nihon no rekishi*, Tokyo: Shogakukan, Vol. 12. (In Japanese).
- Jansen, M. (1995). The emergence of Meiji Japan, New York: Cambridge University Press.
- Kakizaka, Manabu (2012). 19 seiki ni okeru Dojima kome shijo no koritsusei ni tsuite ikkosatsu [A study on the Efficiency of the Dojima Rice Market in the 19th Century], *Nihon Keizai kenkyu*, 66: 72–87. (In Japanese).
- Katsu, Kaishu (1928). Katsu Kaishu zenshu: [Katsu Kaishu's Complete Works], Vol. 9, Tokyo. (In Japanese).
- Katsu, Kaishu (1973). Zenshu: [Complete Works], Vol. 17, Tokyo: Keiso shobo. (In Japanese).
- Kinsei koki ni okeru shuyo bukka no dota [The Main Price Dynamics in the Second Half of the Kinsei Period] (1989). Tokyo: Tokyo daigaku shuppankai. (In Japanese).
- Man'en gannen kenbei shisetsu shiryo shusei: [A collection of materials on the Japanese Embassy to the United States in the year Man'en] (1961). Vol. 1–7, Tokyo: Kazama shobo. (In Japanese).
- Mikami, Ryuzo (1994). Edo Bakufu: tosan e no michi [Edo Bakufu: the Way to the Bankruptcy], Tokyo: Nihon hoso shuppankai. (In Japanese).
- Oguchi, Yujiro (1988). Bunkyu ki no bakufu zaisei [The Finances of Bakufu in the Bunkyu Years], in Odaka, Konosuke and Yamamoto, Yuzo (ed.) (1988). *Bakumatsu-Ishin no Nihon keizai*

(*Suryo Keizai shi ronshu 4*) [Japanese economy in Bakumatsu-Meiji period (Essays in the quantitative economic history 4)], Tokyo: Nihon keizai Shinbunsha: 31–62. (In Japanese).

Oguchi, Yujiro (1981). Goyokin to kinsatsu: [Goyokin and gold scrips], in *Bakumatsu-Ishin no Nihon* [Japan in the Periods of the Bakumatsu and the Meiji Restoration], Tokyo: Yamakawa shuppansha. (In Japanese).

Oguchi, Yujiro (1969). Tenpo ki no bakufu zaisei [The Finances of Bakufu in the Tenpo years], *Ocha no mizu joshi daigaku jinbun kagaku kiyo*, 22(2): 15–75. (In Japanese).

Oyama, Shikitaro (1969). Bakumatsu zaisei kin'yu shiron [The theory of finance and money circulation in the Bakumatsu Period], Tokyo: Mineruba shobo. (In Japanese).

Sakudo, Yotaro (1971). Kinsei hoken shakai no kahei kin'yu kozo [Monetary and Financial Structure of Feudal Society during the Kinsei Period], Tokyo: Hanawa shobo. (In Japanese).

Shimazu Nariakira no subete: [All about Shimazu Nariakira] (1989). Ed. by Murano, Moriji, Tokyo: Shinjinbutsu oraisha. (In Japanese).

Tenpo tsuho. URL: <https://ja.wikipedia.org/wiki/%E5%A4%A9%E4%BF%9D%E9%80%9A%E5%AE%9D> (accessed: 15 August 2018). (In Japanese).

Tokugawa bakufu jiten: [The Handbook of the Tokugawa Bakufu] (2003). Ed. by Takeuchi, Makoto, Tokyo: Tokyodo shuppan. (In Japanese).

Tolstoguzov, S.A. (2013). Segunat Tokugawa v gody Tempo. Antikrisisnaya politika i reformy v Yaponii [The Tokugawa Shogunate in the Tenpo Years. The Crisis Management and Reforms in Japan], Saarbrücken: LAMBERT Academic Publishing. (In Russian).

Tolstoguzov, S.A. (2012). The Bakumatsu Currency Crisis and the Bakufu's Finances, *Japan Studies Association Journal*, 10: 119–137.

Поступила в редакцию 17.04.2020

Received 17 April 2019

Для цитирования: Толстогузов С.А. Денежно-финансовый кризис периода бакуматсу в Японии // Японские исследования. 2020. № 1. С. 6–20. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10001

For citation: Tolstoguzov S.A. (2020). Denezhno-finansovyy krizis perioda bakumatsu v Yaponii [The financial and currency crisis in Japan during the Bakumatsu Period], *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2020, 1: 6–20. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10001

Японские исследования. 2020. № 1. С. 21–47.

Japanese Studies in Russia, 2020, 1, pp. 21–47.

DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10002

Новая историческая веха в китайско-японских отношениях: насколько глубоко потепление и что за ним стоит?*

А.А. Киреева

Аннотация. В статье анализируется современный этап сближения в отношениях Китая и Японии, который наступил в 2017–2019 гг. Данная статья ставит целью охарактеризовать изменения в отношениях Китая и Японии и объяснить их причины и характер. В начале анализируются ключевые характеристики китайско-японских отношений до начала улучшения. В результате обострения территориального спора и ряда других факторов, обе страны стали воспринимать друг друга как угрозу безопасности и проводить политику балансирования, а тренд на стратегическое соперничество стал превалирующим в их региональном взаимодействии. Ключевыми факторами сближения послужили: стремление Китая улучшить отношения с Японией в результате ухудшения китайско-американских отношений и усиления стратегического соперничества на Индо-Тихоокеанском пространстве, стремление Японии хеджировать риски, связанные с непоследовательной политикой президента США Д. Трампа, заинтересованность обеих стран в расширении экономического сотрудничества, в особенности со стороны Китая вследствие ухудшения экономической ситуации, стремление двух государств стабилизировать взаимодействие в Восточно-Китайском море и избежать военного конфликта, наличие сильных лидеров и консолидация власти в обеих странах, некоторое улучшение общественного мнения КНР по отношению к Японии. Делается вывод о том, что положительную динамику в отношениях Японии и Китая в 2017–2018 гг. следует рассматривать как нормализацию политического диалога и восстановление нормальных контактов. В условиях отсутствия трансформации стратегий обеих стран в области политики и безопасности и сохраняющейся дилеммы безопасности говорить о серьёзном улучшении отношений преждевременно. Ни одна из сторон не изменила своей позиции по спорным островам в Восточно-Китайском море, и они всё ещё остаются стратегическими соперниками за региональный порядок в Азии. Речь скорее идет о менеджменте конфликтных отношений, а не о разрешении существующих споров. Наиболее вероятно ограниченное улучшение отношений Китая и Японии, в выгодных обеим странам формах, не перетекающее тем не менее в существенное сближение при сохранении стратегического соперничества в сфере политики и безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе.

Ключевые слова: Китай, Япония, китайско-японские отношения, Восточная Азия, Индо-Тихоокеанский регион, США, Абэ Синдзо, Си Цзиньпин.

Автор: Киреева Анна Андреевна, кандидат политических наук, доцент кафедры востоковедения, научный сотрудник Центра комплексного китаеведения и региональных проектов, МГИМО Университет МИД России (адрес: 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76). E-mail: a.kireeva@my.mgimo.ru

* Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда, проект № 18-78-00140.

A new historic era in China-Japan Relations: How deep is the rapprochement and what are the reasons?*

A.A. Kireeva

Abstract. The article seeks to analyze a new stage in China-Japan relations in 2017–2019 and provide an assessment of the rapprochement in bilateral relations, explain its causes and characterize its depth. The paper begins by analyzing the key characteristics of the relationship before the current period. As a result of the escalation of the territorial dispute and a number of other factors, both China and Japan increasingly viewed each other as security threats and employed a balancing strategy. Strategic competition in Asia became a dominant trend. The following factors contributed to the rapprochement: China's desire to mend fences with Japan as a result of deteriorating China-US relations and exacerbating strategic competition in the Indo-Pacific, Japan's wish to hedge the risks of Donald Trump's inconsistent policy, the interest of both states in expanding economic cooperation, in particular that of China following its economic downturn, the aspirations of the two countries to stabilize their interaction in the East China Sea and avert military escalation, strong leadership and consolidation of power by both nations' leaders, a certain improvement in the attitude of China's population towards Japan. A conclusion is drawn that the positive dynamics between China and Japan should be regarded as a normalization of political dialogue and restoration of normal contacts. With no serious transformations of China's or Japan's foreign policy and security strategies, it is too early to conclude that a tangible rapprochement is actually taking place. Neither party changed its position on the territorial dispute and they remain strategic competitors for the regional order in Asia. The current stage should be more accurately characterized as conflict management, not conflict resolution. It is likely that a certain improvement of China-Japan relations is to continue in the forms beneficial to both states. However, it is unlikely to transform into tangible rapprochement, with strategic competition in the Indo-Pacific persisting.

Keywords: China, Japan, China-Japan relations, East Asia, Indo-Pacific, US, Abe Shinzo, Xi Jinping.

Author: Kireeva Anna A., PhD (Political Science), Associate Professor, Department of Asian and African Studies, Research Fellow, Center for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects, MGIMO University (address: 76, Vernadskogo Av., Moscow, 119454, Russian Federation). E-mail: a.kireeva@my.mgimo.ru

Китай и Япония являются ключевыми ведущими государствами в Восточной Азии и второй и третьей экономикой мира по объёму номинального ВВП, при этом отношения стран характеризуются существованием трендов стратегического соперничества и стратегического партнёрства при преобладании первого. Для описания японо-китайских отношений длительное время использовалась формула «холодная политика и горячая экономика» (яп. *сэйрэй кэйнэцу* / кит. *чжэнлэн цзинжэ*): это означало, что существует серьёзные политические разногласия и активное экономическое сотрудничество. Высокий уровень экономической взаимозависимости, гуманитарные и культурные обмены всё это время служили стабилизирующим фактором двухсторонних отношений, но самих по себе ихказалось недостаточно для того, чтобы предотвратить усиление напряжённости и соперничества в сферах политики и безопасности [Takahara, 2017, p. 27–57]. Отношения двух стран сильно ухудшились в результате обострения территориального спора в Восточно-

* This work was supported by the Russian Science Foundation under Grant number 18-78-00140.

Китайском море вокруг островов Сэнкаку/Дяоюйдао в 2012 г.¹ Двусторонние отношения стали характеризоваться антагонизмом, а региональное взаимодействие стало демонстрировать преобладание стратегического соперничества.

Начиная с 2017 г. в отношениях Китая и Японии можно наблюдать признаки потепления. С. Абэ занял кардинально отличающуюся от прежней позицию, когда объявил о возможности участия Японии в китайской Инициативе пояса и пути (ИПП). Во время встречи на полях саммита АТЭС во Вьетнаме в ноябре 2017 г. лидеры двух стран согласились дать отношениям новый старт. В мае 2018 г. состоялся визит премьера Госсовета КНР Ли Кэцяна в Японию на трёхсторонний саммит КНР – Япония – Республика Корея, а в октябре 2018 г. – первый за последние семь лет визит японского премьер-министра С. Абэ в Китай. По итогам переговоров С. Абэ с председателем КНР Си Цзиньпином оба лидера договорились о том, что отношения должны войти в новую эпоху, а страны не должны представлять угрозы друг другу и должны перейти от соперничества к сотрудничеству. В 2019 г. на саммитах в июне и декабре руководители КНР и Японии подтвердили заинтересованность в расширении сотрудничества таким образом, чтобы отношения двух стран стали стабильными в долгосрочной перспективе.

Изменения в китайско-японских отношениях вызывают вопрос: какие факторы привели к улучшению отношений и насколько серьёзным оно является? Данная статья ставит целью охарактеризовать изменения в отношениях Китая и Японии и объяснить их причины и характер. Она структурирована по трём частям. Вначале анализируются ключевые характеристики китайско-японских отношений до начала улучшения. Далее рассматриваются события, которые позволяют ставить вопрос о начале новой фазы отношений. После этого характеризуются факторы, которые привели к данному развитию, а в заключительной части делается вывод о том, насколько серьёзным является улучшение китайско-японских отношений.

Китайско-японские отношения после 2012 года: скорее стратегические соперники, чем партнёры

В ходе эскалации конфликта вокруг островов Сэнкаку/Дяоюйдао, последовавшего за национализацией трёх островов японским правительством в сентябре 2012 г., прошли массовые антияпонские демонстрации в Китае, нанёсшие серьёзный экономический ущерб японскому бизнесу. Помимо этого, произошло резкое усиление активности китайской береговой охраны, которая стала регулярно заплывать в территориальные воды спорных островов, и патрульных самолетов, регулярно приближающихся к ним, иногда сопровождающееся заходом большого количества «морского ополчения» китайских рыболовецких шхун. Руководство КНР, восприняв решение правительства Японии как неуважение к его позиции и нарушение статус-кво, решило тем самым создать новый статус-кво, предполагающий конкурирующее присутствие в данной акватории, для того, чтобы подкрепить свои притязания на острова. Отношения между странами оказались фактически заморожены: были отменены все мероприятия, посвященные 40-летней годовщине нормализации отношений, прекращены встречи на высшем уровне и по линии военных

¹ Подробнее об эскалации территориального конфликта см. [Стрельцов, 2015, с. 121–138; Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России, 2019, с. 57–78].

ведомств, а встречи на уровне МИД сводились к озвучиванию разных позиций [Dangerous Waters, 2013, p. 7–9, 13–14].

Пришедшему к власти в Японии в декабре 2012 г. С. Абэ, который в 2006 г. «разбил лёд» в отношениях двух стран после напряжённости во время премьерства Дз. Коидзуми, и окончательно получившему власть в КНР в марте 2013 г. Си Цзиньпину, испортившиеся отношения достались «в наследство» от предыдущих правительств [Кавасима, 2018, с. 28–29]. Однако они оба заняли жёсткие позиции: С. Абэ заявил о решимости защищать острова и указал на важную роль японо-американского альянса, американские гарантии в рамках которого распространяются на все территории под административным контролем Японии, а председатель КНР указал на то, что коренные национальные интересы страны не являются предметом торга, а ущерб суверенитету и безопасности страны недопустим. В январе 2013 г. произошел ряд инцидентов с наведением китайским эсминцем боевого радара на японский вертолет и эсминец, а в ноябре 2013 г. КНР установила Опознавательную зону ПВО (Air Defense Identification Zone, ADIZ) над Восточно-Китайским морем, которая включала район спорных островов. Жёсткие правила предписывали необходимость получения предварительного согласия на пролеты любых самолетов. Данный шаг был интерпретирован Японией как направленный на силовое изменение статус-кво [Old Scores and New Grudges, 2014, p. 3–4, 10–13].

В выдвинутой в 2013 г. председателем КНР Си Цзиньпином концепции «китайской мечты» виктимность «века унижения» со стороны Запада и Японии сочеталась с идеей великого возрождения китайской нации как исторически справедливого процесса возвращения её уникального богатства, могущества и престижа. Использование негативного образа Японии как «другого» для конструирования идентичности в Китае превращает спор, который в других условиях мог бы занимать незначительное место в отношениях, в один из «коренных интересов», по которому правительство должно занимать жёсткую позицию в отношении Японии. Идеологические представления С. Абэ в свою очередь основаны на стремлении пересмотреть историю с тем, чтобы патриотизм и гордость за достижения страны стали нормальными для граждан, сломать послевоенный режим с его ограничениями и трансформировать Японию в «нормальное государство», избавившись от пацифистских ограничений. Премьер-министр в своей речи в феврале 2013 г. в США заявил, что Япония никогда не будет страной второго эшелона [Dian, 2017, p. 125–131, 227–231].

В результате посещения С. Абэ в официальном качестве в святилище Ясукуни в декабре 2013 г. КНР начала широкомасштабную кампанию, фактически демонизируя Японию и обвиняя её в возрождении национализма, милитаризма и разрушении международного порядка, установленного после Второй мировой войны. В Китае стали называть Японию источником неприятностей и предлагать странам региона объединиться, чтобы не допустить её милитаризации. После того, как в 2010 г. Япония уступила статус второй экономики мира Китаю, в КНР усилилось восприятие того, что Япония уже не является настолько важной страной, и что она намного больше зависит от китайской экономики, чем наоборот. Преобладающей в Китае стала точка зрения о том, что по мере увеличения комплексной мощи другие страны будут вынуждены приспособиться к его требованиям. В июле 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин заявил, что защита морских прав и интересов должна идти рука об руку с увеличением комплексной мощи КНР, что должно служить реализации «китайской мечты» великого возрождения китайской нации. Но

при этом должна сохраняться и стабильность, необходимая для продолжения развития страны [Old Scores and New Grudges, 2014, p. 4–7, 15–17; Pugliese, Insiasa, 2017, p. 11].

Взгляды обоих лидеров рисовали картину своих государств как сильных и гордых стран, которые занимают правильную позицию и не готовы идти на компромисс. Это подкреплялось кампаниями патриотического образования и распространением антагонистичного дискурса для консолидации общественного мнения в целях противодействия угрозе. В 2014 г. КНР установила два новых праздника – национальный день памяти жертв Нанкинской резни 13 декабря и день мучеников – людей, которые отдали свои жизни, сражаясь за независимость и процветание Китая, начиная с опиумных войн, – 30 сентября. 3 сентября 2015 г. в Китае впервые прошёл парад в честь 70-летней годовщины дня победы над Японией, в котором приняло участие более 12 тысяч солдат и большое количество военной техники. Премьер-министр С. Абэ стал проводить политику, направленную на усиление позиций Японии как ведущей державы в регионе и мире в целом, и, согласно его заявлению в день 70-летней годовщины поражения в войне в 2015 г., Япония будет твёрдо привержена базовым ценностям свободы, демократии и прав человека, сотрудничать со странами, разделяющими данные ценности и вносить ещё больший вклад в мир и процветание во всем мире. [Pugliese, Insiasa, 2017, p. 2, 6–7, 29–31]. В результате эскалации конфликта большинство населения стало воспринимать друг друга негативно – более 90%, согласно опросам общественного мнения [Takahara, 2017, p. 49].

Вследствие обострения территориального спора в Восточно-Китайском море произошли следующие ключевые изменения. Во-первых, действия Китая всё больше стали восприниматься в Японии как угроза безопасности, во многом именно они были использованы как аргументация, оправдывающая трансформацию японской стратегии в области национальной безопасности при С. Абэ, включая право на коллективную самооборону [Pugliese, Insiasa, 2017, p. 67–70]. Более того, политика КНР стала позиционироваться как направленная на изменение статус-кво не только вокруг островов Сэнкаку/Дяоюйдао, но и всего регионального порядка в Восточной Азии. Согласно распространённым в Японии оценкам, Китай не поддерживает продвигаемый Японией порядок, основанный на международном праве, и стремится к установлению гегемонистского порядка в регионе [Old Scores and New Grudges, 2014, p. 14; Hughes, 2016, p. 127]. Во всех ключевых концептуальных документах и в выступлениях руководства Японии действия КНР стали характеризоваться как угрожающие безопасности и направленные на изменение статус-кво силовым путём, при этом с 2014 г. акцент стал делаться на взаимосвязанность «агgressивных» действий Китая в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях [Pugliese, Insiasa, 2017, p. 8].

Ранее Япония проводила стратегию «перестраховывания» (*hedging*), в рамках которой она с одной стороны проводила политику вовлечения по отношению к Китаю (*engagement*), а с другой – балансирования (*balancing*) китайской военной мощи с помощью альянса с США. Одновременно, Япония в некоторой степени стремилась защититься от рисков вовлечения в конфликты на стороне Соединённых Штатов в конфликтах вокруг Тайваня и Корейского полуострова или, наоборот, их неготовности помочь своему союзнику в случае конфликта (т.н. стратегия двойного перестраховывания). В результате целого ряда негативных изменений Япония фактически перешла к стратегии балансирования по отношению к Китаю: мягкого – с помощью укрепления отношений с другими азиатскими странами на периферии

Китая, также озабоченными его возвышением, и жёсткого – с помощью наращивания военной мощи сил самообороны (ССЯ), трансформации политики в области безопасности и укрепления альянса с США [Hughes, 2016, p. 121–150].

Военно-морское планирование Японии в качестве приоритетного направления перенесло фокус с возможного нападения со стороны КНДР и обострения ситуации в Тайваньском проливе на потенциальное нападение Китая на Японию на юго-западном направлении, сохранив важную роль планирования на случай угрозы со стороны Северной Кореи. НОАК КНР также начала серьёзно готовиться к возможному военному конфликту с Японией, хотя и отмечалось, что боевые действия не начнутся в условиях отсутствия провокаций со стороны Японии. Таким образом, налицо заметное усиление дилеммы безопасности в отношениях двух стран [Old Scores and New Grudges, 2014, p. 8–10], а также их переход к политике балансирования по отношению друг к другу, хотя военная политика КНР в основном направлена на противодействие США как ключевому военно-политическому сопернику [Pugliese, Insiasi, 2017, p. 49–50].

Во-вторых, произошло усиление тренда на стратегическое соперничество Китая и Японии не только в двустороннем взаимодействии, но и на региональном уровне. В ответ на китайскую антияпонскую пропаганду Япония также начала усиленно транслировать свою позицию не только для домашней аудитории, но и во внешний мир, что привело к активному соперничеству нарративов двух стран. Каждая из них обозначала себя как миролюбивую и поддерживающую статус-кво и современный международный порядок страны, а другую – как агрессивную и ревизионистскую державу, которая бросает вызов международному порядку. Начиная с этого периода, Япония начинает делать акцент на свой опыт первой азиатской нации, которая осуществила модернизацию, универсальные ценности, демократию и принцип свободы судоходства, противопоставляя их «агрессивной» и ревизионистской политике авторитарного Китая. Следует отметить, что эти принципы не являются характерными ни для традиционно прагматичной японской внешней политики, ни для консервативных взглядов самого премьер-министра и его сторонников, которые традиционно увязывают успешность защиты прав граждан с сильным государством. КНР же стала делать акцент на историческом ревизионизме Японии, символизирующем её движение к милитаризму, которое, с её точки зрения, нарушает весь послевоенный порядок [Pugliese, Insiasi, 2017, p. 5–14, 103–128].

Позиция Японии с этого времени стала базироваться на том, что любое изменение статус-кво силовым путём недопустимо, т.к. оно нарушает международные нормы и договор о мире и дружбе 1978 г. Помимо этого, с точки зрения её руководства, отдельные проблемы в отношениях, будь это территориальный спор или вопрос посещения храма Ясукуни, не должны подрывать весь диалог в целом [Takahara, 2017, p. 58]. Китай в свою очередь стал настаивать на том, чтобы Япония признала сам факт существования территориального спора, а премьер-министр С. Абэ пообещал впредь не посещать святилище Ясукуни. Эти требования позиционировались как предварительные условия для проведения встречи на высшем уровне. Японское руководство не было согласно ни на признание спора, ни на изменение статус-кво и формирование совместного административного контроля [Pugliese, Insiasi, 2017, p. 49].

С середины 2014 г. Китай начал постепенно смягчать свою позицию по отношению к Японии. Из-за ряда инцидентов и опасных сближений самолётов в районе пересечения

опознавательных зон ПВО двух стран стала очевидна необходимость восстановления политических контактов для создания механизма предупреждения чрезвычайных происшествий на море и в воздушном пространстве и линии связи в случае кризиса. Стало очевидно, что действия КНР привели к заметной активизации процесса трансформации политики Японии в области безопасности и укреплению её альянса с США. Кроме того, хотя торговые отношения восстановились, конфликт привёл к ослаблению экономического взаимодействия и снижению динамики роста японских инвестиций, которое стало негативно сказываться на экономическом росте КНР. Когда издержки кризиса стали очевидны, китайские аналитики заключили, что краткосрочные цели были достигнуты: был создан новый статус-кво и контроль Японии над островами был ослаблен [Takahara, 2017, p. 58; East China Sea, 2016, p. 1–3; Pugliese, Insasia, 2017, p. 71].

В результате, в сентябре 2014 г. был возобновлён диалог на уровне министров иностранных дел, а 10 ноября 2014 г. прошла встреча Абэ Синдзо и Си Цзиньпина на саммите АТЭС. Китай не стал настаивать на соблюдении Японией выдвигаемых ранее условий. В опубликованном за три дня до саммита заявлении стороны договорились: (1) продолжать развивать взаимовыгодные отношения, основанные на стратегических интересах; (2) на основе взгляда «в глаза истории» и в будущее преодолеть проблемы, негативно влияющие на политические отношения; (3) при наличии разных точек зрения на напряжённость в Восточно-Китайском море, включая район островов, с помощью диалога и консультаций стремиться к предотвращению дальнейшей эскалации, создать механизм на случай кризисных ситуаций и избегать ситуаций с непредвиденными последствиями; (4) с помощью разнообразных двух- и многосторонних механизмов постепенно возобновить дипломатические контакты и диалог в сфере политики и безопасности для того, чтобы построить доверительные политические отношения [Ниттю канкэй но кайдзэн ни мукэта ханасиаи, 2014]. Такие формулировки позволили сторонам сохранить свои позиции по поводу конфликта и возобновить нормальное взаимодействие. Заявления, которые сделали лидеры двух стран, содержали общие пункты о необходимости улучшения отношений. Ключевой стала договорённость создать механизм по предупреждению происшествий в случае морских и воздушных контактов сторон и соответствующую «горячую линию», переговоры по которым велись с 2007 г. и были прерваны в 2012 г. [East China Sea, 2016, p. 1–3].

После этой встречи произошло постепенное восстановление контактов между двумя странами на рабочем уровне, стали проводиться ежегодные встречи на высшем уровне и на уровне министров иностранных дел и представителей министерств обороны. Восстановилось и экономическое взаимодействие. После трёхлетнего перерыва в ноябре 2015 г. возобновились трёхсторонние саммиты КНР–РК–Япония. Однако несмотря на то, что Си Цзиньпин пошёл на восстановление диалога, жёсткая критика в отношении Японии не прекратилась, а заходы кораблей береговой охраны и залёты самолётов продолжились. [Takahara, 2017, p. 59]. На встрече Абэ Синдзо и Си Цзиньпина во время саммита G20 в сентябре 2016 г. была достигнута договорённость восстановить нормальные отношения и ускорить создание механизма по предупреждению происшествий в случае морских и воздушных контактов сторон и соответствующей «горячей линии», которые к тому времени так и не были созданы. Однако к каким-либо серьёзным результатам встреча не привела [Abe, Xi meet at arm's length, 2016].

Ухудшение отношений Китая и Японии произошло на фоне продолжающегося изменения баланса сил и оспариваемого регионального порядка в де-факто многополярной Восточной Азии. Внешняя политика КНР, с 2009–2010-х годов ставшая более жёсткой и уверенной, при Си Цзиньпине претерпела еще большую трансформацию. Китай стал намного более активно отставать свои интересы и с 2014 г. приступил к реализации цели изменения статус-кво в Южно-Китайском море в свою пользу [Pugliese, Insiansa, 2017, p. 31, 52]. Выдвижение в 2013 г. ИПП и сообщества коллективной судьбы в Азии, а потом и всего человечества вкупе с увеличением дипломатической, военной и экономической активности, более жёсткой внешней политикой и созданием новых международных институтов (Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, АБИИ) продемонстрировали стремление Китая переформатировать региональный порядок в Азии таким образом, чтобы ведущая роль в экономических, политических и культурных отношений и взаимодействия в сфере безопасности перешли к КНР и структурировались по его правилам и в соответствии с его нормами. Впоследствии это должно позволить Китаю стать глобальным лидером и изменить и мировой порядок без участия западных держав. Хотя Инициатива пояса и пути была провозглашена как инклюзивная, участие таких стран как США и Япония в ней фактически не предполагалось [Callahan, 2016, p. 226–243].

Руководство Японии, включая премьер-министра С. Абэ, в течение длительного времени было критически настроено по отношению к китайским инициативам и не стремилось поддерживать ИПП и вступать в АБИИ. Причины этой реакции заключались в том, что в Японии восприняли данные инициативы как стремление Китая не только решить свои собственные экономические проблемы, но и предоставлять «общественные блага» странам Азии, распределять их по собственному усмотрению, что в конечном итоге преследует более значимую цель создания мирового порядка во главе с КНР. Китай тем самым стремится значительно усилить свои позиции и своё влияние в Азии и установить свои собственные правила экономического и международно-политического взаимодействия, что может привести к «выдавливанию» других стран, в особенности Японии. В связи с этим для Японии важно проводить такую политику, которая подталкивала бы Китай к соблюдению международных правил и открытому предоставлению общественных благ [Ямamoto, 2015, с. 13–20]. С одной стороны, улучшение транспортной инфраструктуры в Азии является выгодным и для японского бизнеса. С другой, обеспокоенность Японии вызывает низкое качество реализации и управления китайских инфраструктурных проектов, в том числе низкий уровень экологических и иных стандартов, проблемы с коррупцией, а также потенциальное усиление китайского влияния [Нитта, 2016].

В этих условиях важным для Японии стало активизировать собственную стратегию в Азии. Начиная с 2014 г., С. Абэ стал продвигать идею регионального порядка, «основанного на международном праве», и выступать против изменения статус-кво силовым путём в Восточной Азии и на Индо-Тихоокеанском пространстве [The Shangri-La Dialogue, 2014]. Япония поддерживала «разворот» или «перебалансировку» США в АТР во время нахождения у власти администрации Б. Обамы, т.к. сохранение американоцентричного либерального экономического порядка и роли США как доминирующей державы в военной сфере и гаранта безопасности воспринималось в Японии как ключевая предпосылка обеспечения национальной безопасности, продолжения экономического развития региона, обеспечения свободы судоходства и недопущения занятия Китаем доминирующих позиций.

В августе 2016 г. премьер-министр С. Абэ выдвинул Стратегию свободного и открытого Индо-Тихоокеанского пространства. Она нацелена на создание порядка, основанного на международном праве и принципе свободы судоходства на огромном морском пространстве Тихого и Индийского океанов, укрепление принципов демократии и верховенства права, усиление взаимосвязанности в целях достижения стабильности и развития всего региона [Дзию дэ хиракарэта индо тайхэй ё сэнряку, 2017].

Хотя Китай открыто не назывался в большинстве официальных речей и концептуальных документов, было очевидно, что японская стратегия во многом стала центрироваться вокруг того, чтобы не допустить занятия Китаем позиций доминирующей державы или гегемона в Азии. В дополнение к укреплению альянса с США, Япония стала развивать сотрудничество с целым рядом стран – Австралией, Индией, странами АСЕАН, в особенности Вьетнамом и Филиппинами, а также Великобританией, Францией и Россией. Ключевой целью было создание «мягких коалиций» вместе со странами, которые разделяют озабоченность по поводу современной траектории подъёма Китая, ужесточения его внешней политики и его возможного доминирования. Япония заметно активизировала экономическое и энергетическое сотрудничество и в меньшей степени сотрудничество в сфере безопасности с различными региональными сегментами мира для того, чтобы не допустить чрезмерного усиления влияния Китая: АСЕАН, Южной Азией, в особенности Индией, Центральной Азией, странами Персидского Залива и Африкой [Hughes, 2016, p. 139–142].

Помимо этого, Япония активизировала политику в сфере инфраструктурного строительства, в которой она является ключевым игроком в Азии. Кабинет С. Абэ сформулировал концепцию высококачественной инфраструктуры, которая будет соответствовать высоким строительным, техническим, экологическим и иным стандартам, учитывать такие факторы, как влияние на общество, экономическая целесообразность, способность реципиента выплатить кредит, использование местной рабочей силы и т.д. и предполагает передачу технологий. Её цель – представить альтернативу китайской инициативе для того, чтобы не допустить попадания большинства региональных стран в экономическую зависимость от Китая, дать японскому бизнесу новые возможности роста и стимулировать региональное развитие. В мае 2015 г. С. Абэ объявил о «Партнёрстве в создании качественной инфраструктуры» с выделением 110 млрд долл. на инфраструктурные проекты в Азии в течение 5 лет (2016–2020 гг.). Данная сумма на 30 % превышала аналогичную за предыдущие пять лет. В мае 2016 г. премьер-министр Японии выдвинул идею «Расширенное партнёрство в создании качественной инфраструктуры» с глобальным охватом и увеличенным финансированием до 200 млрд долл. [Harris, 2019].

Потепление в китайско-японских отношениях

Начиная с 2017 г., в отношениях Китая и Японии наблюдаются признаки потепления. Активизация взаимодействия произошла на фоне годовщин памятных дат в двусторонних отношениях – 45-летия нормализации отношений в 2017 г. и 40-летия договора о мире и дружбе в 2018 г., а также изменений международно-политической среды. В мае 2017 г. премьер-министр С. Абэ послал ключевого политика в ЛДП и известного сторонника развития отношений с Китаем Т. Никай в Пекин на Форум пояса и пути. В июне 2017 г. японский премьер впервые заявил о том, что Япония может принять участие в китайской

ИПП в случае, если проекты будут отвечать критериям открытости, транспарентности, экономической целесообразности и финансовой надёжности [Takahara, 2018].

В июле 2017 г. на встрече с Си Цзиньпином в Гамбурге на саммите G20 С. Абэ заявил о желании двигаться вперед для того, чтобы построить новые отношения между Японией и Китаем. В августе 2017 г. ни японский премьер, ни члены его кабинета не посещали святилище Ясукуни, что произошло впервые за последние 37 лет. В сентябре 2017 г. премьер-министр С. Абэ совершил неожиданный визит в китайское посольство для участия в церемонии, посвященной 45-летней годовщине нормализации отношений двух стран и предстоящему Дню образования КНР. Предыдущий визит японского премьера в китайское посольство состоялся 15 лет назад. В Китае прошли различные мероприятия, посвящённые 45-летию установления отношений, например, молодёжные обмены. Председатель КНР Си Цзиньпин стал занимать более примирительную позицию по отношению к Японии и стал воздерживаться от жёсткой критики во время торжественных событий, посвящённых годовщинам праздников, связанных с войной с Японией. Например, в декабре 2017 г. он посетил мероприятие по 80-летней годовщине Нанкинской резни, но не произносил на нём речь. В декабре 2017 г. премьер Японии снова заявил о том, что он допускает возможность участия японского бизнеса в реализации ИПП. И у министра иностранных дел КНР Ван И, и у его японского коллеги Коно Таро была положительная история взаимодействия со страной-партнёром, что облегчало контакты между внешнеполитическими ведомствами [Gao, 2017; Zhu, 2018].

На встрече на саммите АТЭС в ноябре 2017 г. лидеры КНР и Японии согласились прилагать все усилия к улучшению отношений и провозгласили их новое начало. Председатель КНР Си Цзиньпин призвал С. Абэ «конструктивно поработать» над вопросами истории, Тайваня и другими ключевыми проблемами двусторонних отношений, но при этом продемонстрировал стремление улучшить отношения. Одной из ключевых тем стал вопрос ракетно-ядерной программы КНДР в связи с тем, что ядерные и ракетные испытания в 2016–2017 гг. вызывали обеспокоенность и у японского, и у китайского руководства. Ключевыми темами последовавшей за этим встречи С. Абэ с премьером Госсовета КНР Ли Кэцяном стали вопросы расширения экономического, торгового и инвестиционного сотрудничества и вопросы экономической интеграции, включая скорейшее создание Всеобъемлющего регионального экономического партнёрства (ВРЭП) и трёхсторонней зоны свободной торговли КНР-Япония-РК [Gao, 2017; Zhu, 2018].

В мае 2018 г. состоялся визит премьера Госсовета КНР Ли Кэцяна в Японию на трёхсторонний саммит КНР-Япония-РК, в котором помимо него приняли участие С. Абэ и президент Республики Корея Мун Чжэ Ин. Ключевыми вопросами для обсуждения на переговорах стали экономические, в особенности ход переговоров по заключению трёхсторонней ЗСТ. Во время визита Ли Кэцяна и его переговоров с японским руководством был подписан Меморандум о сотрудничестве бизнеса Японии и Китая в третьих странах, в котором стороны договорились создать государственно-частный совет для рассмотрения совместных инфраструктурных проектов в других странах. Между оборонными ведомствами обеих стран было подписано соглашение о начале функционирования механизма связи по взаимодействию на море и в воздухе. Оно предполагает три составляющие: (1) обмен сообщениями по радиосвязи на заданной частоте в случае опасных сближений между китайскими военными и представителями сил самообороны Японии на море и в воздухе;

(2) создание линии горячей связи между военными КНР и Японии; (3) проведение ежегодных переговоров между высокопоставленными представителями министерств обороны. В июне 2018 г. механизм был запущен [Japan-China communications start up, 2018], а в декабре 2018 г. состоялись первые консультации.

В октябре 2018 г. премьер-министр Японии С. Абэ совершил визит в КНР, который стал первым подобным визитом за последние семь лет. Хотя лидеры обеих стран проводили регулярные встречи на высшем уровне с ноября 2014 г., напряжённость в отношениях двух стран наряду с нежеланием Китая полноценно нормализовать политические контакты приводила к тому, что полновесных визитов на высшем уровне не совершалось. Данный визит имел важное символическое значение, и в преддверии к нему руководство обеих стран, в особенности Китая, значительно снизило уровень негативной риторики и критики. Японский премьер был подчёркнуто торжественно принят в Китае и провёл переговоры с председателем КНР Си Цзиньпином и премьером Госсовета КНР Ли Кэцяном. С. Абэ заявил, что он желает провозгласить новую эру в отношениях двух стран, которые должны перейти от соперничества к сотрудничеству. Председатель КНР подтвердил возвращение отношений к их нормальному состоянию, а С. Абэ заявил, что страны являются соседями и партнёрами и не станут угрозами друг для друга. Си Цзиньбин согласился с этим и отметил, что взаимозависимость между странами углубилась, и страны разделяют всё больше совместных интересов и озабоченностей [«Кёсо кара кёёку э», 2018; Abe calls for cooperation, 2018; Abe and Xi agree, 2018].

Стороны договорились возобновить ряд переговорных процессов, которые были заморожены с 2012 г.: стратегический диалог на уровне заместителей министров, переговоры по разоружению и контролю над вооружениями, международному праву, развитию субрегиона Большой Меконг, а также провозгласить 2019 г. годом молодёжных обменов с участием более 30 тыс. человек в течение следующих пяти лет. КНР и Япония также подписали соглашение по сотрудничеству в области поисково-спасательных операций на море. Руководители двух стран договорились превратить Восточно-Китайское море в море мира, дружбы и сотрудничества и возобновить переговоры по совместной разработке энергетических ресурсов в Восточно-Китайском море на основе достигнутого в июне 2008 г. принципиального консенсуса. Прозвучали обещания в скорейшем времени наладить работу линии горячей связи, которая должна помочь предотвратить эскалацию в случае военных инцидентов между странами. Стороны договорились сотрудничать по вопросу денуклеаризации КНДР и японский премьер заявил, что Китай и Япония исполняют свои обязанности по установлению мира и стабильности в Восточной Азии [«Кёсо кара кёёку э», 2018; Abe calls for cooperation, 2018; Abe and Xi agree, 2018].

Помимо этого, С. Абэ сопровождала делегация из более чем 400 представителей японского бизнеса. Экономическая повестка визита включала: проведение первого Форума рыночного сотрудничества между Японией и Китаем в третьих странах; подписание 52 соглашений на общую сумму около 18 млрд долл. о сотрудничестве японского бизнеса с китайским в сфере инфраструктурного строительства в третьих странах (например, проект «умного города» в Таиланде); договорённости по созданию диалога по сотрудничеству в сфере экономического развития, который должен оценивать прогресс по этим проектам, механизма финансирования проектов Японским банком для международного сотрудничества и Китайским банком развития; соглашения по сотрудничеству в сфере инноваций и защиты

интеллектуальной собственности; возобновление соглашения о валютном свопе объёмом в 30.4 млрд долл. С. Абэ и Ли Цзян подчеркнули важную роль свободной торговли и договорились продвигать скорейшее заключение ВРЭП и ЗСТ Китай–Япония–РК. В ответ на просьбу японского премьера китайское руководство пообещало рассмотреть вопрос возобновления сельскохозяйственного импорта из ряда японских префектур, введённого после аварии на АЭС Фукусима-1. Заявление Японии о том, что она окончательно прекращает выделение Официальной помощи развитию КНР после 40 лет её предоставления в связи с достижениями Китаем высоких показателей уровня жизни, были положительно восприняты китайским руководством с благодарностью за вклад Японии в модернизацию китайской экономики. В качестве символического соглашения, свидетельствующего о восстановлении отношений, страны договорились об отправке китайских панд в японский зоопарк. Си Цзиньпин указал на необходимость развития гуманитарных контактов между обществами обеих стран в целях углубления доверия [«Кёсо кара кёрею э», 2018; Abe calls for cooperation, 2018; Abe and Xi agree, 2018]

В декабре 2018 г. прошла первая встреча между министерствами обороны КНР и Японии, на которой обсуждались вопросы предотвращения опасных столкновений на море и в воздухе. Считается, что понимание «красных линий» друг друга поможет странам выстроить доверие и избежать случайных инцидентов, которые могут привести к возникновению боевых действий. Стороны договорились ускорить полноценное создание линии горячей связи [Japan and China hold first meeting, 2018]. Премьер-министр С. Абэ направил специального посланника и генерального секретаря Либерально-демократической партии Т. Никай на второй Форум пояса и пути, который состоялся в апреле 2019 г. в Пекине. Си Цзиньпин провел отдельную встречу с ним и высоко оценил нормализацию отношений и их позитивное развитие [Xi Jinping Meets with Special Envoy, 2019].

В 2019 г. положительная динамика встреч на высшем уровне продолжилась и произошло восстановление контактов между НОАК КНР и ССЯ. В апреле 2019 г. японский фрегат и глава Генштаба морских ССЯ приняли участие в праздничных мероприятиях с связи с 70-летием ВМС НОАК в Циндао. В августе 2019 г. после семилетнего перерыва был возобновлён стратегический диалог, а в октябре китайский эсминец-ракетоносец Тайюань нанёс визит в японский порт. Новые соглашения были заключены и в экономике. Согласно достигнутому в апреле 2019 г. соглашению, биржевые инвестиционные фонды обеих стран стали котироваться на Шанхайской и Токийской фондовых биржах соответственно. В 2018 и 2019 гг. в Токио начали работать клиринговые банки для операции с юанями. В апреле 2019 г. впервые прошёл Диалог по сотрудничеству в сфере инноваций, а в мае – первые китайско-японские политические консультации по сотрудничеству в области содействия международному развитию [Ниттю сюю кайдан 2019].

Во время встречи на высшем уровне между лидерами КНР и Японии в преддверии саммита G20 в Осаке в июне 2019 г. стороны подтвердили свою решимость начать «новую эпоху» в двухсторонних отношениях и выстраивать стабильные в долгосрочном плане отношения. Помимо этого, они отметили важность создания свободной и честной системы международной торговли. Японский премьер попросил китайское руководство принять меры для большей открытости китайского рынка, обеспечения честной и равной конкурентной среды, включая необходимость укрепления защиты интеллектуальной собственности,

корректировки политики по принудительному трансферу технологий и субсидированию промышленности [Ниттю сюно кайдан 2019].

Схожей была и повестка встречи на высшем уровне в декабре 2019 г., которая прошла в преддверии трёхстороннего саммита с Республикой Корея. Во время саммитов премьер-министр С. Абэ подчеркнул, что истинное улучшение китайско-японских отношений невозможно без стабильности в Восточно-Китайском море, и призвал Китай продемонстрировать сдержанную позицию и ограничить свою активность в этом районе, в особенности вблизи островов Сэнкаку. Также он отметил необходимость демилитаризации островов в Южно-Китайском море. Одновременно с этим, японский премьер привлёк внимание к внутренней повестке в КНР, чего раньше японские лидеры старались избегать. Выражая свою озабоченность ситуацией в Гонконге, он отметил важность сохранения свободного и открытого Гонконга в соответствии с принципом «одна страна, две системы» и призвал все стороны к сдержанности. Кроме того, С. Абэ отметил важную роль универсальных ценностей, таких как свобода, уважение прав человека и верховенства закона, а также попросил правительство КНР предоставить транспарентную информацию о ситуации с правами человека в Синьцзян-уйгурском автономном районе [Сю кин пэй тоно 2019].

Причины потепления китайско-японских отношений и его глубина

Интересы Японии в налаживании отношений с Китаем заключаются в нормализации политического диалога, предотвращении эскалации конфликта в Восточно-Китайском море при одновременном отстаивании своих интересов по отношению к КНР, обсуждении с имеющим влияние на КНДР Китаем вопросов денуклеаризации Северной Кореи, расширении взаимовыгодного экономического сотрудничества, совместной работе по завершению переговоров по заключению ВРЭП и трёхсторонней ЗСТ Япония–КНР–Республика Корея. При этом сам С. Абэ, начиная со своего избрания в качестве премьер-министра, стремился улучшить отношения с Китаем и неоднократно заявлял о том, что двери для сотрудничества и диалога с КНР всегда открыты. В ноябре 2014 г. он призвал к улучшению взаимного доверия между двумя странами, углублению экономических отношений, сотрудничеству в Восточно-Китайском море и стабилизации ситуации в области безопасности в Восточной Азии. Однако руководство Китая фактически игнорировало его заявления и не шло на полноценное восстановление политического диалога, а антияпонская кампания в китайских СМИ продолжалась [Takahara, 2018; Nagy 2018]. Что же изменилось?

Следует выделить целый ряд факторов, которые обусловили сближение Китая и Японии. Одним из ключевых факторов стало изменение международно-политической ситуации, во многом связанное с политикой администрации Дональда Трампа в США. Несмотря на беспрецедентные усилия, предпринятые премьер-министром С. Абэ для установления хороших отношений с американским президентом и подтверждения гарантий безопасности, целый ряд действий Д. Трампа вызывает озабоченность у руководства Японии. Во-первых, это выход США из Транстихоокеанского партнерства, которое рассматривалось Японией как крайне важная часть сохранения американоцентричного либерального экономического порядка. Во-вторых, готовность самого Д. Трампа оказывать давление на союзников, его

стремление зарекомендовать себя как обладающего уникальной способностью заключать сделки даже в сложных случаях. Это привело к опасениям, что будут ущемлены интересы союзников, в особенности самой Японии (например, в случае переговоров с КНДР) [Nagy, 2018].

В-третьих, торговая политика американской администрации не может не вызывать негативную реакцию Японии, т.к. США не освободили её, в отличие от других союзников, от введённых тарифов на сталь и алюминий. Стоит отметить и обеспокоенность Японии по поводу торговой войны между США и КНР в связи с тем, что она затрагивает производимые на территории Китая японскими фирмами товары. Более того, администрация Трампа в 2018 г., угрожая введением тарифов на японские автомобили, настояла на начале переговоров по заключению двусторонней ЗСТ, в которых у Японии заинтересованности не было. Непоследовательная политика Д. Трампа в Азии заставила руководство Японии задуматься о том, насколько и дальше можно рассчитывать на гарантии со стороны США, таким образом обеспечивать свою безопасность и не допустить возникновения китаецентричного порядка в условиях, когда на США всё сложнее полагаться. Для японского премьера некоторое улучшение отношений с КНР становится важной страховкой на фоне неопределенной позиции США [Nagy, 2018]. В то же время, необходимо отметить, что первые признаки потепления в отношениях между КНР и Японией наметились до нарастания напряжённости в отношениях между Китаем и США, и для Японии фактор политики Д. Трампа играет меньшую роль, чем для Китая [Takahara, 2018].

Целый ряд действий администрации Д. Трампа вызвал негативную реакцию со стороны КНР: неоднозначные высказывания по поводу принципа одного Китая, принятие Конгрессом Закона о путешествиях на Тайвань, давление на Китай с тем, чтобы он в свою очередь ужесточил политику по отношению к КНДР, а затем критику в отношении Китая по поводу неуступчивости руководства Северной Кореи после встреч Ким Чен Ына и Си Цзиньпина, решение начать торговую войну с Китаем во многом для того, чтобы заставить его изменить стратегию технологического развития Made in China 2025, принятие новой Национальной стратегии в области безопасности в декабре 2017 г., в которой Китай назван стратегическим соперником и ревизионистской державой, ставящей цель подорвать существующий региональный и мировой порядок, а также речь вице-президента США М. Пенса в Хадсонском институте, в которой он обвинил Китай во вмешательстве в ноябрьские выборы 2018 г. в США [Кавасима, 2018, с. 31; Nagy, 2018].

Главный фактор, который привел к налаживанию отношений двух стран – это изменение политики Китая в отношении Японии. В ситуации, когда происходит конфликт в отношениях с США, Китай традиционно стремится наладить отношения с другими ключевыми партнёрами – Европой и Японией. Ухудшение отношений с США и серьёзное ухудшение восприятия КНР американской администрацией подтолкнули Китай к осознанию необходимости «прорыва недружественного окружения» – улучшения отношений с ближайшими американскими союзниками – Японией и Южной Кореей. В условиях, когда вероятность стратегической конфронтации с США на Индо-Тихоокеанском пространстве становится реальной, руководство КНР решило, что оно не может рисковать и сохранять плохие отношения с самыми мощными после Китая и США Восточноазиатскими игроками. «Общий фронт» США и их союзников может воспрепятствовать реализации ИПП или по крайне мере существенно её затруднить. Как результат, Китай нормализовал отношения

с Южной Кореей и сделал реальные шаги навстречу Японии [Takahara, 2018]. В Китае решили, что, поскольку Япония также испытывает негативное воздействие от экономических мер, вводимых Д. Трампом, выстроить сотрудничество с ней будет более реально [Кавасима 2018, с. 31].

Помимо этого, важным фактором является консолидация власти обоими лидерами. Си Цзиньпин был не только успешно переизбран на второй пятилетний срок в качестве генерального секретаря КПК на XIX съезде (что позволяет ему более свободно проводить внешнюю политику по сравнению с первым сроком, в течение которого ему было желательно показать себя как сильного лидера и защитника национальных интересов, занимающего жёсткий курс по отношению к Японии), но и благодаря поправкам в Конституцию КНР он может занимать более двух сроков подряд. Премьер-министр С. Абэ был избран на третий срок председателя ЛДП в 2018 г., что позволит ему остаться у власти до 2021 г. и делает его самым большим долгожителем в японской политике. Предпочтения японского населения по поводу политики по отношению к КНР заключаются в том, что с одной стороны, руководству страны следует отстаивать интересы в области безопасности и твёрдо отвечать на вызовы в этой сфере, а с другой, необходимы стабильные и поступательно развивающиеся отношения с самым мощным соседом, в особенности в экономике [Takahara, 2018]. С точки зрения руководства Китая, важным моментом было и то, что после 2014 г. премьер-министр С. Абэ не посещал святилище Ясукуни, что позволило ослабить негативным эмоциям по этому поводу. Стабилизация и улучшение отношений с Китаем, которые поддерживает большинство населения Японии, способны упрочить поддержку кабинета Абэ на выборах [Zhu, 2018].

Следующим значимым фактором является заинтересованность обеих стран в расширении экономического сотрудничества, в особенности рост интереса КНР к увеличению японских инвестиций. Это связано с трудностями и структурными проблемами в экономике Китая, сложными экономическими мерами, направленными на проведение структурных экономических реформ и борьбу с «плохими долгами», а также с материальными и репутационными издержками инициированной США торговой войной и другими экономическими ограничительными мерами. В целях предотвращения оттока иностранного капитала китайское правительство и многие китайские регионы стали проводить меры, направленные на стимулирование привлечения японских инвестиций [Takahara, 2018]. Улучшение политических отношений и расширение сотрудничества с Японией в торговле, инвестициях, финансах и высоких технологиях играют важную роль в стимулировании китайской экономики. Немаловажно для КНР и фактическая готовность Японии сотрудничать с Китаем в рамках реализации ИПП [Aoyma, 2018]. В условиях, когда США стали ограничивать высокотехнологичные проекты и стартапы и продажу технологий КНР, Китай и Япония могли бы расширить кооперацию в высокотехнологичной сфере и с помощью реализации совместных проектов в третьих странах послать сигнал Соединённым Штатам [Кавасима, 2018, с. 31–32].

Данная политика находит положительный отклик у японского бизнеса, который значительно активизировал свою деятельность в Китае в 2018 г. В частности, японские производители автомобилей положительно оценивают перспективы расширения своей доли на китайском рынке с текущих 16 % до 20–25 % (до обострения территориального спора в 2012 г. доля Японии была около 20 %) вследствие вероятного сокращения 11 %-ной доли

американского автопрома и сложностей у китайского автомобильного бизнеса. Помимо этого, появляется всё больше совместных проектов с участием японских компаний в новых сферах, которые активно развиваются на китайском рынке, таких как искусственный интеллект, беспилотные автомобили, медицинское обслуживание. В связи с расширением среднего класса в КНР сохраняется спрос на высококачественные японские товары. Ожидается также положительный эффект от мер, направленных на совершенствование производства (в том числе с помощью роботизации) и улучшение производительности труда. Японский бизнес рассматривает китайский рынок в целом как наиболее перспективный растущий рынок на ближайшие 10–15 лет, на котором позиции японских компаний традиционно велики [Сэгути, 2018, с. 8–10].

Наконец, ещё одним имеющим значение фактором является изменение общественного мнения. Согласно опросам общественного мнения, проведённым организацией The Genron NPO в сентябре 2018 г., за последние 5 лет значительно увеличилось количество китайцев, которые положительно относятся к Японии: с 5,2 % в 2013 г. до 42,2 % в 2018 г., а количество относящихся отрицательно, наоборот, снизилось с 90,1 % в 2013 г. до 56,1 % в 2018 г. В качестве ключевых причин положительного отношения называют такие факторы, как высокий уровень развития японской экономики и жизненных стандартов, хорошие манеры и высокий уровень культуры, высокое качество японских товаров. Этот тренд также может быть связан со значительным увеличением туристического потока в Японию и распространении её положительного имиджа в социальных сетях: в 2017 г. 7,4 млн китайских туристов посетило страну, что в шесть раз больше, чем 1,3 млн в 2013 г. Отрицательный образ Японии связан с агрессивным военным прошлым и отсутствием извинений за него, национализацией островов Дяоюйдао и сдерживанием Китая совместно с США. Общественное мнение Японии, однако, не показывает такого же положительного изменения. Количество положительно относящихся к Китаю респондентов составило 13,1 % в 2018 г. (по сравнению с 5,2 % в 2013 г.), а отрицательно – 86,3 % в 2018 г. (92,8 % в 2013 г.). В качестве ключевых причин называются продолжающийся конфликт вокруг островов Сэнкаку и вторжения Китая в морское и воздушное пространство, агрессивное поведение КНР как ведущей мировой державы и активная военная модернизация с не до конца понятными целями [Japan-China Public Opinion Survey, 2018].

Вместе с этим, восприятие обществами обеих стран друг друга как военной угрозы не исчезло, а даже усилилось – 57,7 % японцев воспринимают Китай как военную угрозу (на первом месте КНДР с 84,8 %), а 79,4 % китайцев воспринимают таким образом Японию (на втором месте – США с 67,7 %). В качестве причин с японской стороны высказывались такие факторы, как вторжение Китая в японское морское и воздушное пространство, конфликт по поводу островов Сэнкаку/Дяоюйдао и агрессивные действия Китая в Южно-Китайском море, а с китайской – стремление Японии окружить КНР совместно с США. Наибольший процент опрошенных японцев (33,2 %) считает, что военного конфликта по поводу островов не будет, тогда как 56,1 % китайцев уверены в обратном. 44,5 % японцев считают, что следует начать переговоры по этому вопросу, тогда как 61,7 % китайцев полагают, что КНР стоит взять острова под реальный контроль для того, чтобы защитить их, а 57,9 % – что Японию необходимо заставить признать сам факт существования спора дипломатическими средствами. 52 % японцев уверены в том, что США должны оставаться мировым лидером (на втором месте Япония с 35,3 %, а на Китай приходится только 11,7 %),

тогда как большая часть китайцев – что это должен быть Китай (73,3 %). Больше половины респондентов полагают, что мирное сосуществование и совместное развитие были бы идеальным сценарием, но он может быть недостижим. Данные опросов общественного мнения показывают, что в японском обществе сохраняется значительное недоверие по отношению ко внешней политике и внешнеэкономической стратегии Китая, а его действия в сфере безопасности всё ещё воспринимаются как идущие вразрез с национальными интересами Японии и как серьёзная угроза. Роль США же как близкой для Японии страны остаётся неизменной. Обращает внимание большая степень готовности китайского общества к решению территориального спора силовым путём [Japan-China Public Opinion Survey, 2018].

Улучшение отношений Китая и Японии скорее носит черты нормализации политических контактов и диалога в сфере безопасности при стремлении расширить экономическое сотрудничество, чем кардинального изменения позиций обеих стран или достижения ими какого-либо серьёзного компромисса. Однако маловероятно, что характер этих отношений будет существенно отличаться от отношений до обострения территориального спора вокруг островов Сэнкаку/Дяоюйдао в 2012 г., т.е. «холодная политика и горячая экономика». О каком-либо серьёзном или кардинальном улучшении отношений речь не идёт: Китай и Япония по-прежнему остаются друг для друга стратегическими соперниками за лидерство и переустройство регионального порядка в Азии, а территориальный спор далёк от разрешения. Дileмму безопасности, при которой Япония воспринимает политику Китая как угрозу, а КНР негативно рассматривает японо-американский альянс и рассматривает как угрозу безопасности Индо-Тихоокеанские стратегии США и Японии, преодолеть будет крайне сложно [Nagy, 2018; Zhu, 2018].

Хотя интенсивность захода китайских кораблей береговой охраны в акваторию островов, которую Япония считает своей, а также приближение самолётов к данной акватории несколько снизились в сентябре-декабре 2018 г., они не прекратились. На протяжении большей части 2019 г. количество кораблей береговой охраны КНР, заходящих в территориальное море островов Сэнкаку/Дяоюйдао, снова вышло на значения начала 2017 г. – 12 кораблей в месяц. В январе и феврале 2020 г. было осуществлено по 8 заходов в месяц. А начиная с мая 2019 г., существенно увеличилось количество заходов китайских судов в прилегающую зону островов. В том месяце это количество достигло 132 по сравнению с 60 в апреле, что стало одним из трёх самых крупных подобных инцидентов за время обострения спора [Сэнкакусёто сюхэн кайки, 2020]. Более того, и в 2017–2019 гг. инциденты между Китаем и Японией в Восточно-Китайском море происходили регулярно, что делает запуск механизмов, направленных на предотвращение опасных происшествий на море и в воздухе, крайне своевременным. Японии становится всё сложнее справляться с заходом китайских судов без принятия силовых мер, которые могут привести к вооруженным действиям. Например, согласно данным Министерства обороны Японии, в мае 2017 г. с китайских судов береговой охраны после их входа в территориальные воды спорных островов стали запускать дроны, а в январе 2018 г. произошло два инцидента с фрегатом класса Цзянкай II и стратегической подводной лодкой класса Шан, которые были замечены в прилегающей зоне островов Сэнкаку. Подводная лодка подобного класса была замечена в этой акватории впервые, что является тревожным знаком для Японии [Хэйсэй 30нэнбан боёй хакусё, с. 92,104,108,190].

Представление о деятельности КНР как ключевой угрозе безопасности в Японии сохраняется. В японской Белой книге по обороне 2018 г. расширение искусственных островов и строительство военной инфраструктуры в Южно-Китайском море расцениваются как деятельность, направленная на силовое изменение статус-кво. Отмечается, что в дальнейшем Китай будет требовать признание уже изменившейся ситуации как свершившегося факта [Хэйсэй 30нэнбан боэй хакусё, с. 190–191]. Предпосылки того, что политика КНР Восточно-Китайском или Южно-Китайском морях изменится, отсутствуют, а в долгосрочной перспективе позиции Китая в военно-морском балансе сил изменятся ещё больше в его пользу. Китай больше готов к символическим шагам, призванным продемонстрировать Японии выгоды экономического сотрудничества, чем к серьезной трансформации своей политики [Pugliese, 2018]. Глобальная и региональная стратегии КНР практически не претерпела изменений и развивается в русле установленных пятым поколением руководителей страны приоритетов [Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России, 2019]. Некоторую коррекцию следует только отметить в вопросе реализации Инициативы пояса и пути: на Форуме пояса и пути в апреле 2019 г. председатель КНР Си Цзиньпин постарался учесть последовавшие в адрес Китая критические замечания и пообещал, что проекты будут реализовываться на основе международных стандартов и честной рыночной конкуренции без коррупции [Six key takeaways from Xi Jinping's Belt and Road Forum speech, 2019]. Сотрудничество с Японией могло бы сыграть важную роль в реализации этих принципов, и японская сторона также в этом заинтересована. Однако судить о том, насколько эти обещания будут реализованы, можно будет только по прошествии немалого времени. В целом Китай в своей внешней политике намного больше концентрируется на отношениях с США, рассматривая именно эту страну как ключевого стратегического соперника и одновременно важного партнёра.

Японская стратегия также демонстрирует расширение мер по претворению в жизнь Индо-Тихоокеанской стратегии и укреплению альянса с США. В ноябре 2017 г. произошло восстановление четырёхстороннего диалога в составе Японии, США, Австралии и Индии. Диалог на уровне министерств иностранных дел нацелен на обсуждение региональных стратегических вопросов, прежде всего, сохранения существующего порядка и свободы судоходства в свете ужесточения политики Китая, в особенности в территориальном споре в Южно-Китайском море, расширения его присутствия в Индийском океане, а также использования им экономического инструментария для усиления своих позиций. Эти изменения предоставили странам мало причин сомневаться в том, что КНР хотела бы добиться переустройства сначала глобального, а потом и регионального порядка в свою пользу, что и привело к возобновлению диалога после десятилетнего перерыва [Madnan, 2017]. Китай крайне негативно воспринял возрождение четырёхстороннего формата, и министр иностранных дел Ван И заявил, что попытка стран сдерживать КНР вскоре рассеется подобно «морской пене» [Quad, like sea foam, will dissipate soon, 2018].

Другой иллюстрацией является дальнейшее расширение деятельности Японии в Южно-Китайском море. В сентябре 2018 г. подводная лодка ССЯ Куросио впервые приняла участие в учениях в Южно-Китайском море совместно с японскими кораблями, включая один из самых больших – вертолетоносец Кага. После этого подлодка совершила дружественный визит на вьетнамскую военную базу Камрань [Japanese submarine conducts first drills in South

China Sea, 2018]. В мае 2019 г. в Южно-Китайском море в пределах акватории, на которую претендует Китай, прошли четырёхсторонние учения, в которых приняли участие корабли флотов США, Индии, Филиппин и ССЯ. Хотя Япония уже участвовала в учениях в Южно-Китайском море с другими странами, включая США, Филиппины и Великобританию, подобные учения четырёх стран проводятся впервые. С японской стороны участвовал один из двух самых больших японских кораблей – вертолётноносец Идзумо, который планируется переоборудовать в авианосец [U.S., Japan, India and Philippines challenge Beijing with naval drills in the South China Sea, 2019]. Показательно, что реакция Китая на участие Японии в учениях была достаточно сдержанной на фоне текущего улучшения отношений, но в будущем может произойти и её ухудшение.

Помимо этого, Япония продолжает наращивать военный потенциал на юго-западном направлении, а модернизация её военного потенциала происходит с учётом возможностей и деятельности Китая. Например, в марте 2019 г. Министерство обороны Японии объявило о том, что оно планирует разработать противокорабельную крылатую ракету дальностью до 400 км. Как считается, эти разработки направлены против ВМФ КНР, в том числе для защиты отдалённых островов [Japan announces longer-range cruise missile development, 2019]. Роль Японии в американской Индо-Тихоокеанской стратегии и её собственная стратегия усиления партнёрств со странами региона для балансирования Китая и поддержания порядка, основанного на международном праве и принципе свободы судоходства, оставляет мало пространства для кардинального улучшения отношений с Китаем. Усиление стратегической конфронтации между США и Китаем на Индо-Тихоокеанском пространстве также можно рассматривать как важный сдерживающий фактор, т.к. Япония будет оказывать поддержку своему союзнику [Nagy, 2018].

Показательно, что стороны не делали никаких попыток разрешить сложные вопросы в двусторонних отношениях, касающиеся спорных территорий, суверенитета, истории, Тайваня и т.д. Большая часть заявлений и принятых договоренностей имела исключительно символическое значение [Кавасима, 2018, с. 34]. Помимо этого, отмеченные выше различия в идентичности и идеологиях двух стран сохраняют свою роль. Обе стороны приглушили степень критики друг друга, в особенности Китай, но объективные различия и негативный образ «другого» никуда не исчезли. Дальнейшая модернизация японского военного потенциала и возможность изменения Конституции, которую С. Абэ ставит своей ключевой целью, рассматриваются в Китае крайне негативно и называются агрессивной милитаризацией. Другим различием является высокая степень взаимосвязи между политической и экономической сферой при принятии решений в КНР и отсутствие подобной интеграции в Японии, руководство которой может осуществлять совершенно разные стратегии в сферах безопасности и экономики [Zhu, 2018]. Обращает на себя внимание и то, что японский премьер в 2019 г. стал привлекать внимание к внутренним вопросам в КНР, таким как ситуация в Гонконге и СУАР, делая акцент на необходимости соблюдения прав человека.

Хотя с точки зрения китайского руководства Япония поддержала Инициативу пояса и пути, на практике это скорее избирательное прагматическое экономическое сотрудничество, чем полноценная безоговорочная поддержка. Преимущество японских инфраструктурных проектов перед китайскими заключается в том, что они основаны на высоких стандартах, хорошо просчитывают риски, передают технологии странам-партнёрам, гарантируют высокое

качество и осуществляют обслуживание проектов полного цикла, но этим же обуславливается и их более дорогая стоимость. Заинтересованность японского бизнеса определяется тем, что сотрудничество с китайскими компаниями позволит значительно снизить издержки по строительству инфраструктуры. Существуют основания полагать, что все отобранные проекты будут реализовываться только в случае соответствия критериям, которые выдвинул С. Абэ во время переговоров с Ли Кэцяном в мае 2018 г.: открытость, прозрачность условий, экономическая целесообразность и финансовая надёжность в соответствии с международными стандартами. При этом Япония официально не поддержала китайскую инициативу и по её настоянию данные проекты были обозначены как «инфраструктурное сотрудничество в третьих странах». Таким образом, Япония надеется, что китайские проекты станут более высококачественными, не будут приводить к долговым ловушкам, и в итоге можно будет найти способы существования ИПП с японской Индо-Тихоокеанской стратегией [Кавасима, 2018, с. 32], что, однако, не обещает быть легко выполнимой задачей.

Несмотря на последние договорённости, в целом Япония с озабоченностью рассматривает китайскую стратегию, направленную на выдвижение Китая на позиции доминирующей державы в регионе, концепцию Си Цзиньпина «общей судьбы человечества» и потенциальные последствия от полномасштабной реализации ИПП. Заинтересованность в сохранении статус-кво и американоцентричного порядка определяется выдвижение Японией стратегии создания свободного и открытого Индо-Тихоокеанского пространства. Помимо выдвижения своей собственной Инициативы высококачественной инфраструктуры объемом в 200 млрд долл. до 2021 г., в 2017 г. Япония поддержала выдвинутую Индией концепцию Азиатско-Африканского коридора. В ноябре 2018 г. финансовые институты Японии, США и Австралии договорились о партнёрстве с целью расширения инфраструктурного строительства в Азии. Страны ставят целью инвестиции в энергетическую, транспортную, туристическую и высокотехнологическую инфраструктуру. Активность Японии на этом направлении нацелена на создание альтернатив китайской ИПП и расширение собственного присутствия в Индо-Тихоокеанском регионе [Harris, 2019]. В то же время, отношения в этой сфере определяются не только конкуренцией, но и большим потенциалом сотрудничества. От улучшения инфраструктуры выигрывают все страны, в том числе японский бизнес. Наиболее вероятно, что японский бизнес будет принимать участие в ряде проектов с китайским в ходе реализации ИПП в том случае, если это будет обладать безоговорочной экономической целесообразностью и не будет приводить к серьёзному укреплению позиций Китая. Однако полномасштабное участие в реализации китайской инициативы не кажется вероятным, т.к. Япония не заинтересована в кардинальном усилении КНР на обширном транс-региональном пространстве, которое может привести к переустройству регионального порядка. Наиболее вероятно, что мы будем видеть одновременное ограниченное сотрудничество и конкуренцию в этой сфере.

Заключение

Положительную динамику в отношениях Японии и Китая в 2017–2018 гг. следует рассматривать как нормализацию политического диалога и восстановление контактов, основанные на стремлении Китая улучшить отношения с союзниками США на фоне нарастающей конфронтации с ними, заинтересованности обеих стран расширить

экономические связи и хеджировать риски, связанные с экономической политикой Д. Трампа. Немаловажное значение играют и внутриполитические факторы, такие как наличие сильных лидеров в обеих странах и консолидация власти в их руках, а также некоторое улучшение китайского общественного мнения по отношению к Японии. В условиях отсутствия трансформации стратегий обеих стран в области политики и безопасности говорить о серьёзном улучшении отношений преждевременно. Ни одна из сторон не изменила своей позиции по спорным островам в Восточно-Китайском море, конфликт вокруг которых создает дилемму безопасности, и они всё ещё остаются стратегическими соперниками в Азии. Нарастание стратегической конкуренции между США и Китаем на Индо-Тихоокеанском пространстве ставит Японию в положение, в котором она будет более склонна поддерживать своего союзника. Не допустить доминирования Китая в этом регионе является одной из ключевых целей и самой Японии при реализации своей Индо-Тихоокеанской стратегии. Тем не менее, обе стороны продемонстрировали заинтересованность в стабилизации ситуации в области безопасности для того, чтобы инциденты в Восточно-Китайском море не привели к возникновению военного конфликта. Остальные сложные вопросы, например, вопросы истории, Тайваня, негативное отношение Китая к изменению Японией своей Конституции, были вынесены за скобки. Таким образом, речь скорее идет о менеджменте конфликтных отношений, а не о разрешении существующих споров.

Вместе с этим, дальнейшее усиление Китая при необходимости мирно сосуществовать с огромным соседом, и непоследовательная политика администрации Д. Трампа заставляют Японию задуматься о том, как сохранить стабильность и взаимовыгодное экономическое сотрудничество в отношениях с КНР и при этом не допустить её доминирования в Азии. В этих условиях японское правительство полагает, что наиболее целесообразно наладить экономическое сотрудничество с Китаем и, работая вместе с ним, помочь ему выстроить более открытую экономическую систему, повысить качество проектов, и в итоге превратить его в более кооперационного игрока и тем самым сделать более благоприятными последствия от реализуемых им проектов. Невозможно полностью отбросить сценарий, при котором тактическое сближение, вызванное сложностями в экономике КНР и китайско-американскими противоречиями, может перерасти в стратегическое. Это ставит вопрос о том, насколько возможно приспособление Японии к китайской стратегии. Готовность осуществлять совместные инфраструктурные проекты с Китаем в третьих странах может свидетельствовать о стремлении Японии найти способы сосуществования Инициативы пояса и пути с её собственной Индо-Тихоокеанской стратегией [Кавасима, 2018, с. 32–34]. Насколько на практике возможно подобное сосуществование двух по большей части противоречащих друг другу стратегий и готовы ли будут китайское и японское правительства сделать реальные шаги по сближению курсов двух стран, покажет время. Наиболее вероятно, что мы и в будущем будем видеть ограниченное улучшение отношений Китая и Японии, в выгодных обеим странам формах, не перетекающее тем не менее в существенное сближение при сохранении стратегического соперничества в сфере политики и безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Дзию дэ хиракарэта индо тайхэйё сэнряку : [Стратегия свободного и открытого Индо-Тихоокеанского пространства] // МИД Японии. 2017. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/bluebook/2017/html/chapter1_02.html#T003 (дата обращения: 12.05.2019).

Кавасима С. Ниттю канкэй [кайдзэн] э но тои : [Японо-китайские отношения: вопрос об «улучшении»] // Гайко. Ноябрь-декабрь 2018. № 52. С. 28–35.

«Кёсо кара кёрёку э» Ниттю сюсё «синданкай» дэ итти : [«От соперничества к сотрудничеству» лидеры Японии и Китая договорились о «новом этапе»] // Никкэй симбун. 26.10.2018. URL: <https://www.nikkei.com/article/DGXMXZO36941740V21C18A0MM0000/> (дата обращения: 12.05.2019).

Нимма Т. Тюгокуга тэйсёситэ Зсонэн о мукаэта итта итиро : [Развитие выдвигаемого Китаем «одного пояса, одного пути» за 3 года] // Син кококу кэйдзай [Экономика развивающихся стран]. 26.09.2016. С. 1–11.

Ниттю канкэй но кайдзэн ни мукаэта ханасиа : [Переговоры, нацеленные на улучшение японо-китайских отношений] // МИД Японии. 07.11.2014. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/a_o/c_m1/cn/page4_000789.html (дата обращения: 12.05.2019).

Стрельцов Д.В. Внешнеполитические приоритеты Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе. М.: Восточная литература, 2015. 279 с.

Сэгучи К. Тюгоку кэйдзайва антэйходзи кара юруякана гэнсоку кёкумэн э : [Китайская экономика из стабильной переходит к относительному замедлению] / The Cannon Institute for Global Studies. 10.12.2018. 13 с. URL: http://www.canon-igs.org/column/181210_seguchi.pdf (дата обращения: 12.05.2019).

Сэнкакусёто сюхэн кайки ниокэрү тюгоку оякесэнтоно доко то вагакуни но тайсё : [Тенденции изменения количества китайских кораблей, которые заходят в территориальное море островов Сэнкаку, и ответные меры, которые предпринимает Япония] // Береговая охрана Японии. 29.02.2020. URL: <https://www.kaiho.mlit.go.jp/mission/senkaku.html> (дата обращения: 15.03.2020).

Сю кин пэй тоно ниттю сюно кайдан – юсёку кай : [Японо-китайская встреча на высшем уровне и официальный ужин с Председателем КНР Си Цзиньпином] // МИД Японии. 23.12.2019. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/a_o/c_m1/cn/page3_003013.html (дата обращения: 15.03.2020).

Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России / под ред. Торкунова А.В., Стрельцова Д.В. М.: Аспект Пресс, 2019. 432 с.

Хэйсэй 30нэнбан боёй хакусё : [Белая книга по обороне 2018] / Министерство обороны Японии. 2018. 544 с.

Ямamoto Ё. Тюгоку но тайто то кокусай тицудзё но кантэн кара мита «иттай итиро» : [«Один пояс, один путь» с точки зрения возвышения Китая и мирового порядка] // PHP Policy Review. 2015. Vol. 9. No. 70. 20 р.

Abe and Xi agree to promote new economic cooperation amid U.S. trade war fears // The Japan Times. 26.10.2018. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2018/10/26/national/politics-diplomacy/shinzo-abe-li-keqiang-agree-promote-economic-cooperation-amid-u-s-china-trade-war/> (дата обращения: 12.05.2019).

Abe calls for cooperation, not competition, in China relations // The Asahi Shimbun. 26.10.2018. URL: <http://www.asahi.com/ajw/articles/AJ201810260033.html> (дата обращения: 12.05.2019).

Abe, Xi meet at arm's length; patience needed before progress // The Japan Times. 06.09.2016. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2016/09/06/national/politics-diplomacy/abe-xi-meeting-arms-length-de-javu-patience-goes-progress/> (дата обращения: 12.05.2019).

Aoyama R. Japan's balancing act tours Beijing // East Asia Forum. 25.10.2018. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2018/10/25/japans-balancing-act-tours-beijing/> (дата обращения: 12.05.2019).

Callahan W. China's “Asia Dream”: The Belt Road Initiative and the new regional order // Asia Journal of Comparative Politics. 2016. Vol. 1(3). P. 226–243. DOI: 10.1177/2057891116647806

Dangerous Waters: China-Japan Relations on the Rocks / International Crisis Group Report. Asia Report №245. 8 April 2013. 59 p.

East China Sea: Preventing Clashes from Becoming Crises / International Crisis Group Report. Asia Report №280. 30 June 2016. 24 p.

Gao C. China-Japan Relations Move Toward a 'New Start' // The Diplomat. 15.11.2017. URL: <https://thediplomat.com/2017/11/china-japan-relations-move-toward-a-new-start/> (дата обращения: 12.05.2019).

Harris T. ‘Quality Infrastructure’: Japan’s Robust Challenge to China’s Belt and Road // War on the Rocks. April 9, 2019. URL: <https://warontherocks.com/2019/04/quality-infrastructure-japans-robust-challenge-to-chinas-belt-and-road/> (дата обращения: 12.05.2019).

Heisei 30 nenban boei hakusho : [Defense White Paper 2018], Japan Ministry of Defense, 2018. 544 p.

Hughes C.W. Japan’s ‘Resentful Realism’ and Balancing China’s Rise // The Chinese Journal of International Politics. 2016. Vol. 9, Issue 2. P. 109–150. DOI: 10.1093/cjip/pow004

Japan and China hold first meeting on defense hotline // Nikkei Asian Review. 28.12.2018. URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Japan-and-China-hold-first-meeting-on-defense-hotline> (дата обращения: 12.05.2019).

Japan announces longer-range cruise missile development // The Mainichi. 19.03.2019. URL: <https://mainichi.jp/english/articles/20190319/p2g/00m/0fp/064000c> (дата обращения: 12.05.2019).

Japan-China communications start up to avoid air, sea clashes // The Asahi Shimbun. 08.07.2018. URL: <http://www.asahi.com/ajw/articles/AJ201806080061.html> (дата обращения: 12.05.2019).

Japan-China Public Opinion Survey 2018 / The Genron NPO. October, 2018. 44 p. URL: <http://www.genron-npo.net/en/archives/181011.pdf> (дата обращения: 12.05.2019).

Japanese submarine conducts first drills in South China Sea // Reuters. 17.09.2018. URL: <https://www.reuters.com/article/us-japan-southchinasea-submarine/japanese-submarine-conducts-first-drills-in-south-china-sea-idUSKCN1LX07S> (дата обращения: 12.05.2019).

Madnan T. The Rise, Fall, and Rebirth of the ‘Quad’ // War on the Rocks. 16.11.2017. URL: <https://warontherocks.com/2017/11/rise-fall-rebirth-quad/> (дата обращения: 12.05.2019).

Nagy S. Is Trump Pushing China and Japan Together? Not Quite // China-US Focus. 06.11.2018. URL: <https://www.chinausfocus.com/foreign-policy/is-trump-pushing-china-and-japan-together-not-quite> (дата обращения: 12.05.2019).

Old Scores and New Grudges: Evolving Sino-Japanese Tensions / International Crisis Group Report. Asia Report № 258. 24 July 2014. 46 p.

Pugliese G. China-Japan Summit Under the Shadow of Trump // US-China Focus. 31.10.2018. URL: <https://www.chinausfocus.com/foreign-policy/china-japan-summit-under-the-shadow-of-trump> (дата обращения: 12.05.2019).

Pugliese G., Insiasi A. Sino-Japanese Power Politics: Might, Money and Minds. London: Palgrave Macmillan, 2017. 146 p.

Quad, like sea foam, will dissipate soon: China // The Times of India. 08.03.2018. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/world/china/quad-move-will-dissipate-like-sea-foam-china/articleshow/63221055.cms> (дата обращения: 12.05.2019).

Six key takeaways from Xi Jinping's Belt and Road Forum speech to world leaders // South China Morning Post. 26.04.2019. URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3007758/xi-jinping-delivers-shorter-belt-and-road-forum-keynote> (дата обращения: 12.05.2019).

Takahara A. Forty-four Years of Sino-Japanese Diplomatic Relations Since Normalization // China-Japan Relations in the 21st Century. Antagonism Despite Interdependency / ed. by L.P. Er. Singapore: Palgrave Macmillan, 2017. P. 25–66.

Takahara A. The Abe-Xi Summit of 2018: A View from Japan // The Asan Forum. 08.11.2018. URL: <http://www.theasanforum.org/a-view-from-japan-2/> (дата обращения: 12.05.2019).

The Shangri-La Dialogue - Keynote Address by Prime Minister Abe // Prime Minister of Japan and His Cabinet. 30.05.2014. URL: https://japan.kantei.go.jp/96_abe/statement/201405/0530kichokoen.html (дата обращения: 12.05.2019).

U.S., Japan, India and Philippines challenge Beijing with naval drills in the South China Sea // Reuters. 09.05.2019. URL: <https://www.reuters.com/article/us-southchinasea-usa-japan-india/u-s-japan-india-and-philippines-challenge-beijing-with-naval-drills-in-the-south-china-sea-idUSKCN1SF0LS> (дата обращения: 12.05.2019).

Xi Jinping Meets with Special Envoy of Prime Minister Toshihiro Nikai of Japan // The Second Belt and Road Forum for International Cooperation. 26.04.2019. URL: <http://www.beltandroadforum.org/english/n100/2019/0426/c22-1256.html> (дата обращения: 12.05.2019).

Zhu F. The Abe-Xi Summit of 2018: A View from China // The Asan Forum. 08.11.2018. URL: <http://www.theasanforum.org/a-view-from-china/> (дата обращения: 12.05.2019).

REFERENCES

Aoyama, R. (2018). Japan's balancing act tours Beijing, *East Asia Forum*. October 25, 2018. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2018/10/25/japans-balancing-act-tours-beijing/> (accessed: 12 May 2019).

Callahan, W. (2016). China's "Asia Dream": The Belt Road Initiative and the new regional order, *Asia Journal of Comparative Politics*, 1(3): 226-243. DOI: 10.1177/2057891116647806

Dangerous Waters: China-Japan Relations on the Rocks. (2013). *International Crisis Group Report*, Asia Report №245, 8 April 2013.

East China Sea: Preventing Clashes from Becoming Crises. (2016). *International Crisis Group Report*, Asia Report №280, 30 June 2016.

Gao, C. (2017). China-Japan Relations Move Toward a 'New Start', *The Diplomat*, November 15, 2017. URL: <https://thediplomat.com/2017/11/china-japan-relations-move-toward-a-new-start/> (accessed: 12 May 2019).

Harris, T. (2019). 'Quality Infrastructure': Japan's Robust Challenge to China's Belt and Road, *War on the Rocks*, April 9, 2019. URL: <https://warontherocks.com/2019/04/quality-infrastructure-japans-robust-challenge-to-chinas-belt-and-road/> (accessed: 12 May 2019).

Heisei 30 nenban boei hakusho [Defense White Paper 2018]. (2018). Japan Ministry of Defense, 2018.

Hughes, C.W. (2016). Japan's 'Resentful Realism' and Balancing China's Rise, *The Chinese Journal of International Politics*, 9(2): 109–150. DOI: 10.1093/cjip/pow004

Japan-China Public Opinion Survey 2018. (2018). The Genron NPO, October, 2018. URL: <http://www.genron-npo.net/en/archives/181011.pdf> (accessed: 12 May 2019).

Kawashima, S. (2018). Nicchu kankei "kaizen" e no toi [Japan-China Relations: Issue of "Improvement"], *Gaiko*, November-December 2018, 52: 28–35.

Madnan, T. (2017). The Rise, Fall, and Rebirth of the 'Quad', *War on the Rocks*, November 16, 2017. URL: <https://warontherocks.com/2017/11/rise-fall-rebirth-quad/> (accessed: 12 May 2019).

Ministry of Foreign Affairs of Japan. (2014). Nicchu kankei no kaizen ni muketa hanashiai [Negotiations aimed at improvement of Japan-China relations]. November 7, 2014. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/a_o/c_m1/cn/page4_000789.html (accessed: 12 May 2019).

Ministry of Foreign Affairs of Japan. (2017). Jiyude hirakareta indo taiheiyo senryaku [Free and Open Indo-Pacific Strategy]. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/bluebook/2017/html/chapter1_02.html#T003 (accessed: 12 May 2019).

Ministry of Foreign Affairs of Japan. (2019). Nicchu shuno kaidan • yushoku kai [Japan-China Summit and Official Dinner]. June 27, 2019. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/a_o/c_m1/cn/page4_005086.html (accessed: 15 March 2020).

Ministry of Foreign Affairs of Japan. (2019). Shu Kin Pei Kokka Shuseki tono nicchu shuno kaidan – yushoku kai [Japan-China Summit and Official Dinner with President Xi Jinping]. December 23, 2019. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/a_o/c_m1/cn/page3_003013.html (accessed: 15 March 2020).

Nagy, S. (2018). Is Trump Pushing China and Japan Together? Not Quite, *China-US Focus*, November 6, 2018. URL: <https://www.chinausfocus.com/foreign-policy/is-trump-pushing-china-and-japan-together-not-quite> (accessed: 12 May 2019).

Nikkei Asian Review. (2018). Japan and China hold first meeting on defense hotline, October 28, 2018. URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Japan-and-China-hold-first-meeting-on-defense-hotline> (accessed: 12 May 2019).

Nikkei Shimbun. (2018). "Kyoso kara kyocho e" nicchu shusho "shin dankai" de icchi ["From Competition to Cooperation" Leaders of Japan and China Agreed on the "New Stage"]. October 26, 2018. URL: <https://www.nikkei.com/article/DGXMZO36941740V21C18A0MM0000/> (accessed: 12 May 2019).

Nitta, T. (2016). Chugoku ga teisho shite 3 shunen o mukaeta ittai ichiro. [Three Years of Development of China's Proposed One Belt, One Road], *Shin kokoku keizai*, September 26, 2016: 1–11.

Old Scores and New Grudges: Evolving Sino-Japanese Tensions. (2014). *International Crisis Group Report*, Asia Report № 258, 24 July 2014.

Prime Minister of Japan and His Cabinet. (2014). The Shangri-La Dialogue – Keynote Address by Prime Minister Abe. May 30, 2014. URL: https://japan.kantei.go.jp/96_abe/statement/201405/0530kichokoen.html (accessed: 12 May 2019).

Pugliese, G. (2018). China-Japan Summit Under the Shadow of Trump, *US-China Focus*, October 31, 2018. URL: <https://www.chinausfocus.com/foreign-policy/china-japan-summit-under-the-shadow-of-trump> (accessed: 12 May 2019).

Pugliese, G., Insasia, A. (2017). Sino-Japanese Power Politics: Might, Money and Minds. London: Palgrave Macmillan.

Reuters. (2018). Japanese submarine conducts first drills in South China Sea, September 17, 2018. URL: <https://www.reuters.com/article/us-japan-southchinasea-submarine/japanese-submarine-conducts-first-drills-in-south-china-sea-idUSKCN1LX07S> (accessed: 12 May 2019).

Reuters. (2019). U.S., Japan, India and Philippines challenge Beijing with naval drills in the South China Sea, September 9, 2019. URL: <https://www.reuters.com/article/us-southchinasea-usa-japan-india/u-s-japan-india-and-philippines-challenge-beijing-with-naval-drills-in-the-south-china-sea-idUSKCN1SF0LS> (accessed: 12 May 2019).

Seguchi, K. (2018). Chugoku keizai wa anteи hoji kara yuruyakana gensoku kyokumen e [Chinese Economy slumps into certain slow-down from stable growth], *The Cannon Institute for Global Studies*, December 10, 2018. 13 p. URL: http://www.canon-igs.org/column/181210_seguchi.pdf (accessed: 12 May 2019).

South China Morning Post. (2019). Six key takeaways from Xi Jinping's Belt and Road Forum speech to world leaders, April 26, 2019. URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3007758/xi-jinping-delivers-shorter-belt-and-road-forum-keynote> (accessed: 12 May 2019).

Streltsov, D.V. (2015). *Vneshnopoliticheskie priority Yaponii v Aziatiko-Tihookeanskom regione* [Japan's Foreign Policy Priorities in Asia-Pacific]. Moscow: Vostochnaya literature, 2015. (in Russian)

Takahara, A. (2017). Forty-four Years of Sino-Japanese Diplomatic Relations Since Normalization, in L.P. Er (ed), *China-Japan Relations in the 21st Century. Antagonism Despite Interdependency*, Singapore: Palgrave Macmillan: 25–66.

Takahara, A. (2018). The Abe-Xi Summit of 2018: A View from Japan, *The Asan Forum*, November 8, 2018. URL: <http://www.theasanforum.org/a-view-from-japan-2/> (accessed: 12 May 2019).

The Asahi Shimbun. (2018). Abe calls for cooperation, not competition, in China relations. October 26, 2018. URL: <http://www.asahi.com/ajw/articles/AJ201810260033.html> (accessed: 12 May 2019).

The Asahi Shimbun. (2018). Japan-China communications start up to avoid air, sea clashes, July 8, 2018. URL: <http://www.asahi.com/ajw/articles/AJ201806080061.html> (accessed: 12 May 2019).

The Japan Coast Guard. (2020). Senkakushoto shuhenshū kaiki niokeru chugoku oyakesento no doko to wagakuni no taisho [Trends of China's Vessels Intrusions into the Territorial Sea of Senkaku Islands and the Counter-Measures Taken by Japan]. February 29, 2020. URL: <https://www.kaiho.mlit.go.jp/mission/senkaku.html> (accessed: 15 March 2020).

The Japan Times. (2016). Abe, Xi meet at arm's length; patience needed before progress. September 6, 2019. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2016/09/06/national/politics-diplomacy/abe-xi-meeting-arms-length-de-javu-patience-goes-progress/> (accessed: 12 May 2019).

The Japan Times. (2016). Abe, Xi meet at arm's length; patience needed before progress. September 6, 2016. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2016/09/06/national/politics-diplomacy/abe-xi-meeting-arms-length-de-javu-patience-goes-progress/> (accessed: 12 May 2019).

The Japan Times. (2018). Abe and Xi agree to promote new economic cooperation amid U.S. trade war fears. October 26, 2018. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2018/10/26/national/politics-diplomacy/shinzo-abe-li-keqiang-agree-promote-economic-cooperation-amid-u-s-china-trade-war/> (accessed: 12 May 2019).

The Mainichi. (2019). Japan announces longer-range cruise missile development, March 19, 2019. URL: <https://mainichi.jp/english/articles/20190319/p2g/00m/0fp/064000c> (accessed: 12 May 2019).

The Second Belt and Road Forum for International Cooperation. (2019). Xi Jinping Meets with Special Envoy of Prime Minister Toshihiro Nikai of Japan, April 26, 2019. URL: <http://www.beltandroadforum.org/english/n100/2019/0426/c22-1256.html> (accessed: 12 May 2019).

The Times of India. (2018). Quad, like sea foam, will dissipate soon: China, March 8, 2018. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/world/china/quad-move-will-dissipate-like-sea-foam-china/articleshow/63221055.cms> (accessed: 12 May 2019).

Torkunov, A.V., Streltsov, D.V. (2019). (eds) *Transformaciya mezhdunarodnyh otnoshenij v Severo-Vostochnoj Azii i nacional'nye interesy Rossii* [The Transformation of International Relations in Northeast Asia and Russia's National Interests]. Moscow: Aspect Press, 2019. (In Russian).

Yamamoto, Y. (2015). Chugoku no taito to kokusai chitsujo no kanten kara mita "ittai ichiro" [One Belt One Road from the Perspective of China's Rise and International Order], PHP Policy Review, 9(70): 20 p. (In Japanese).

Zhu, F. (2018). The Abe-Xi Summit of 2018: A View from China, *The Asan Forum*, November 8, 2018. URL: <http://www.theasanforum.org/a-view-from-china/> (accessed: 12 May 2019).

Поступила в редакцию 12.05.2019

Received 12 May 2019

Для цитирования: Киреева А.А. Новая историческая веха в китайско-японских отношениях: насколько глубоко погружение и что за ним стоит? // Японские исследования. 2020. № 1. С. 21–47. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10002

For citation: Kireeva A.A. (2020). Novaya istoricheskaya vekha v kitaysko-yaponskikh otnosheniyakh: naskol'ko gluboko poteplenie i chto za nim stoit? [A new historic era in China-Japan Relations: How deep is the rapprochement and what are the reasons?], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2020, 1: 21–47. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10002

Японские исследования. 2020. № 1. С. 48–68.

Japanese Studies in Russia, 2020, 1, pp. 48–68.

DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10003

Структурные проблемы японского рынка труда

И.П. Лебедева

Аннотация. Из-за невозможности достижения на рынке труда, так же как и на других рынках, «совершенной конкуренции», которая в теории должна уравновешивать различные составляющие спроса и предложения рабочей силы через ценовой механизм (как из-за несовершенства самого рынка, так и в результате стремления государства регулировать его функционирование), здесь постоянно возникают разного рода несоответствия и дисбалансы. Так, при низком уровне общей безработицы нарастает структурная безработица, т.е. несоответствие между требованиями компаний к качеству рабочей силы и профессионально-квалификационным составом работников, выходящих на рынок труда. В результате при высоком спросе на труд уровень заполнения открытых вакансий составляет в среднем не более 30 %. С другой стороны, достаточно высокий для Японии уровень увольнений работников (15–15,5 % от общего числа занятых) говорит о существовании разрыва между их ожиданиями относительно работы и теми реальными условиями, в которых они оказываются. Особенно остро эта проблема проявляет себя в молодёжном сегменте рынка труда, свидетельствуя о том, что сложившаяся в первые послевоенные десятилетия модель трудоустройства японской молодёжи всё менее и менее отвечает как потребностям самой молодёжи, так и нуждам японской экономики. Практически застойный характер приобрели значительные различия в соотношении между спросом на рабочую силу и её предложением между различными отраслями экономики, а также между предприятиями разных размеров, что говорит о её низкой мобильности. Наконец, одной из отличительных черт последних десятилетий стали расхождения в динамике производительности труда и заработной платы. Они обусловлены особенностями динамики обоих показателей в этот период, которые сформировались под влиянием целого комплекса факторов – как экономических, так и социокультурных. Существующие на японском рынке труда структурные несоответствия свидетельствуют о его недостаточной гибкости и мобильности, а это, в свою очередь, препятствует более эффективному использованию основного ресурса экономического роста страны – её рабочей силы.

Ключевые слова: рынок труда, рабочая сила, структурная безработица, производительность труда, заработка плата, увольнения, вакансии.

Автор: Лебедева Ирина Павловна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Институт востоковедения РАН (адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, 12). E-mail: iplebedeva2019@mail.ru

The structural problems of the Japanese labor market

I.P. Lebedeva

Abstract. Due to the impossibility of achieving “perfect competition” in the labor market (as well as in other markets), which, in theory, should balance the ratio between various components of labor supply and demand through the price mechanism (because of the imperfection of market itself and as a result of the state’s desire to regulate its functioning), various kinds of imbalances and inconsistencies constantly arise here. Thus, under a low level of general unemployment, structural unemployment increases, indicating the discrepancy between the requirements of companies to the quality of the workforce and the professional and qualification structure of workers entering the labor market. As a result, despite a high demand for labor, the level of filling of open vacancies averages no more than 30 %. On the other hand, a rather high level of dismissals of workers (15–15.5 %) indicates the existence of a gap between their expectations regarding work and the actual conditions in which they find themselves. This problem is especially acute in the youth segment of the labor market, indicating that the employment model of Japanese youth, which was formed in the first postwar decades, is increasingly diverging with the needs of young people and the needs of the Japanese economy. The significant differences in the ratio of labor demand and supply between different sectors of the economy, as well as between enterprises of different sizes, have acquired an almost stagnant nature, indicating low mobility of labor force. Finally, the discrepancy in the dynamics of labor productivity and wages became one of the distinguishing features of the last decades. It was formed due to the peculiarities of the dynamics of both indicators in this period, which, in turn, were formed under the influence of a whole range of factors of economic and socio-cultural nature. The imbalances and inconsistencies existing in the Japanese labor market indicate its lack of flexibility and mobility, and this, in turn, impedes a more efficient use of the country's main resource for economic growth – its labor force.

Keywords: labor market, labor force, structural unemployment, labor productivity, wages, dismissals, vacancies.

Author: Lebedeva Irina P., Doctor of Sciences (Economics), Chief Researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 12, Rozhdestvenka Str., Moscow, 107031, Russian Federation). E-mail: iplebedeva2019@mail.ru

Введение

На протяжении всех послевоенных десятилетий рабочая сила была главным ресурсом экономического роста Японии. Таковым она остается и сейчас, на стадии постиндустриального развития. Быстрое старение населения, а также начавшееся в последние годы сокращение его абсолютной численности придают проблеме использования рабочей силы особую актуальность. В связи с этим рассмотрение проблем, существующих на японском рынке труда, представляет несомненный научный интерес. Это подтверждает и обилие работ японских авторов, посвящённых самым разнообразным аспектам функционирования рынка труда. Это и монографии, и статьи в академических журналах, и аналитические исследования правительственные организаций и частных институтов и т.д. Названия тех из них, которые оказались наиболее полезны автору в написании данной статьи, приведены в списке литературы. Монографии японских специалистов помогли автору составить общее представление об исследуемой проблеме,

а статьи и аналитические материалы позволили углубить и дополнить его интересными деталями и малоизвестными фактами.

Статья посвящена рассмотрению одного из наименее изученных аспектов функционирования рынка труда, а именно разного рода структурным несоответствиям. Автор попыталась выделить и проанализировать наиболее важные из них с целью дополнить, углубить и скорректировать бытующие представления о японском рынке труда как о стабильном и благополучном. В исследовании автор опиралась на статистические данные, цифры и факты, почерпнутые из работ японских специалистов, использовала логику и методы экономического анализа.

Общая и структурная безработица

Из-за невозможности достижения на рынке труда «совершенной конкуренции», которая в теории должна уравновешивать различные составляющие спроса и предложения рабочей силы через ценовой механизм (как из-за несовершенства самого рынка, так и в результате стремления государства регулировать его функционирование с помощью разного рода регламентаций и ограничений), здесь постоянно возникают разного рода несоответствия и дисбалансы.

Одним из наиболее важных показателей дисбаланса на рынке труда является уровень безработицы. По этому показателю положение на японском рынке труда на протяжении всего послевоенного периода было весьма благополучным, и даже в периоды неблагоприятной конъюнктуры японские показатели не превышали уровня, который в других развитых странах отмечался в годы экономического подъема.

Невысокими оставались эти показатели и в последнюю четверть века, о чём свидетельствуют приводимые ниже данные (уровень безработицы, %) [Japan Statistical Yearbook 2011, table 16-1; Родорёку тёса 2018, с. 12, табл. 11; Labor force survey. Monthly results, May 2019, table 18]:

1990	1992	1994	1996	1998	2000	2002	2004	2006	2008
2,1	2,2	2,9	3,4	4,1	4,7	5,4	4,7	4,1	4,0

2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	май 2019
5,1	4,6	4,3	4,0	3,6	3,4	3,1	2,8	2,4	2,4

Следует особо подчеркнуть, что Японии практически не знакома и такая острые социальная проблема, как высокий уровень безработицы среди молодёжи, что типично для многих высокоразвитых государств. Так, по данным на май 2019 г., в самой младшей возрастной когорте – 15–24 года – уровень безработицы составил 4,0 %, а в когорте 25–34 года – 3,2 % [Labor force survey. Monthly results, May 2019, table 18].

Но на фоне весьма благополучного положения дел на японском рынке труда в плане общего уровня безработицы (т.е. отношения числа лиц, ищущих работу, к общему числу занятых) здесь обнаруживается другая форма безработицы – структурная. Она возникает в результате несовпадения между структурой спроса на рабочую силу и структурой её предложения – с точки зрения её профессионально-квалификационного состава, возрастной структуры, территориального распределения и т.д. При этом в отличие от общей

безработицы структурная безработица не зависит или почти не зависит от движения конъюнктуры [Нагано Хитоси, с. 76–77].

Для уяснения характера безработицы, существующей в тот или иной период на рынке труда, специалисты используют так называемую *кривую UV*, где U означает unemployment, а V – vacancy. Для её построения берутся два показателя: уровень общей безработицы и коэффициент эффективного спроса на труд, который рассчитывается путём деления количества существующих на рынке вакансий на число лиц, ищущих работу. Приводимые ниже данные дают представление о динамике этого показателя в период 1990–2018 гг. (%) [Japan Statistical Yearbook 2011, 2016, 2018, table 16-4]:

1990	1995	1998	2000	2002	2004	2006	2008	2010
1,43	0,64	0,50	0,62	0,56	0,86	1,06	0,77	0,56
2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2 кв. 2018	
0,68	0,82	0,97	1,11	1,23	1,36	1,50	1,62	

Очевидно, что динамика обоих приведённых выше показателей напрямую зависит от состояния конъюнктуры, но только их движение – разнонаправленное: в то время как коэффициент эффективного спроса растёт при благоприятной конъюнктуре и падает в периоды её охлаждения, уровень общей безработицы, наоборот, повышается в период спада конъюнктуры и снижается в периоды экономического подъема (рис. 1).

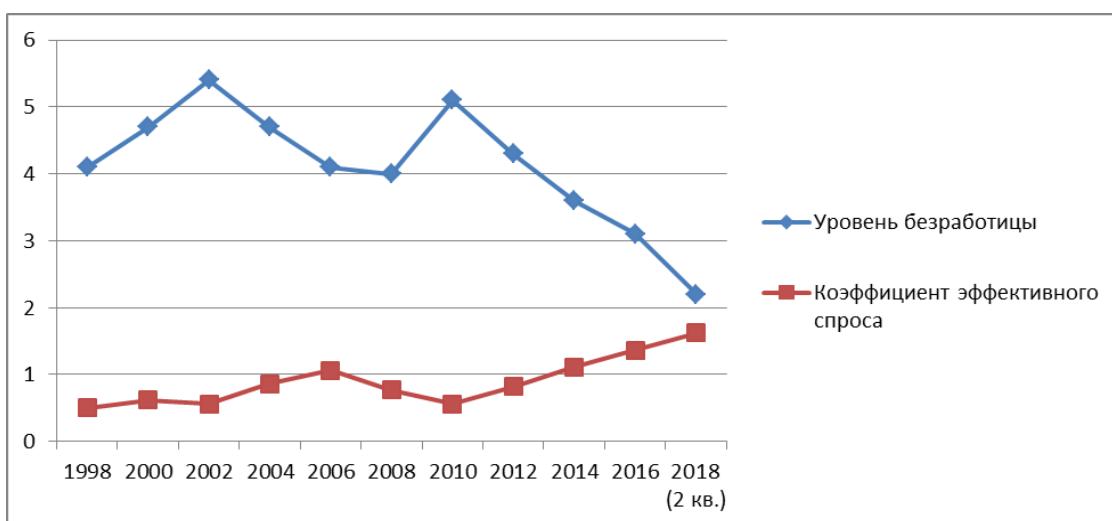

Рис. 1. Динамика уровня безработицы и коэффициента эффективного спроса.

Сопоставление этих показателей в динамике и позволяет уяснить характер безработицы в тот или иной отрезок времени.

С этой целью строится график, на нижней горизонтальной оси которого откладываются значения коэффициента эффективного спроса, а на левой вертикальной – показатели уровня безработицы. График разделяет линия, проведённая под углом 45° из левого нижнего угла – точки, где и уровень безработицы, и коэффициент эффективного спроса равны нулю. Это линия предполагаемого равновесия, когда численность безработных равна числу вакантных

мест, т.е. когда безработица носит структурный характер, а не обусловлена недостаточным спросом на рабочую силу. Это положение называют также равновесной безработицей.

Если точки пересечения уровней безработицы и показателей коэффициента эффективного спроса уходят влево вверх от этой линии, то это означает, что безработица связана с нехваткой спроса на рабочую силу. Если они перемещаются вправо вниз от этой линии, то из этого следует, что существует нехватка рабочей силы. Если же они приближаются к этой линии, это означает, что возникает структурная безработица, т.е. безработица, обусловленная несоответствием между имеющейся на рынке рабочей силой и требованиями, предъявляемыми к ней со стороны компаний¹.

Схема, которую мы приводим ниже, показывает, как складывалась ситуация на рынке труда в период с 1967 г. по 2015 г. (рис. 2).

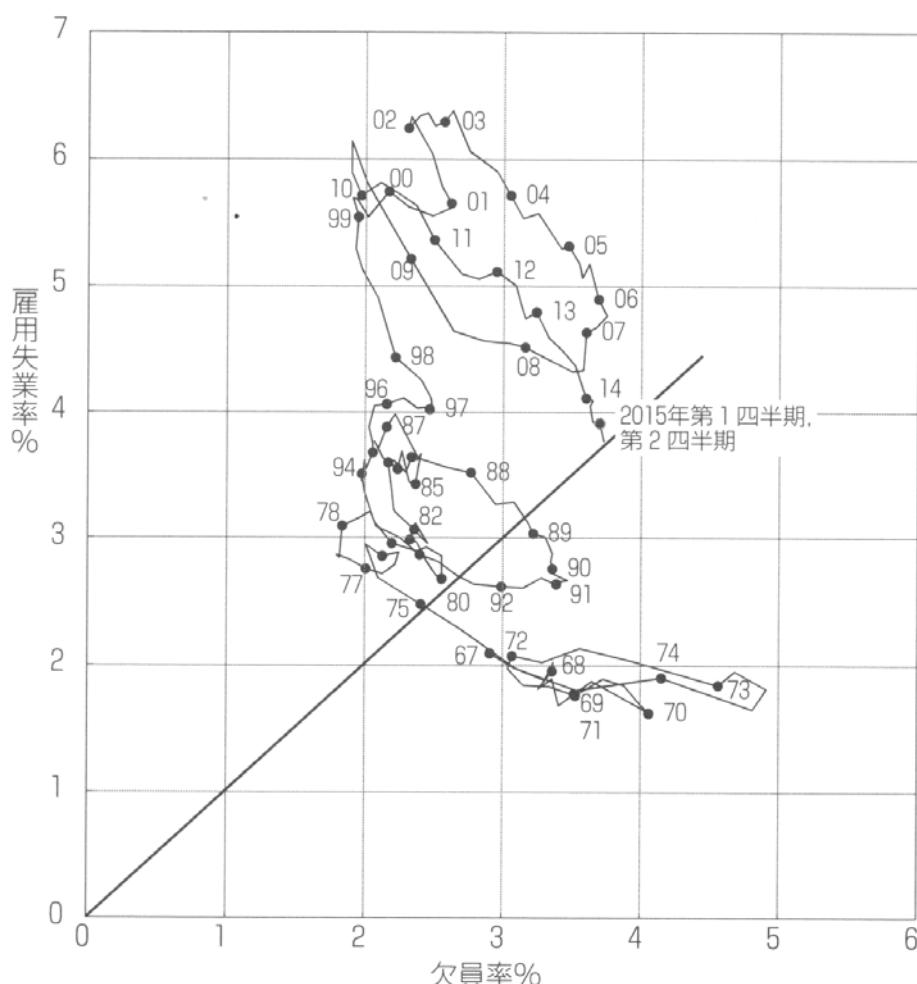

Рис. 2. Изменение характера безработицы (1967–2015 гг.)

Источник: [Нагано Хитоси, с. 80].

Во-первых, очевидно, что за последние полвека положение на рынке труда изменилось: произошло перемещение из зоны нехватки рабочей силы в зону её избытка.

Во-вторых, график достаточно чётко показывает, что в периоды ухудшения конъюнктуры точки пересечения обоих показателей смещаются в верхнюю левую часть,

¹ Описание методики приводится по монографиям [Нагано Хитоси, с. 73–80; Идэ Такако, с. 12–15].

удаляясь от равновесной прямой. Это означает, что нарастает безработица, обусловленная недостатком спроса на рабочую силу. И, наоборот, в годы улучшения конъюнктуры эти точки смещаются вниз и приближаются к равновесной прямой. Это означает, что нарастают структурная безработица.

В-третьих, если сравнивать период 2000–2015 гг. с предыдущими периодами, то напрашивается вывод, что ситуация на рынке труда стала в целом более сложной. С одной стороны, ушли вверх, т.е. стали выше, показатели общей безработицы. С другой стороны, с началом оживления, наступившего после 2010 г., безработица всё больше стала приобретать характер структурной. На графике видно, что точки пересечения уровня безработицы и коэффициента эффективного спроса устремились к равновесной прямой. При этом зона равновесия, к которой они стремятся, тоже сместилась вверх по равновесной прямой, что говорит о нарастании масштабов дисбаланса на рынке труда.

Различия в коэффициентах эффективного спроса на труд

Выше было охарактеризовано положение дел на японском рынке труда в целом. Но очевидно, что для различных категорий работников ситуация складывается по-разному. Подтверждением этого являются значительные различия в показателях коэффициента эффективного спроса на труд в зависимости от формы занятости работников, их возраста, профессии и т.д.

Обратимся, прежде всего, к различиям в зависимости от формы занятости (%) [Japan Statistical Yearbook. 2011, table 16-14; 2016, table 19-28; 2019, table 19-20; Japan Institute..., Statistics]:

	Постоянные работники*	Частично занятые (<i>namo</i>)**	Временные и сезонные работники
1990	1,46	–	1,12
1995	0,62	1,7	0,84
2000	0,60	2,16	1,12
2005	0,94	2,0	2,38
2007	0,97	2,0	2,77
2010	0,51	1,34	4,67
2011	0,62	1,49	6,21
2012	0,74	1,06	7,42
2013	0,87	1,24	9,35
2014	1,00	1,38	9,48
2015	1,11	1,52	10,22
2016	1,25	1,70	12,04
2017	1,50	1,78	–
2018	1,61	1,82	–
2019 май	1,62	1,80	–

* Показатели за 2017–2019 гг. отражают ситуацию по всем категориям за вычетом *namo* и выпускников учебных заведений.

** Показатели до 2012 г. представляют собой отношение вновь открытых вакансий к новым заявкам на трудоустройство.

Приведённые данные, во-первых, свидетельствуют о том, что в рассматриваемый период, и особенно до середины 2010-х годов, шло активное замещение постоянных работников непостоянными, в том числе частично занятymi (*parto*), т.е. теми, кто занят менее 35 часов в неделю – либо неполный рабочий день, либо неполную рабочую неделю (на эту категорию приходится почти половина общего числа непостоянных работников). Во-вторых, показывая, что спрос на постоянных работников в последние годы поднялся практически до уровня, отмечавшегося до депрессии 1990-х – 2000-х годов, эти данные подтверждают тезис о существовании структурной безработицы в сфере постоянной занятости. В-третьих, свидетельствуя о чрезвычайно высоком спросе на труд сезонных и временных работников (т.е. лиц, довольствующихся случайными заработками), они отражают необходимость переориентации иммиграционной политики Японии, нацеленной главным образом на привлечение специалистов высокой квалификации. Правда, в последнее время в этой области произошли некоторые изменения. А именно, в декабре 2018 г. был принят закон, согласно которому в ближайшие пять лет в Японию будет допущено порядка 345 тыс. человек для работы в сферах, нуждающихся в работниках невысокой квалификации: строительстве (разнорабочими), медицине и сфере ухода (санитарками, сиделками), гостиничном бизнесе (горничными, уборщицами) и т.д. [Коммерсанты].

Достаточно очевидны и различия в коэффициентах эффективного спроса на рабочую силу по разным возрастным группам (табл. 1).

Таблица 1. Коэффициенты эффективного спроса на рабочую силу по возрастным группам (постоянные работники)

Возраст работников	1990	1995	2000	2004	2008	2012	2013	2014	2017
20–24 года	1,58	0,68	0,80	1,05	0,74	0,93	1,09	1,11	1,58
24–29 лет	1,55	0,74	0,69	0,83	0,51	0,63	0,74	1,12	1,57
30–34 года	2,59	1,09	0,94	0,94	0,54	0,65	0,77	1,10	1,55
35–39 лет	2,56	1,29	1,12	1,14	0,59	0,59	0,71	1,05	1,49
40–44 года	2,01	0,98	0,98	1,08	0,71	0,57	0,65	0,96	1,38
45–49 лет	1,71	0,58	0,53	0,80	0,77	0,66	0,75	0,90	1,27
50–54 года	1,27	0,46	0,30	0,47	0,80	0,74	0,86	0,90	1,26
55–59 лет	0,56	0,22	0,18	0,32	0,61	0,73	0,88	0,92	1,28
60–64 года	0,25	0,08	0,08	0,30	0,61	0,50	0,62	0,88	1,16
Свыше 65 лет	0,67	0,19	0,20	1,05	1,78	1,09	1,07	0,92	1,19
В среднем по всем группам	1,51	0,63	0,60	0,83	0,73	0,74	0,87	1,0	1,38

Источник: [Japan Statistical Yearbook 2011, table 16-14; 2016, table 19-29; 2019, table 19-21; 2020, table 19-21].

Притом, что начиная с 2013 г., т.е. с момента старта абэномики, коэффициент эффективного спроса стал быстро повышаться во всех возрастных группах, наиболее заметный рост произошел в когортах 20–24 года и 25–29 лет. Это говорит о том, что, как и прежде, на места постоянных работников японские компании предпочитают нанимать в первую очередь молодёжь. Значительный рост коэффициента эффективного спроса в группах лиц среднего возраста, а также его заметное повышение в следующих когортах свидетельствуют о расширении в последние годы практики так называемого найма

в середине карьеры (*тюто сайё*), т.е. найма на места постоянных работников лиц, имеющих за плечами опыт работы в других компаниях. За этим стоит не только нехватка рабочей силы, но и то обстоятельство, что помимо работников, обладающих специфической квалификацией, ценной для данной конкретной компании, последняя также нуждается в специалистах, обладающих универсальной или «общественно-полезной» квалификацией. Причём в последнее время список таких специальностей значительно расширился. Что же касается возрастной группы 60–64 года, то расширению найма лиц этого возраста способствовало, в том числе, и принятие законодательства, обязывающего компании продлевать занятость работников, достигших *тэйнэн* (возраста принудительного увольнения, составляющего 60 лет) до 65 лет на условиях перенайма. И, наконец, в самые последние годы, в условиях всё более острой нехватки рабочих рук, заметно повысились шансы на трудоустройство на постоянную работу даже пожилых работников (лиц 65 лет и старше). Представляется, что для Японии это вполне естественный способ восполнения нехватки рабочих рук, поскольку японцы не только живут дольше всех в мире, но и сохраняют хорошее состояние здоровья до 70 лет и более.

Поскольку японцы при выборе места работы, как и прежде, отдают предпочтение крупным компаниям (где и заработка плата выше, и принципы пожизненного найма применяются в наиболее полном виде), продолжают сохраняться значительные различия в показателях коэффициента эффективного спроса между предприятиями разных размеров. Вот, например, как складывается ситуация по категории «выпускники университетов». Если на предприятиях с числом занятых более 1 тыс. человек в 1995–2015 гг. коэффициент эффективного спроса на выпускников находился на уровне 0,5–0,8 и лишь к концу этого периода приблизился к 1, то на предприятиях с числом занятых менее 1 тыс. человек он колебался в пределах от 1,5 до 3,5, а в отдельные годы поднимался и выше [Кобаяси Тоору, с. 4].

Наконец, ещё одним свидетельством несоответствий на рынке труда являются различия в коэффициенте эффективного спроса по разным видам профессий. Конечно, из-за быстрых изменений в технике и технологии, в результате появления новых видов работ и профессий, вследствие сдвигов в отраслевой структуре экономики, демографической структуре и т.д. эти несоответствия возникают всегда и везде. Хотя на динамику этих показателей в последние двадцать лет сильное влияние оказывали колебания экономической конъюнктуры, в целом тенденции достаточно очевидны. Самым высоким коэффициентом эффективного спроса отличалась сфера услуг по уходу, что связано с быстрым старением населения и непрерывным увеличением числа граждан, нуждающихся в этих услугах (здесь этот показатель колебался в пределах 2,0–4,0). За ней следовала сфера индивидуальных услуг, спрос на которые также довольно быстро нарастал в результате повышения доходов и всё большей диверсификации потребностей населения (с показателями от 1,0 до 2,0). Довольно благоприятной была ситуация для специалистов и техников: здесь коэффициент эффективного спроса лишь в самые сложные периоды опускался ниже 1,0, а в основном превышал этот уровень, достигая в отдельные годы 1,7–1,8. Несколько хуже (с колебаниями коэффициента в пределах 0,7–1,7) обстояло дело в сфере транспорта и связи. Неблагоприятно складывалась ситуация для работников торговли и производственных рабочих: лишь в отдельные годы коэффициент эффективного спроса превышал 1,0, а в основном был ниже этого уровня. Но самым сложным было положение в сфере управлеченческой и офисной работы: здесь соответствующие показатели были ниже 0,5, и если

для управленицев в последние годы они несколько повысились (но не достигли 1,0), то для офисных работников остались на уровне 0,2–0,3 [Кобаяси Тоору, с. 4].

Из-за несоответствий между потребностями рынка в рабочей силе и возможностями и пожеланиями самих работников, японский рынок труда характеризуется весьма невысокими показателями заполнения вакансий. При высоком спросе на труд доля трудоустроившихся в общем числе претендентов на рабочие места составляет в среднем порядка 30–35 %, а в группе лиц старше 65 лет уровень заполнения вакансий не превышает 20 % [Japan Statistical Yearbook 2019, table 19-21].

Несовпадение динамики производительности труда и заработной платы

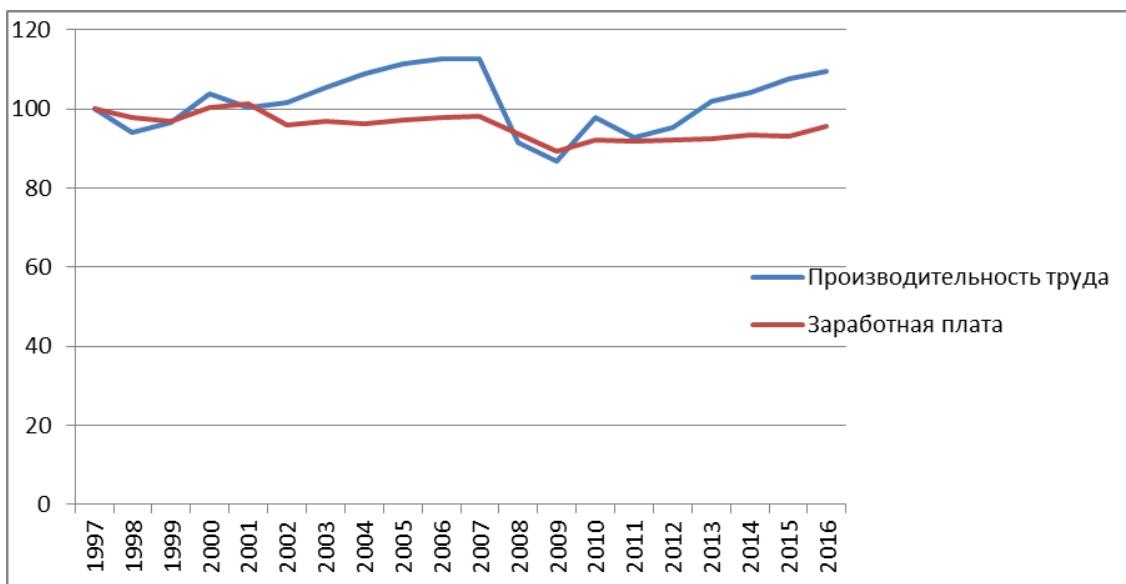
Ещё одной структурной проблемой, сформировавшейся на японском рынке труда в последние два десятилетия, стало несовпадение динамики производительности труда и заработной платы (табл. 2 и рис. 3).

Таблица 2. Динамика производительности труда и заработной платы (1997–2016 гг.)

Годы	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Производительность труда	100,0	94,2	96,7	103,9	100,5	101,5	105,5	108,8	111,3	112,6
Заработка плата	100,0	97,9	96,8	100,4	101,3	95,8	96,9	96,4	97,3	97,8

Годы	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Производительность труда	112,8	91,4	86,7	97,7	92,7	95,3	101,9	104,1	107,6	109,6
Заработка плата	98,2	93,6	89,2	92,2	91,7	92,1	92,4	93,3	93,0	95,5

Источник: [Фудзита Хироси, с.40].

Рис. 3. Динамика производительности труда и заработной платы

Как показывает график, в рассматриваемый период оба показателя демонстрировали крайне неравномерную динамику, но при этом производительность труда выросла почти на

10%, а заработная плата, напротив, упала на 4,5 %. Подобное расхождение, которое с точки зрения постулатов экономической науки выглядит довольно необычно, объясняется особенностями динамики обоих показателей. При этом на движение каждого из них влиял целый комплекс факторов.

Факторы, предопределяющие динамику производительности труда

Очевидно, что на динамику производительности труда, прежде всего, оказала влияние депрессия, в которую Япония вступила в начале 1990-х годов и которая продолжалась более двух десятилетий. При этом, как показывают данные табл. 2 и график, три кризиса, которые страна пережила за это время – азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг., мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. и кризис, вызванный разрушительным землетрясением марта 2011 г. – ещё больше усугубляли непростую экономическую ситуацию, приводя к резким провалам в динамике производительности труда. Но наряду с конъюнктурными факторами на её динамику оказывал влияние и ряд специфических японских факторов.

Во-первых, в этот период произошло заметное снижение фондооружённости труда, т.е. стоимости основных фондов в расчёте на одного занятого (за вычетом стоимости земли, зданий и сооружений). По расчётам японского экономиста Х. Фудзита, за 1995–2015 гг. она снизилась почти на 21 % [Фудзита, с. 42]. Можно предположить, что в определённой степени это было связано со снижением цен на некоторые виды оборудования в результате удешевления комплектующих (например, электронных деталей). Но главной причиной стала низкая инвестиционная активность японских компаний – вследствие как неблагоприятной конъюнктуры, так и набиравшей всё большие обороты глобализации производства, т.е. выноса производства за пределы национальной территории. Имея в виду огромные масштабы этого процесса, японцы назвали его *кудока* (буквально, вымывание, опустошение). Действительно, на фоне вялой динамики внутренних инвестиций зарубежные прямые инвестиции японских компаний демонстрировали чрезвычайно высокие темпы роста. По данным на конец 2018 г., их накопленный объём достиг 1 трлн 646 млрд долл. или 33,1 % ВВП. При этом в промышленности, например, в 2018 г. доля зарубежных предприятий японских компаний в общем объёме их продаж составила уже почти 60 % (в 2000 г. этот показатель был вдвое меньше) [JETRO Global Trade..., 2019, р. 33, 34].

Во-вторых, в рассматриваемый период снизились расходы компаний на внутрифирменное обучение работников, в процессе которого происходит повышение их квалификации, а, следовательно – и производительности труда². Внутрифирменное обучение осуществляется в двух формах – на рабочем месте, т.е. без отрыва от производства (*job on training*) и с отрывом от производства (*job off training*). Поскольку первую форму обучения трудно отделить от собственно процесса труда, воспользуемся данными о расходах компаний на обучение с отрывом от производства. Если в 2007 г. в расчёте на одного занятого они составили в среднем 43,5 тыс. иен, то в 2016 г. – 37,2 тыс. иен, т.е. уменьшились на 14,5 %. При этом в крупных компаниях они снизились даже в большей степени – с 48,7 тыс. иен до 39,8 тыс. иен или на 18,1% [Тингин дзидзё, с. 37].

² Вопрос о том, какое влияние на производительность труда оказывает система обучения работников, подробно рассматривается в Analysis of the Labour Economy 2018.

В-третьих, в рассматриваемый период на динамику производительности труда оказывало давление быстрое повышение в структуре занятых доли непостоянных работников, причём эту тенденцию не переломило даже начавшееся с 2015 г. на волне абэномики некоторое расширение постоянной занятости. Доля непостоянно занятых в общем числе лиц, работающих по найму (без учёта высших управленцев компаний) поднялась с 21,7 % в 1992 г. до 24,6 % в 1997 г., 37,5 % в 2016 г. и 38,2 % в 2019 г., а в абсолютном выражении их численность увеличилась более чем на 11 млн человек – до 21 млн 650 тыс. [Родорёку тёса, 2018, с. 8, 2019, табл. 6]. Между тем в силу особенностей половозрастного состава значительная часть лиц этой категории уступает постоянным работникам и по уровню образования, и по уровню квалификации. По расчётам японского экономиста С. Канэдзава, почти 1/3 непостоянных работников составляют женщины в возрасте от 35 до 54 лет. Это в основном бывшие *сэнгё сюфу* (профессиональные домохозяйки), многие из которых либо вообще прежде не работали, либо работали до замужества и рождения детей, а затем на долгое время оказались оторваны от работы – с неизбежными потерями в уровне квалификации. Более 1/3 (35 %) непостоянных работников – это лица обоих полов старше 55 лет, чья квалификация в условиях быстро меняющихся требований современного производства всё чаще оказывается «морально устаревшей» [Канэдзава Сэйити, с. 29]. При этом японские компании, учитывая сам временный характер занятости непостоянных работников, не спешат подключать их к системе повышения квалификации на основе внутрифирменного обучения. Среди непостоянных работников доля тех, кто включён в систему обучения на рабочем месте (*job on training*) и обучения с отрывом от производства (*job off training*), в среднем в два раза ниже, чем среди постоянно занятых (порядка 30 и 60 % и 35 % и 70 % соответственно) [Labour Situation, p. 94].

Наконец, ещё одним специфически японским фактором, оказывающим непосредственное влияние на уровень производительности труда, является продолжительный рабочий день. Исследования показывают, что поскольку психофизические возможности человека ограничены, производительность труда снижается, когда рабочий день выходит за пределы урочного времени. Однако в Японии, несмотря на то, что по закону рабочая неделя ограничена 40 часами, на практике значительная часть постоянных работников занята более 50 часов в неделю, а некоторые – и более 60 часов. Судя по данным японской статистики (охватывающим постоянных работников и *пато*, т.е. частично занятых), за период с 2000 г. по 2016 г. время, отработанное одним работником за месяц, сократилось на 10,7 часа – со 154,4 часа до 143,7 часа. Однако произошло это лишь из-за роста в структуре занятых доли *пато* (работающих менее 35 часов в неделю). Что же касается постоянных работников, то их рабочее время сократилось за эти годы лишь на 6 мин. в месяц – со 168,8 до 168,7 часа [Analysis of the Labour Economy 2017, p. 15].

Феномен длинного рабочего дня в Японии можно объяснить как экономическими, так и социопсихологическими причинами. Что касается экономической стороны, то, как отмечает профессор Т. Идэ, для компании оказывается выгоднее продлить за счёт сверхурочных работ рабочий день своего сотрудника, чем нанять ещё одного, за которого придется платить взносы в систему социального обеспечения и оказывать ему разного рода материальную поддержку (в форме субсидий на жильё, транспорт, иждивенцев и т.д.) [Идэ Такако, с. 46]. Тем более что часто сверхурочные работы не оплачиваются под предлогом, что работник не выполнил свою работу в урочное время. Кроме того, в японских

компаниях при оценке вклада работника, определении его заработной платы и дальнейшей карьеры принимаются во внимание не столько конкретные результаты его деятельности, сколько объём приложенных им усилий, для измерения которых наиболее удобным показателем оказывается именно рабочее время [Оно Хироси, с. 18]. Поэтому и сами работники японских компаний не возражают против длинного рабочего дня.

Что же касается социопсихологических аспектов, то профессор Х. Оно обращает внимание на два момента. Во-первых, японцы воспринимают *дзангё*, т.е. сверхурочные работы, как своего рода добродетель. Оставаясь на *дзангё*, работники японских фирм показывают, что они *гамбаттэ иру*, т.е. напрягают все силы, не сдаются, что высоко ценится в японской культуре, независимо от того, каков результат этих усилий (в нашем случае – производительность труда). Во-вторых, широкое распространение сверхурочных работ связано с присущим японцам групповым сознанием, а также со специфическими отношениями между старшими и младшими (*сэмпай-кохай*) – по возрасту или положению.

Поскольку в Японии работа обычно поручается не отдельному сотруднику, а группе, и поскольку круг служебных обязанностей каждого определён весьма расплывчато, то если на *дзангё* остается кто-то из группы, все другие также вынуждены задержаться на работе (эта практика называется *цукиаи дзангё*). Здесь также срабатывает близкий и понятный каждому японцу принцип *хитонами* (быть как все), опасение, что уход с работы будет воспринят как некий вызов, как показатель нелояльности. Ещё более жёстким сигналом служит поведение начальника: если он работает сверхурочно, то его подчиненные следуют его примеру, демонстрируя, что они *гамбаттэ иру*, и рассчитывая, что их усилия будут оценены [Оно Хироси, с. 20–21].

Особенности формирования заработной платы и её динамика

Что же касается динамики заработной платы, то обращает на себя внимание не только её расхождение с динамикой производительности труда (см. табл. 2 и рис. 3), но и то, что тенденция к её снижению наблюдалась в условиях низкой безработицы и нехватки рабочей силы. Это означает, что влияние рыночных принципов на формирование заработной платы на японском рынке труда сильно ограничено.

В первую очередь это связано с тем, что рыночные законы напрямую действуют здесь лишь на части этого рынка – так называемом открытом рынке труда, где основной контингент работников представлен различными категориями непостоянно занятых. На другой его части – закрытом рынке, охватывающем постоянных работников компаний, уровень заработной платы определяется, исходя из общей стратегии развития компании, на основе принципов пожизненного найма. Заполнение рабочих мест здесь происходит на основе внутрифирменного обучения и системы ротаций, а заработная плата устанавливается с учётом целого комплекса характеристик и показателей работника с акцентом на длительность трудового стажа.

При всех изменениях в системе заработной платы, на которые вынуждены были пойти японские компании ради сохранения самих основ пожизненного найма [Лебедева И.П., с. 129–132], она и сейчас в целом сохраняет повзрастной характер. А это означает, что сохраняются и условия, приводящие к разрыву между реальной производительностью работников и уровнем их заработной платы. Ведь повзрастная заработка устроена

таким образом, что у молодых работников она оказывается ниже их реальной производительности, а у пожилых работников, напротив, превышает их реальную производительность. По сути, сейчас от уровня производительности труда работника зависит лишь та часть заработной платы, которую он получает в виде бонусов, поскольку в последние годы их размеры стали определяться с учётом конкретных результатов его труда, а основная заработная плата зависит от стажа и квалификации (накапливаемой по мере увеличения стажа). Иными словами, на закрытом рынке труда постоянно воспроизводятся условия для несовпадения динамики заработной платы и динамики производительности труда.

Косвенным свидетельством расхождений между реальной производительностью и заработной платой работников на закрытом рынке труда служат данные, отражающие степень повышения заработной платы в зависимости от продолжительности стажа работы. Они показывают, что в странах, где заработная плата формируется в соответствии с рыночными принципами, и в первую очередь – с учётом реальной производительности работника, не происходит такого резкого её роста по мере увеличения стажа, как в Японии (данные по работникам-мужчинам, занятым в обрабатывающей промышленности) [Дэта букку, с. 187]:

	Стаж работы (лет)					
	1–5	6–9	10–14	15–19	20–29	свыше 30
Япония	100,0	117,2	130,1	145,8	173,7	181,5
Великобритания	100,0	111,9	115,2	122,4	131,9	131,1
Германия	100,0	119,5	129,2	136,3	143,2	148,5
Франция	100,0	108,3	114,5	114,8	125,8	127,1
Италия	100,0	104,1	109,7	118,1	124,6	135,1
Нидерланды	100,0	113,3	117,5	121,7	126,3	124,8
Бельгия	100,0	106,8	111,0	114,1	124,1	122,4
Дания	100,0	106,5	111,6	113,1	114,6	112,8
Швеция	100,0	103,0	108,8	107,2	103,8	100,1
Финляндия	100,0	104,8	110,2	113,7	115,9	109,6
Норвегия	100,0	103,0	105,9	111,3	109,8	101,9

На динамике и уровне заработной платы на закрытом рынке труда сказалось и то, что в отличие от открытого рынка здесь долгое время отмечались довольно низкие показатели эффективного спроса на рабочую силу. Как было показано выше, на протяжении почти четверти века (с начала 1990-х годов) они находились на уровне ниже 1. Лишь с 2015 г. начался их постепенный рост, и к лету 2018 г. они превысили отметку 1,5, что привело и к некоторому повышению заработной платы.

О том, как выглядела динамика среднемесячной заработной платы постоянных работников японских компаний в период 2001–2017 гг., дают представление приводимые ниже данные (в номинальном выражении, тыс. иен) [Analysis of the Labour Economy 2017, p. 3; Monthly Labor Survey, 2005–2016]:

2001	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
419,5	412	412	398	402	402	401	403	406	408	412	418

Даже к 2017 г. среднемесячная заработная плата не достигла уровня 2001 г. Застой отмечался и в динамике почасовой заработной платы постоянных работников, занятых в обрабатывающей промышленности – наиболее развитой отрасли японской экономики (иен в час) [Дэта букку, с. 173]:

2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
2266	2303	2244	2288	2276	2293	2342	2306	2325

При этом в 2016 г. уровень почасовой оплаты труда американских рабочих оказался на 29 % выше, чем у японских рабочих; у английских, немецких и французских рабочих этот показатель превышал японский уровень соответственно на 11 %, 73 % и 38 %. Следует напомнить, что обрабатывающая промышленность – это отрасль, где по уровню производительности труда Япония уступает лишь США, а что касается Великобритании, Германии и Франции, то она либо находится на одном с ними уровне, либо даже несколько превосходит их [Дэта букку, с. 44, 173]. И это – ещё одно доказательство искажения влияния рыночного механизма на формирование заработной платы на закрытом рынке труда.

Что же касается открытого рынка труда, то здесь влияние рыночного механизма достаточно очевидно. С конца 1990-х годов происходило почти непрерывное повышение заработной платы непостоянных работников, и, например, за десятилетие – с 2008 г. по 2017 г. – почасовая оплата *пато* (частично занятых) выросла на 13,1 % (с 1013 иен до 1116 иен) [The Analysis of Labour Economy 2018, p. 3]. Но очевидно, что при существующем высоком спросе на непостоянных работников рост их заработной платы был бы заметно выше, если бы его не ограничивал ряд факторов.

Во-первых, одним из главных ограничителей являются сложившиеся под влиянием системы пожизненного найма и пустившие глубокие корни в японском обществе представления о «второсортности» непостоянной занятости. Это отражается и на уровне оплаты труда непостоянных работников. Даже в том случае, если непостоянный работник выполняет ту же работу, что и постоянный, он получает почти вдвое меньшую зарплату.

С целью защиты непостоянных работников ещё в 2007 г. в Японии был принят Закон о частично занятых (*пато*), который запретил дискриминацию лиц этой категории в отношении оплаты труда, если они выполняют ту же работу, что и постоянные работники. А поправки, внесенные в 2014 г., обязали компании использовать принцип «равного подхода» при принятии решения об их переводе, продвижении и т.д. Однако особый подход японского менеджмента к понятию «труд», ориентированный на оценку не только и не столько конкретных его результатов, сколько всего комплекса личных качеств работника (дисциплинированность, лояльность по отношению к компании, готовность работать во внеурочное время и т.д.), позволяет работодателям обходить требования закона. Это способствует сохранению глубокого водораздела между постоянными и непостоянными работниками, в том числе и в вопросах оплаты труда.

Возможно, ситуацию изменит принятое в июне 2018 г. новое законодательство о реформе стиля работы, которое содержит, в том числе, и прямое требование равной оплаты за равный труд для постоянных и непостоянных работников. По данным же за 2017 г. часовая заработная плата *пато* составляла 59,4 % от уровня заработной платы постоянных работников [Women and Men in Japan 2019, p. 10].

Во-вторых, влияние рыночных механизмов на формирование заработной платы на открытом рынке труда ограничивает регулирование государством цен в системе здравоохранения и сфере услуг по уходу, где значительная часть занятых являются непостоянными работниками. В Японии цены на медицинские услуги, лекарства и услуги по уходу устанавливает государство, они пересматриваются раз в три года и являются едиными для всех профильных учреждений страны. Но поскольку государство несёт значительную часть расходов по системе медицинского страхования и системе страхования услуг по долговременному уходу, а в условиях прогрессирующего старения населения абсолютные расходы на эти цели быстро нарастают, оно стремится сдерживать рост стоимости этих услуг. Так, хотя коэффициент эффективного спроса в этой сфере непрерывно возрастал и к лету 2017 г. поднялся до 3,21, номинальная заработная плата в системе медицинского обслуживания за период с 2000 г. по 2014 г. снизилась на 7,5 %, а в сфере социальных услуг – почти на 20 %. При этом, по данным за 2015 г., в этих отраслях работала значительная часть – более 12 % – всех занятых [Хитодэ бусоку, с. 4; Гока Кадзумити, с. 27].

В-третьих, ограничителем роста заработной платы на открытом рынке труда являются особенности половозрастного состава, а именно преобладание на нём женщин. Среди непостоянно занятых доля женщин составляет почти 68 % (13,9 млн человек в 2017 г.). При этом более 80 % из них (11,4 млн человек) – это замужние женщины. В силу укоренившихся представлений о гендерном разделении ролей в семье, вследствие трудностей с устройством на постоянную работу, а также с учётом жёсткого режима труда в сфере постоянной занятости и необходимости сочетать работу с выполнением большого объёма домашних обязанностей замужние японки сознательно выбирают непостоянную занятость. Так, в 2017 г. из 17,9 млн работающих замужних японок лишь 36 % являлись постоянными работниками, а 64 % относились к категории непостоянно занятых [Labor force, 2012, table 11-1; 2017, table I-4]. При этом гендерные различия, характерные для сферы постоянной занятости, дают о себе знать и в сфере непостоянной занятости. Так, в 1999 г. часовая заработная плата непостоянных работников-мужчин в среднем составляла 1025 иен, а женщин – 887 иен, в 2016 г. эти показатели составили 1134 иен и 1054 иен соответственно [Monthly Labour Survey].

В-четвёртых, на уровень и динамику заработной платы на этом рынке оказывает влияние рост в структуре непостоянной занятости доли работников сферы услуг населению (торговли, гостинично-ресторанного бизнеса, разнообразных бытовых услуг, сферы развлечений). Эти услуги в Японии отличаются высоким качеством, что отмечают все посещающие эту страну иностранцы. Этот факт подтвердили и результаты анкетирования, проведённого летом 2017 г. японским Управлением производительности труда. Респондентами были проживающие в США японцы и проживающие в Японии американцы. И те, и другие отметили, что качество услуг в Японии почти по всем их видам превосходит качество американских услуг (сравнения проводились по 28 видам услуг населению) [Фудзита Хиродзи, с. 45]. Но в силу жёсткой конкуренции, существующей в этой сфере в Японии, высокое качество обеспечивается здесь при относительно низких ценах, что занижает размеры создаваемой в этих отраслях добавленной стоимости, а, следовательно, сдерживает и рост оплаты труда.

И, наконец, определённую роль в сдерживании роста заработной платы японских работников – независимо от формы их занятости – играют и некоторые социокультурные

особенности японской нации. Японцы – как выходящие на открытый рынок труда, так и получившие постоянную работу – страдают от одной и той же национальной «болезни», которую можно назвать «избыточной скромностью». Это сказывается и на их позициях в вопросе установления заработной платы, так как японская культура лишает их возможности потребовать от работодателей адекватной оценки своего потенциала.

Вот как описывает эту ситуацию профессор Х. Оно: «Даже если бы индивидуальные работники имели точное представление о рыночной стоимости своей рабочей силы, японский рынок труда совсем не обязательно реагировал бы на это в соответствии с экономической теорией. Для того, чтобы информировать других о нашей собственной рыночной стоимости, мы должны «продавать» себя напрямую и предоставить работодателю привлекательную для него информацию. Но японцы испытывают отвращение к прямому общению и самопрдвижению и склонны к чрезмерной скромности в описании своих достоинств и сильных сторон. Они занимают пассивные позиции, втайне надеясь, что другие оценят их достоинства. Иными словами, рынок труда, … на котором работники конкурируют друг с другом за лучшие условия труда, соответствующие их рыночной стоимости, оказывается слишком «прямым» для типичного японского работника» [Hiroshi Ono., p. 40].

Текучесть кадров

Ещё одним свидетельством существования структурных несоответствий на японском рынке труда является достаточно высокий уровень текучести кадров.

Как отмечалось выше, в целом японский рынок труда более спокоен, чем в других развитых странах. Тем не менее, по сравнению с периодом, когда основной формой найма была постоянная занятость, ситуация заметно изменилась.

Свидетельством структурных несоответствий между спросом и предложением рабочей силы является, прежде всего, весьма невысокий уровень заполнения существующих на рынке вакансий, о чём уже говорилось выше. В среднем он составляет порядка 30 %, при этом заметных различий между разными возрастными группами не наблюдается (за исключением работников старше 65 лет, среди которых доля трудоустроившихся колеблется в пределах 16–19 %).

В последние годы ежегодно работу находили порядка 7,5–8 млн человек, а увольнялись – около 7,1–7,3 млн человек. О структуре вновь нанятых на работу с точки зрения форм занятости и наличия или отсутствия у них опыта работы, а также о составе уволившихся работников в плане продолжительности их работы до момента увольнения дают представление материалы табл. 3.

Таблица 3. Состав принятых и уволившихся работников (тыс. человек)*

	2013	2014	2015	2017
Общее число занятых	45933	46032	47444	49428
Общее число принятых на работу, в т.ч.:	7493	7979	7749	7896
на места постоянных работников	4258	4453	4467	4607
на места частично занятых (<i>nato</i>)	3235	3526	3283	3289
выпускники школ и вузов и прочие лица без опыта работы	2651	2942	2721	2847

лица, сменившие место работы	4842	5036	5028	5049
Общее число уволившихся, в т.ч. проработавших:	7178	7134	7132	7341
менее 6 мес.	1518	1620	1487	1501
от 6 мес. до 1 года	949	949	871	967
от 1 года до 2 лет	1029	1093	1129	1033
от 2 лет до 5 лет	1577	1461	1581	1606
от 5 лет до 10 лет	947	1012	989	1120
свыше 10 лет	1153	989	922	1112

Источник: [Japan Statistical Yearbook 2018, табл. 19-18; 2020, табл. 19-18].

* Примечание. Данные по предприятиям с числом занятых от 5 человек.

Как показывают данные таблицы, ежегодно увольняются порядка 15–15,5 % работников японских компаний, что для страны, долгое время отдававшей предпочтение стабильной занятости, является достаточно высоким показателем. Правда, следует иметь в виду, что эти данные отражают ситуацию в целом, по обеим формам занятости – постоянной и непостоянной (*nato*). Поскольку 5 лет – это срок, дающий право *nato* требовать перевода в постоянные работники, можно предположить, что те, кто уволился, проработав более 5 лет, относились к постоянному контингенту, а те, кто проработал менее этого срока – к непостоянному. Нетрудно подсчитать, что доля постоянных работников в общем числе уволившихся составляет порядка 26–28 %, а доля частично занятых – соответственно 74–72 %.

По данным японского экономиста Т. Кобаяси, среди причин увольнений первые места занимают: недовольство уровнем заработной платы, надежда на карьерный рост на другом месте работы, отсутствие уверенности в хороших перспективах и стабильном положении компании, неприятная атмосфера в плане человеческих отношений и т.д. [Кобаяси Тоору, с. 7]. Иными словами, немалая часть увольнений происходит из-за несовпадения ожиданий работников в отношении содержания работы и рабочей обстановки в целом и теми конкретными условиями, в которых они оказываются.

Особенно нетерпима к такого рода разочарованиям молодёжь, о чём говорит гораздо более высокий, чем в среднем по стране, уровень увольнений в молодёжном сегменте рынка труда. В 2017 г. Министерство здравоохранения, труда и благосостояния провело обследование положения с занятостью выпускников высшей ступени средней школы и университетов, окончивших учебные заведения в 2014 г. Вот как выглядела ситуация спустя три года после их трудоустройства на первое место работы.

Таблица 4. Доля уволившихся в течение первых трёх лет работы среди выпускников школ и университетов 2014 года (%)

Уволившиеся	Выпускники университетов	Выпускники краткосрочных университетов	Окончившие высшую ступень средней школы	Окончившие среднюю школу
через 1 год	12,3	18,3	19,5	45,4
через 2 года	10,6	12,0	12,0	14,4
через 3 года	9,4	11,0	9,3	7,9
всего в течение первых 3 лет	32,2	41,3	40,8	67,7

Источник: [Тингин дзидзё, с. 45].

Тот факт, что такой высокий процент увольнений среди молодёжи наблюдается в условиях обострения проблемы нехватки рабочих рук и старения рабочей силы, говорит о том, что сложившаяся в первые послевоенные десятилетия модель её трудоустройства всё менее и менее отвечает как потребностям самой молодёжи, так и нуждам японской экономики.

Заключение

Таким образом, если судить о положении на японском рынке труда лишь по уровню общей безработицы и высокому спросу на труд, то может сложиться впечатление, что оно вполне благополучно. Однако, как было показано выше, на нём обнаруживается целый ряд структурных несоответствий, сформировавшихся под влиянием самых разных факторов. Так, при низком уровне общей безработицы (в последние годы – 2,4 %) нарастает структурная безработица, что свидетельствует об усилении несоответствия между требованиями компаний к качеству рабочей силы и профессионально-квалификационным составом претендентов на рабочие места. Об этом же говорит и невысокий (порядка 30 %) уровень заполнения вакансий, при том, что коэффициент эффективного спроса на труд в последние годы поднялся до уровня, которого страна не знала с начала депрессии 1990-х – 2000-х годов. С другой стороны, для японского рынка труда характерен достаточно высокий уровень увольнений работников (15–15,5 % от общего числа занятых). Это говорит о том, что реальность далеко не всегда соответствует ожиданиям работников в отношении условий работы. Особенно высок уровень увольнений среди молодёжи, в том числе и среди тех, кто устроился на места постоянных работников. Это факт, по-видимому, можно рассматривать как один из симптомов кризиса сложившейся в послевоенный период модели трудоустройства японской молодёжи. Как показано в статье, существуют значительные различия в соотношении между спросом на рабочую силу и её предложением между различными отраслями экономики, а также между предприятиями разных размеров. Они приобрели практически застойный характер, что говорит о недостаточной мобильности рабочей силы. Наконец, ещё одним структурным несоответствием, наблюдающимся в последние десятилетия, стали расхождения между динамикой производительности труда и движением заработной платы, направленность которых, согласно постулатам экономической науки, должна совпадать. Как показано в статье, это явление обусловлено целым комплексом факторов – как экономических, так и социопсихологических, причём многие из них связаны с чисто японскими реалиями.

В целом же можно сделать вывод, что существующие на японском рынке труда разного рода структурные несоответствия свидетельствуют о его недостаточной гибкости и подвижности. Это не позволяет стране в полной мере использовать потенциал её основного и становящегося всё более дефицитным ресурса экономического роста – рабочей силы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Гока Кадзумити. Хитодэ бусоку сита-но коё то хатаракиката-но хинкон : [Занятость при нехватке рабочих рук и бедность при наличии работы] // Кэйдзай, 2017-9.

Дэта букку кокусай родо хико 2018 : [Международные сопоставления в сфере труда. Справочник 2018] // Japan Institute for Labor Policy and Training. URL: <http://www.jil.go.jp> (дата обращения: 18.05.2019).

Идэ Такако. Гуробару дзидай-но Нихон-но хатаракиката : [Формы занятости в Японии в эпоху глобализации]. Т., 2015.

Канэдзава Сэйити. Кокумин-но сэйкацу хокай-но синко : [Продолжение разрушения жизни народа] // Кэйдзай, 2017-1.

Кобаяси Тоору. Родо сидзё-но мисуматти мондай ни тайсуре кэйдзай сэйсаку-но кэнто : [Анализ экономической политики в отношении проблемы дисбаланса на рынке труда]. Т., 2015.

Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3826173> (дата обращения: 01.08.2019).

Лебедева И.П. Идеология пожизненного найма и её влияние на современное японское общество // Ежегодник Япония. 2018. С. 126–148.

Нагано Хитоси. Родо то коё-но кэйдзайтаку : [Экономика труда и занятости]. Т., 2017.

Оно Хироси. Нихон-но родо дзикан ва надзэ хэраний-но ка? : [Почему в Японии не сокращается рабочее время?] // Нихон родо кэнкю дзасси, № 672, July 2016.

Родорёку тёса 2018, 2019 : [Обследование рабочей силы 2018, 2019] // Statistics Bureau. URL: <http://www.stat.go.jp/data/roudou/sokuhou/tsuki/index.html> (дата обращения: 10.08.2019, 30.12.2019).

Тингин дзидзё. 20.11.2017, № 2751.

Фудзита Хироси. Родо сэйсансэй кодзё-но гиман то хатаракиката каймэй-но кикэн : [Ловушка с повышением производительности труда и опасность реформы труда] // Кэйдзай. 2017-12.

Хитодэ бусоку-на но ни надзэ тингин га агаранай но ка : [Почему в условиях нехватки рабочих рук не растёт заработка платы?] / под ред. Гэнда Юдзи. Т., 2017.

Я마다 Масахиро. Кэkkон курайсису – тюрю тэнраку фуан : [Кризис брака – опасения выпасть из среднего слоя]. Т., 2016.

Analysis of the Labour Economy 2017, 2018 (Overview) // Ministry of Health, Labour and Welfare. URL: <https://www.mhlw.go.jp/english/wp/l-economy/2018/summary.pdf> (дата обращения: 10 May 2018; 30 December 2019).

Japan Institute for Labour Policy and Training. Statistics. URL: <http://www.jil.go.jp/english/statistics/eshuyo/e0208.html> (дата обращения: 15 May 2019).

Japan Statistical Yearbook 2011, 2016, 2018, 2019, 2020 // Statistics Bureau. URL: <http://www.stat.go.jp/> (дата обращения: 10 May 2019; 20 January 2020).

JETRO Global Trade and Investment Report 2019 // JETRO. URL: https://www.jetro.go.jp/ext_images/en/reports/white_paper/trade_invest_2019_overview.pdf (дата обращения: 1 January 2020).

Labor force survey 2012, 2017 // Statistics Bureau. URL: <http://www.stat.go.jp/> (дата обращения: 1 May 2019).

Labor force survey. Monthly results, May 2019 // Statistics Bureau. URL: <http://www.stat.go.jp/> (дата обращения: 20 June 2019).

Labour Situation in Japan and Its Analysis. 2015/2016 // Japan Institute for Labour Policy and Training. URL: <http://www.jil.go.jp> (дата обращения: 25 May 2018).

Monthly Labor Survey, 2005–2016 // Ministry of Health, Labour and Welfare. URL: <http://www.mhlw.go.jp/> (дата обращения: 20 June 2019).

Ono Hiroshi. Why Do the Japanese Work Long Hours? Sociological Perspectives on Long Working Hours in Japan // *Japan Labor Issues*, vol. 2, no. 5, February – March 2018.

Women and Men in Japan 2019 // Cabinet Office. URL: <http://www.cao.go.jp/> (дата обращения: 5 June 2019).

REFERENCES

Analysis of the Labour Economy 2017, 2018 (Overview). *Ministry of Health, Labour and Welfare*. URL: <https://www.mhlw.go.jp/english/wp/l-economy/2018/summary.pdf> (accessed: 10 May 2018, 30 December 2019).

Deta bukku kokusai rodo hiko 2018 [Data book of international labor statistics 2018]. *Japan Institute for Labor Policy and Training*, URL: <http://www.jil.go.jp> (accessed: 18 May 2019). (In Japanese).

Fujita, Hiroshi (2017). Rodo seisansonsei kojo-no giman to hatarakikata kaimei-no kiken [A trap with the growth of labor productivity and the danger of labor reforms], *Keizai*, 12. (In Japanese).

Goka, Kazumichi (2017). Hitode busokushita-no koyo to hatarakikata-no hinkon [Employment under labor force shortage and poverty of working people], *Keizai*, 9. (In Japanese).

Hitode busoku-na no ni naze chigin ga agararanai no ka [Why, under the shortage of labor force, wage does not grow?] (2017). Ed. by Genda, Yuji, Tokyo. (In Japanese).

Ide, Takako (2015). Gurobaru jidai-no Nihon-no hatarakikata [Forms of employment in Japan in the epoch of globalization], Tokyo. (In Japanese).

Japan Institute for Labour Policy and Training. Statistics. URL: <http://www.jil.go.jp/english/statistics/eshuyo/e0208.html> (accessed: 15 May 2019).

Japan Statistical Yearbook 2011, 2016, 2018, 2019. *Statistics Bureau*. URL: <http://www.stat.go.jp/> (accessed: 10 May 2019).

JETRO Global Trade and Investment Report 2019. *JETRO*. URL: https://www.jetro.go.jp/ext_images/en/reports/white_paper/trade_invest_2019_overview.pdf (accessed: 1 January 2020).

Kanezawa, Seiichi (2017). Kokumin-no seikatsu hokai-no shinko [The continuation of destruction of people's life], *Keizai*, 1. (In Japanese).

Kobayashi, Tooru (2015). Rodo shijo-no misumatchi mondai ni taisuru keizai seisaku-no kento [The analysis of economic policy toward the problem of mismatch in the labor market], Tokyo. (In Japanese).

Kommersant. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3826173> (accessed: 1 August 2019). (In Russian).

Labor force survey 2012, 2017. *Statistics Bureau*. URL: <http://www.stat.go.jp/> (accessed: 1 May 2019).

Labour Situation in Japan and Its Analysis. 2015/2016. *Japan Institute for Labour Policy and Training*. URL: <http://www.jil.go.jp> (accessed: 25 May 2018).

Lebedeva, I.P. (2018). Ideologiya pozhiznennogo naima I eyo vliyaniye na sovremennoye yaponskoye obshchestvo [Ideology of life-time employment and its influence on the contemporary Japanese society], *Yezhegodnik Yaponiya* [Yearbook Japan], Moscow: 126–148. (In Russian).

Monthly Labor Survey, 2005–2016. *Ministry of Health, Labour and Welfare*. URL: <http://www.mhlw.go.jp/> (accessed: 20 June 2019).

- Nagano, Hitoshi (2017). Rodo to koyo-no keizaigaku [The economics of labor and employment], Tokyo. (In Japanese).
- Ono, Hiroshi (2016). Nihon-no rodo jikan wa naze heranai no ka? [Why the working time in Japan does not shrink?], *Nihon rodo kenkyu zasshi*, 672, July 2016. (In Japanese).
- Ono, Hiroshi. (2018). Why Do the Japanese Work Long Hours? Sociological Perspectives on Long Working Hours in Japan, *Japan Labor Issues*, 2(5), February – March 2018.
- Rodoryoku chosa 2018, 2019 [The labor force survey]. URL: <http://www.mhlw.go.jp> (accessed: 10 July 2019). (In Japanese).
- Women and Men in Japan 2019. Cabinet Office. URL: <http://www.cao.go.jp/> (accessed: 5 June 2019).
- Yamada, Masahiro (2016). Kekkon kuraishisu. Churyu tenraku fuan [The crisis of marriage. A fear of falling out of middle stratum], Tokyo.
- Chingin jijo, 20 November 2017, No. 2751.
- Labor force survey. Monthly results, May 2019, Statistics Bureau. URL: <http://www.stat.go.jp/> (accessed: 20 June 2019).

Поступила в редакцию 01.08.2020

Received 1 August 2020

Для цитирования: Лебедева И.П. Структурные проблемы японского рынка труда // Японские исследования. 2020. № 1. С. 48–68. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10003

For citation: Lebedeva I.P. (2020). Strukturnyye problemy yaponskogo rynka truda [The structural problems of the Japanese labor market], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2020, 1: 48–68. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10003

Японские исследования. 2020. № 1. С. 69–84.

Japanese Studies in Russia, 2020, 1, pp. 69–84.

DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10004

Японо-монгольские связи в постбиполярный период в контексте монгольской политики «третьего соседа»

И.А. Игнатов

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию взаимоотношений Монголии с Японией, одним из её ключевых партнёров в соответствии с действующей в стране внешнеполитической концепцией «третьего соседа», на современном этапе и призвана определить, почему в постбиполярный период именно связи с Японией приобрели столь большое значение для монголов, насколько сотрудничество с Монголией выгодно японской стороне и по каким основным направлениям развиваются отношения двух стран. Кратко охарактеризовав связи Японии и Монголии в советский период, автор анализирует их политическое взаимодействие в двустороннем и многостороннем форматах, особо отмечая посредническую роль Монголии в урегулировании конфликта на Корейском полуострове. Затем была рассмотрена японская безвозмездная помощь Монголии и предоставленные ей льготные кредиты, которые существенно упростили для бывшей социалистической страны преодоление экономического кризиса 1990-х годов и переход к рыночной экономике, а впоследствии внесли весомый вклад в развитие таких стратегически важных для монголов отраслей, как горнодобывающая промышленность, инфраструктурное строительство, энергетика и сфера человеческих ресурсов.

Автор отмечает, что, несмотря на скромный по сравнению с ближайшими соседями Монголии объём двусторонней торговли, Япония нашла свою нишу на монгольском рынке, экспортируя в эту страну технологичную продукцию, а заключённое в 2015 г. двустороннее Соглашение об экономическом партнёрстве и устойчивый интерес японских корпораций к проектам на монгольской земле гарантируют дальнейшее расширение японско-монгольских связей в торговой и инвестиционной сферах. Не остаётся без внимания сотрудничество между Японией и Монголией в области образования и здравоохранения, немалый интерес монголов к японскому языку, культуре и спорту. В заключение автор подчёркивает, что если поначалу центральным элементом двусторонних японо-монгольских связей являлась, по сути, японская гуманитарная помощь переживающей тяжёлый кризис развивающейся стране, то теперь сотрудничество двух стран носит взаимовыгодный характер и развивается по многим направлениям, а его значение для обеих сторон неуклонно возрастает.

Ключевые слова: Япония, Монголия, «третий сосед», отношения Монголии и Японии, межкорейский диалог, финансовая помощь, соглашение, партнёрство.

Автор: Игнатов Иван Андреевич, аспирант МГИМО Университет МИД России (адрес: 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76). E-mail: sienar93@yandex.ru

Japanese-Mongolian relations in the post-bipolar period within the context of Mongolia's “third neighbor” policy

I.A. Ignatov

Abstract. This article studies the relations between Mongolia and Japan, one of its key partners in accordance with the former's “third neighbor” foreign policy concept, in the modern era. The purpose of this research is to determine the following: what are the reasons for the relations with Japan becoming so important for the Mongolians in the post-bipolar period; to what extent the cooperation with Mongolia became beneficial to the Japanese side; what are the main spheres in which the Japanese-Mongolian relations are developing. Having briefly described the ties between Japan and Mongolia during the Soviet period, the author proceeds to analyze their political relations in bilateral and multilateral formats, especially noting the mediating role of Mongolia in resolving the conflict on the Korean Peninsula. The following sphere of examination comprises Japanese gratuitous aid and preferential credits granted to Mongolia, which allowed the former socialist country to overcome the economic crisis of the 1990s and perform the transition to a market economy much easier and afterwards contributed greatly to the development of Mongolia's strategically important industries, such as mining, infrastructure construction, energy, and human resources.

The author notes that, despite the modest volume of bilateral trade compared to Mongolia's closest neighbors, Japan found its niche in the Mongolian market by exporting high-tech products to this country. The bilateral Agreement on Economic Partnership concluded in 2015 and the steady interest of Japanese corporations in implementing projects on the Mongolian soil also guarantee further expansion of Japanese-Mongolian ties in trade and investment. Such issues as the cooperation between Japan and Mongolia in the spheres of education and health care, as well as the considerable interest of the Mongolian people to the Japanese language, culture, and sports, are not left unnoticed. In conclusion, the author emphasizes that, while, at first, the central element of bilateral Japanese-Mongolian relations was, in fact, the Japanese humanitarian assistance to the developing country going through a deep crisis, right now the cooperation between the two countries is mutually beneficial and is developing in multiple directions, with its significance for both sides rapidly increasing.

Keywords: Japan, Mongolia, the “third neighbor”, relations between Mongolia and Japan, inter-Korean dialogue, financial assistance, agreement, partnership.

Author: Ignatov Ivan A., PhD student, MGIMO University (address: 76, Vernadskogo Av., Moscow, 119454, Russian Federation). E-mail: sienar93@yandex.ru

Масштабные реформы, начавшиеся в СССР во второй половине 1980-х годов, привели к активизации аналогичных процессов в ориентировавшихся на Советский Союз социалистических странах, а впоследствии и к распаду всего так называемого «Восточного блока». Вопрос поиска нового места в системе международных отношений, вставший перед всеми бывшими союзниками СССР с началом постбиполярного периода, для Монголии был особенно актуален. В этой стране, где мирный переход к демократии произошёл в 1990 г., вскоре начался тяжелейший экономический кризис, вызванный прекращением масштабной советской экономической помощи при одновременной необходимости дальнейших политических реформ и перехода экономики на рыночные рельсы. Учитывая, что Монголия географически расположена между Россией и Китаем, чьё владычество над Монголией в эпоху империи Цин до сих пор является причиной негативного восприятия Поднебесной

для многих монголов, выработка нового внешнеполитического курса была серьёзным вызовом для монгольской политической элиты. Ответом на него стала концепция «третьего соседа», впоследствии закреплённая в основных внешнеполитических документах страны. Суть её в том, что Монголия должна стремиться укреплять отношения не только со своими непосредственными соседями – Россией и Китаем – но и с другими развитыми и влиятельными государствами Запада и Востока (это и есть «третий сосед»), извлекая максимальную выгоду из сотрудничества со всеми зарубежными партнёрами и при этом избегая чрезмерной зависимости от какой-либо одной державы либо группы государств.

В данной концепции Японии была отведена важная роль. Страна восходящего солнца обладает мощной экономикой (входя в пятёрку мировых лидеров по размеру ВВП в абсолютном выражении и по ППС), высоким уровнем развития инфраструктуры и технологий. Кроме того, она географически близка к Монголии, а также на протяжении многих лет участвует в программах помощи развивающимся странам. Все эти факторы вкупе с приверженностью Японии принципам демократии и рыночной экономики сделали эту страну идеальным «третьим соседом» в глазах нового монгольского руководства. В свою очередь, японская политическая элита быстро оценила значимость налаживания партнёрства с Монгoliей. Повышение влияния Японии на эту страну в торгово-экономической и культурной сферах, участие в гуманитарных проектах на монгольской земле, а также содействие утверждению западных ценностей в монгольском обществе сулили не только экономические выгоды, но и рост престижа Японии на международной арене, в том числе в ключевом для неё регионе Восточной Азии. Более того, со временем японцы стали рассматривать укрепление позиций в Монголии как элемент выдвинутой премьер-министром Японии С. Абэ концепции «Индо-Тихоокеанского региона» и, соответственно, как часть стратегии сдерживания Китая.

Двусторонние связи в советский период

Возможности для полноценного развития двусторонних отношений между Монголией и Японией появились после монгольской «мирной революции» 1990 г. и начала процесса демократизации страны. Однако было бы несправедливо утверждать, что до этого какое-либо взаимодействие между Страной восходящего солнца и Страной Вечного синего неба в торгово-экономической сфере полностью отсутствовало. Действительно, после Монгольской народной революции 1921 г., военного конфликта на р. Халхин-Гол в 1939 г., а также Второй мировой войны две страны оказались в разных лагерях в ходе bipolarного противостояния холодной войны, и взаимодействие Монголии с государствами, не принадлежавшими к Восточному блоку, было минимальным. Тем не менее определённые экономические связи между Японией и Монголией всё же существовали, и в период с конца 1970-х – начала 1980-х годов можно проследить их медленный, но уверенный рост¹.

Именно в этот период две страны совместно реализовали крупный проект по возведению в Монголии фабрики по производству кашемировых изделий «Гоби», чем фактически было положено начало новой отрасли монгольской лёгкой промышленности. Соответствующее межправительственное соглашение было подписано в 1977 г. Строительные работы начались в 1978 г., а официально фабрика была открыта в сентябре

¹ Дипломатические отношения между Японией и Монголией были установлены 24 февраля 1972 г.

1981 г. При этом японская сторона не только оказала Монголии масштабную финансовую помощь и предоставила новейшее производственное оборудование, но и позаботилась об организации обучения в Японии монгольских инженеров – работников «Гоби». Также в районе фабрики была создана развитая инфраструктура для удобства персонала и членов их семей: среди построенных объектов были спортивный комплекс, больница, центр отдыха Gobi Resort, детский сад и жилые многоквартирные дома на 152 семьи. Фабрика «Гоби» по сей день остаётся одним из крупнейших и наиболее технически оснащённых предприятий Монголии по производству изделий из кашемира и верблюжьей шерсти, а бренд Gobi Cashmere известен по всему миру².

Распад СССР и Демократическая революция в Монголии привели к тому, что монголы лишились основного источника экономической помощи, обеспечивавшего стабильность существовавшей в стране командно-административной системы. В то же время эти события привели к исчезновению известных ограничений для Монголии на всестороннее развитие отношений с другими странами – и Япония была одной из первых стран, воспользовавшихся этим. В августе 1991 г. премьер-министр Японии Т. Кайбу прибыл в Монголию с визитом, став первым главой не принадлежавшего к «советскому лагерю» государства, посетившим эту страну. В ходе его встречи с монгольским руководством стороны достигли соглашения по первому пакету японской финансовой помощи (около 7 млн долл. США), которую предполагалось направить на модернизацию монгольской системы телефонной связи. Это событие стало началом нового этапа в развитии отношений Монголии с Японией и зарубежными странами в целом.

Политические отношения

Изначально для Японии ключевым элементом связей с Монголией было предоставление финансовой помощи этой развивающейся стране, переживавшей тяжёлый экономический кризис ввиду перехода к рыночной модели при одновременном разрыве многолетних связей с Советским Союзом, на который была почти полностью ориентирована монгольская экономика. Политический интерес японцев к Монголии был вторичен и основывался на общем стремлении стран Запада во главе с США развивать отношения с бывшими социалистическими странами, содействовать им в становлении демократической политической системы и рыночной экономической модели, а также укреплять своё влияние на них в политической, экономической, культурной и, при возможности, в военной сфере. На стороне Японии на этом пути были такие преимущества, как географическая и цивилизационная близость к Монголии, равно как и статус развитой азиатской демократии, столь желанный для нового монгольского руководства.

С конца 1990-х – начала 2000-х годов, когда кризисные тенденции в экономике Монголии были преодолены, акценты в японо-монгольских отношениях несколько изменились. Во-первых, при том, что предоставление финансовой помощи Япония не прекратила, японские компании начали получать экономическую выгоду от реализации совместных проектов с монгольскими партнёрами. Во-вторых, пусть союзнические отношения США и Японии по-прежнему составляют для последней основу системы внешнеполитических связей, японское руководство стало реализовывать более

² В 1991 г. «Гоби» первым из монгольских предприятий получило международный сертификат качества.

самостоятельный курс в Восточной Азии, и значимость политического компонента в двусторонних отношениях с Монголией для японской стороны существенно возросла. В Японии были обнародованы новые внешнеполитические концепции: «Дуга свободы и процветания» авторства министра иностранных дел Т. Асо (2006 г.), а позднее – «Индо-Тихоокеанский регион», разрабатывавшаяся при участии премьер-министра Японии С. Абэ (с 2007 г.). В обеих центральное место занимает сотрудничество с государствами Евразийского континента, которые, как и Япония, привержены принципам демократии и рыночной экономики, что при поддержке США позволит сбалансировать растущее влияние авторитарного Китая. Эти идеи вполне согласуются с утвердившейся в монгольской внешней политике концепцией «третьего соседа» и курсом Монголии на укрепление демократического политического режима, верховенства прав человека и рыночной экономической системы. Япония пользуется немалым авторитетом в монгольской политической элите и обществе как азиатская держава, добившаяся выдающихся успехов в экономическом развитии и утверждении западных демократических ценностей при сохранении самобытности и определяющих особенностей своей культуры. Играет свою роль и память о японской помощи в нелёгкий для страны переходный период 1990-х годов.

В Концепции внешней политики Монголии (2011 г.) Япония упомянута в числе высокоразвитых зарубежных стран, не имеющих с Монголией общей границы, развитие сотрудничества с которыми является одним из приоритетных направлений внешней политики. Двустороннее японско-монгольское Соглашение об экономическом партнёрстве (Japan-Mongolia Economic Partnership Agreement, EPA) от 2015 г. до сих пор остаётся единственным для Монголии договором такого рода, заключённым с иностранным государством. В 2017 г. была утверждена двусторонняя Среднесрочная программа стратегического партнёрства, где оговаривались меры по развитию сотрудничества не только на политическом и экономическом направлениях, но и в сферах безопасности и культуры. Действуют обменные программы для представителей власти, предпринимателей и студентов. Помимо этого, в разные годы между Японией и Монголией при участии международных и неправительственных организаций с японским участием (АБР, JAICA, SPF, JETRO и др.) было заключено множество соглашений о выделении целевых кредитов и безвозмездной помощи в самых разных сферах, от инфраструктурного строительства до развития монгольских систем образования и здравоохранения.

С 1991 г. регулярно проходят визиты и встречи представителей властей двух стран на всех уровнях вплоть до высшего. Последним по времени стал визит премьер-министра Монголии У. Хурэлсуха в Японию в декабре 2018 г.: тогда глава монгольского правительства провёл встречи с японским премьером С. Абэ, руководством нескольких крупных НПО и японскими бизнесменами; основной темой переговоров стало развитие двусторонних экономических связей. Япония и Монголия взаимодействуют в рамках международных организаций, включая ООН, где монголы поддерживают как японские притязания на место постоянного представителя в Совете Безопасности, так и различные инициативы по укреплению мира и стабильности в Восточной Азии и АТР [Global Investment Center, 2013]. Кроме того, с 2015 г. ежегодно проводятся трёхсторонние встречи делегаций внешнеполитических ведомств Японии, Монголии и США: на этих саммитах предметом обсуждения становится не только экономическое сотрудничество Монголии с двумя крупнейшими из её «третьих соседей», но и вопросы согласования внешнеполитических

действий на направлениях, где интересы сторон совпадают, а также проблемы региональной безопасности и интеграции.

Монголия играет для Японии особую роль как возможная площадка для межкорейского диалога и урегулирования корейской ядерной проблемы. После демократизации Монголии, в отличие от многих других бывших социалистических стран, сохранила хорошие отношения с Северной Кореей. Из Улан-Батора неоднократно звучали заявления о поддержке инициатив Республики Корея по сближению с Севером с целью последующей реинтеграции Корейского полуострова. Монгольское руководство стремится содействовать разрешению конфликта между КНДР и Республикой Корея, в котором видит угрозу для своей безопасности и мира во всём регионе. Есть здесь и элемент экономического интереса: Транскорейская железная дорога могла бы стать элементом кратчайшего пути из Европы в Республику Корея и прекрасным каналом для торговли между Южной Кореей и Монгoliей, но она неизбежно должна пройти через территорию КНДР. Примирение же двух Корей приведёт к открытию северокорейской границы, что устранит главное препятствие для такого маршрута и предоставит монголам экономические преимущества.

Ещё в 2006 г. монгольский президент Н. Энхбаяр предлагал проводить встречи представителей двух Корей «на нейтральной территории» – в Улан-Баторе, с Монголией в роли посредника. Тогда переговоры не состоялись, но возможность их организации сохраняется. 15–16 ноября 2012 г. в монгольской столице прошли консультации представителей правительств КНДР и Японии на рабочем уровне. Хотя переговоры не привели к прорывным результатам, стороны достигли согласия по некоторым вопросам, в частности, по вопросу возвращения на родину останков погибших на территории КНДР в годы Второй мировой войны японских военных, и договорились продолжать диалог.

В 2014 г. новый президент Монголии Ц. Элбэгдорж в рамках продолжения курса на превращение своей страны в посредника в деле межкорейского примирения создал новую переговорную площадку – международную конференцию, известную как «Улан-Баторский диалог по безопасности в Северо-Восточной Азии». Все стороны, вовлечённые в процесс урегулирования ситуации на Корейском полуострове, направляют на данное мероприятие своих представителей, что даёт их представителям возможность проводить в монгольской столице встречи и переговоры в различных форматах; в свою очередь, члены делегаций стран-участниц не раз заявляли о высокой оценке усилий монгольского руководства по сближению их позиций [Campi, 2014].

Безвозмездная помощь и льготные кредиты

Когда в 1991 г. была создана Рабочая группа стран-доноров Монголии, именно Япония стала её лидером. В первые годы существования демократической Монголии, когда осуществлялся переход от плановой к рыночной экономике, значительно осложнённый полным прекращением экономической помощи от северного соседа, Страна восходящего солнца выделяла десятки миллиардов долларов для содействия реформе монгольской пищевой промышленности. Эти средства, предоставленные в рамках созданной в 1991 г. специальной программы «Безвозмездная помощь непроектного назначения», позволили предотвратить голод в Монголии и смягчили последствия вызванного становлением рыночной экономики кризиса. В общей сложности правительство Японии оказывало

монголам продовольственную помощь 16 раз, её общая сумма составила 5 млрд 10 млн иен, или около 60 млн долл. США.

Япония является крупнейшим донором Монголии: предоставляемые японской стороной средства составляют треть от общих объёмов оказанной монголам с 1990 г. помощи. Ежегодно Монголия получает от Японии в среднем 45–50 млн долл. США в виде льготных кредитов, 30–35 млн долл. безвозмездной помощи и более 10 млн долл. на реализацию совместных технологических проектов [Базаров, 2009, с. 157–159]. Последний из указанных видов помощи включает и целевые кредиты. Помимо уже упоминавшейся фабрики «Гоби», на японские деньги, к примеру, была реконструирована крупнейшая в Монголии ТЭЦ-4 в Улан-Баторе и построен metallurgical завод в Дархане. Со временем японская помощь сместилась в те сферы, которые эксперты по Монголии считают наиболее перспективными, а именно в горнодобывающую промышленность, энергетическую отрасль и инфраструктурное строительство, а также в сферу развития человеческих ресурсов. Был реализован ряд совместных проектов в сельскохозяйственной сфере.

В июне 2013 г. правительство Монголии и Японский банк международного сотрудничества (JBIC) подписали соглашение об открытии экспортной кредитной линии на сумму 8 млрд иен. Стороны договорились о покупке продукции традиционных японских экспортёров, совместной поддержке монгольских импортёров и финансировании проектов в инфраструктурной, горнодобывающей и обрабатывающей отраслях монгольской экономики. В 2015 г. корпорация «Сумитомо» первой из крупных компаний воспользовалась условиями данного соглашения, инвестировав средства для проекта по поставке горного оборудования марки Komatsu монгольской компании «Хишиг арвин».

Когда в 2017 г. Монголия обратилась к Международному валютному фонду (МВФ) с просьбой предоставить финансовую помощь в рамках Программы расширенного финансирования (Extended Fund Facility, EFF), значительную часть предоставленных средств общей суммой в 434,3 млн долл. США предоставили Япония и Азиатский банк развития (АБР). Причиной обращения монгольского правительства к МВФ стали экономические проблемы, вызванные падением цен на экспортные Монголией природные ресурсы и снижением объёма иностранных инвестиций. По данным на конец 2018 г. обе стороны довольны ходом реализации Программы: МВФ и руководство Монголии полагают, что экономический рост, в 2016 г. составлявший 1,2 %, достигнет 7–8 % в 2020 г., когда EFF будет завершена.

Японская сторона уделяет внимание вопросам защиты экологической системы Монголии: так, в марте 2019 г. министерства окружающей среды двух стран договорились о совместном проведении исследования, направленного на поддержание экологического баланса в Монголии. Ранее за счёт льготных кредитов Японии были проведены работы по модернизации систем водоснабжения в Улан-Баторе и центрах нескольких аймаков (Алтай, Мандалгоби), а в монгольской столице также был открыт Центр охраны природы и ресурсов питьевой воды. Следует отметить, что на данном направлении японцы работают совместно с США, а именно – с американской корпорацией «Вызовы тысячелетия», на средства которой вскоре планируется начать строительство очистного сооружения и завода питьевой воды в Улан-Баторе (общий объём американского гранта составит 350 млн долл. США, ещё более 100 млн выделит правительство Монголии).

Транспортная инфраструктура

Принимая во внимание статус Монголии как страны, не имеющей выхода к морю, и её высокую зависимость от доступа к внешним рынкам, слаборазвитая транспортная инфраструктура страны существенно ограничивает возможности её экономического развития. Правительство Монголии рассматривает развитие транспортной отрасли и модернизацию дорожной сети в качестве одного из приоритетов и заинтересовано в японской финансовой и технической помощи на этом направлении. Японская же сторона готова предоставить такую помощь, поскольку облегчение доступа к монгольскому рынку и совершенствование транспортного сообщения с Монголией соответствует её интересам.

Говоря о монголо-японском сотрудничестве в транспортной сфере, следует, прежде всего, сказать о проекте строительства нового международного аэропорта в долине Хушигт – в сомоне Сэргэлэн Центрального аймака, на расстоянии 52 км к юго-западу от Улан-Батора. Япония давно рассматривала подобный вариант как способствующий стабильному экономическому развитию и расширению участия Монголии в процессах региональной интеграции, но только в мае 2013 г. был согласован конкретный план и достигнута договорённость об условиях льготного кредита на 28 807 млн иен, за счёт которого финансируется строительство воздушной гавани. Кредитное соглашение, заключённое между Правительством Монголии и Японским банком международного сотрудничества, предусматривает выплату кредита в течение 40 лет под 0,2 % годовых. Помимо японского правительства, в проекте участвуют корпорации «Мицубиси» и «Чиода» [Varriale, 2012, р. 30].

Первоначально планировалось, что новый аэропорт (рабочее название «Новый международный аэропорт Улан-Батора», впоследствии, вероятно, примет название ныне действующего аэропорта «Чингисхан») будет введён в эксплуатацию в декабре 2016 г., но впоследствии завершение работ несколько раз переносилось. Значительно выросла и стоимость проекта: общая сумма средств, выделенных японской стороной на его реализацию, в итоге превысила 65,6 млрд иен. В ходе визита премьер-министра Монголии У. Хурэлсуха в Японию в декабре 2018 г. стороны договорились о новом концессионном соглашении в отношении международного аэропорта Улан-Батора и о принятии первого международного авиарейса в период монгольского национального праздника Надам в июле 2019 г. 5 июля Соглашение о совместном управлении аэропортом было подписано монгольской государственной компанией Khushig Valley Airport Company и японской Airport Management LLC, в тот же день наконец состоялось официальное открытие новой воздушной гавани. В соответствии с достигнутыми договоренностями в течение 15 лет аэропорт будет управляться партнёрами, после чего окончательно перейдет под контроль монгольской стороны (схема invest-operate-transfer³). Полноценное функционирование аэропорта по условиям соглашения начнётся в течение 10 месяцев с момента открытия [Dulguun, 2019, No. 076].

Аэропорт оснащён новейшим оборудованием для обеспечения полётов и двумя взлётно-посадочными полосами длиной более 3,5 км, что позволит принимать даже самые

³ Invest-operate-transfer («инвестирование – управление – передача») – инвестиционная схема, подразумевающая полную или частичную передачу управления построенным объектом инвестору на определённый срок. Применяется в рамках проектов по созданию инфраструктуры и объектов недвижимости.

крупные самолёты. Пассажиропоток нового аэропорта составит 1,1 тыс. пассажиров в час и до 3 млн в год. Помимо взлётно-посадочных полос, идёт строительство более 30 объектов: терминала, центра управления полётами, тепловой электростанции, инженерных линий и др., и это не считая планов строительства поблизости города-спутника монгольской столицы на 100 тыс. жителей. Как неоднократно отмечали представители правительства Монголии и Японии, новый аэропорт, более чем в три раза превосходящий по пропускной способности ныне функционирующий аэропорт «Чингисхан», не только стратегически важен для не имеющей выхода к морю Монголии, но и позволит ей более активно включиться в систему международных экономических отношений.

Монгольская сторона заинтересована и в участии Японии в финансировании и оказании технической помощи при строительстве новых автомобильных и железных дорог, с перспективой увеличения экспорта в Японию ресурсов (в первую очередь угля) через российскую территорию. Совместно с США Япония оказывает значительную помощь Монголии в развитии автодорожной и железнодорожной сети и городского общественного транспорта, а также совершенствовании логистических схем. С 1992 г. по линии АБР монголам была оказана значительная финансовая помощь для этих целей, её общий объём превышает 570 млн долл. США. Формы выделения этих средств – льготные кредиты (более 85 %), гранты и проекты по технической помощи.

Энергетика

Монголо-японское сотрудничество в энергетической сфере – весьма перспективное направление для обеих стран. Все электростанции, действующие в Монголии, были построены в советский период (а именно в 1950-е – 1980-е годы) при поддержке СССР. За исключением крупнейшей ТЭЦ-4, на которой в 2015 г. был введён в эксплуатацию новый, 7-й энергоблок, тепловые электростанции Монголии никогда не модернизировались и не реконструировались, 90 % вырабатываемой ими энергии генерируется за счёт угля. В условиях, когда значительную часть потребляемой электроэнергии Монголия вынуждена импортировать из России ввиду низкого качества и износа существующих мощностей, использование угля на ТЭЦ закономерно наносит ущерб экологии (60 % вырабатываемых в стране парниковых газов), а уровень энергопотребления постоянно растёт, монгольские власти всерьёз задумались о строительстве новых станций и модернизации существующих, а также об использовании альтернативных источников энергии. В свою очередь, Япония располагает развитыми технологиями в энергетической сфере и может оказать Монголии содействие, в том числе по линии НПО и международных организаций.

В декабре 2008 г. корпорация Marubeni получила от монгольского правительства специальное разрешение на проведение в Монголии геологической разведки с целью выявления залежей урана. С учётом планов КНР по строительству новых АЭС и расширению существующих это сулило японской компании неплохие шансы заработать на поставках урана из Монголии как на японские, так и на китайские станции [Базаров, 2009, с. 157–159]. Более того, в перспективе, если бы японской стороне удалось убедить монгольских партнёров и обойти зарубежных конкурентов, возможно было бы и строительство атомной станции в Монголии, что решило бы многие энергетические и экологические проблемы страны и особенно её столицы, Улан-Батора.

Но авария на АЭС «Фукусима–1» весной 2011 г. привела к значительному падению спотовых цен на природный уран и резко усилила позиции противников разработки урана, которых поддерживает значительная часть монгольской общественности. В итоге только заключённые между Marubeni и монгольской Khan Resources Inc. соглашения о разработке урановых месторождений в аймаке Дорнод (Восточный) были заморожены, как и монголо-японское взаимодействие в данной отрасли в целом. Впрочем, со временем стороны вполне могут вновь обратить внимание на это направление сотрудничества, учитывая, что сама Япония с 2015 г. активно возвращается в коммерческую эксплуатацию ранее остановленные ядерные реакторы своих АЭС.

Другой перспективный вид энергетики, при развитии которого Монголии может пригодиться японская технологическая и финансовая помощь – энергетика, основанная на возобновляемых источниках энергии. В марте 2019 г. АБР и фонд Leading Asia's Private Infrastructure Fund (LEAP) подписали с частными компаниями из Японии, Монголии и Таиланда соглашение о выделении кредита на 18,7 млн долл. США для строительства в Монголии солнечной электростанции мощностью 15 МВт (или 22,3 ГВт в год). При этом Япония участвует в финансировании проекта как через АБР, так и через LEAP, который финансируется Японским агентством по международному сотрудничеству (JICA). При строительстве будут применены устойчивые к сильным перепадам температур технологии, что обеспечит бесперебойную работу станции в условиях резко континентального климата Монголии. Электростанция будет поставлять энергию в Центральную энергосистему Монголии, на которую приходится до 80 % энергопотребления страны [Dulguun, 2019, No. 033].

Когда в 2012 г. ЕБРР начал реализацию проекта строительства ветровой электростанции «Салхит» в Монголии, японцы в лице JICA рассматривали возможность принять участие в его финансировании, но в тот раз соответствующее решение не было принято [Varriale, 2012, p. 30]. Несколько лет спустя, в 2016 г., когда монгольская компания Newcom LLC искала партнёров для софинансирования возведения ещё одной ВЭС на монгольской земле, на новый проект в сфере возобновляемой энергии вновь обратили внимание как японские, так и европейские инвесторы. В результате в ноябре 2016 г. Newcom и японская SB Energy, входящая в SoftBank Group, образовали совместное предприятие Clean Energy Asia и при финансовой поддержке всё тех же JICA и ЕБРР начали строительные работы в пустыне Гоби в сомоне Цогт-Цэций (Южногобийский аймак). Новая ветровая электростанция «Цэций» мощностью 50 МВт была сдана в эксплуатацию с опережением графика работ в октябре 2017 г.

Следует отметить, что Clean Energy Asia не собирается останавливаться на достигнутом и уже приобрела права на использование земель в районе Гоби под строительство новых подобных станций. По подсчётом Министерства энергетики Монголии, Страна Вечного синего неба обладает потенциалом генерации энергии на ВЭС более чем в 1100 ГВт, преимущественно за счёт южных и восточных аймаков. SoftBank Group планирует подключить Монголию к своим планам развития энергетики в рамках Азиатской суперсети (The Asia Super Grid, ASG). По подсчётом японских специалистов, вполне реально поставлять энергию с монгольских ВЭС в Японию для Олимпийских игр в Токио – 2020 общим объёмом 2 ГВт по цене ниже 10,5 центов за кВт [The Mongolian Observer, 2017, p. 26–29].

Впрочем, японская сторона в Монголии не оставляет без внимания и традиционные источники энергии. К примеру, 22 февраля 2019 г. в ходе встречи министра энергетики

Монголии Ц. Даваасурэна с председателем Sasakawa Peace Foundation (SPF) Н. Танака по тематике взаимодействия государств Северо-Восточной Азии в энергетическом секторе затрагивался в том числе и вопрос возможного строительства газопровода из России через Монголию в Китай. Япония проявляет интерес к этому проекту, и г-н Танака даже предложил монгольским коллегам рассмотреть идею присоединения Монголии к Форуму стран Северо-Восточной Азии по природному газу и газопроводам (NAGPF) и проведения заседания Форума в Улан-Баторе в 2019 г.

Частные инвестиции и двусторонняя торговля

После 1991 г. японские предприниматели вслед за правительством своей страны одними из первых обратили внимание на возможность инвестирования в монгольскую экономику. В 1990–2005 гг. более 220 компаний из Японии вложили более 100 млн долл. США в различные сектора экономики Монголии. Основная часть японских инвестиций в те годы шла в лёгкую промышленность (48,6 %). Примерно равными были объёмы вложений в культурную и образовательную сферу (12,6 %) и сферу телекоммуникаций (12,7 %). Также японские компании вкладывали средства в развитие добывающей (7,4 %) и пищевой промышленности Монголии, равно как и в транспортную сферу (по 5 %), текстильную промышленность, телекоммуникации и банковский сектор [Базаров, 2009, с. 157–159].

Лидирующие позиции в области инвестирования в Монголию японцы удерживали до начала XXI века, среди же «третьих соседей» Япония до сих пор является одним из крупнейших инвесторов. Общий объём накопленных японских прямых инвестиций в Монголию в период 1990–2018 гг. составляет 23,9 млрд долл. США. Как и в случае с безвозмездной помощью и льготными кредитами, японские инвесторы в Монголии ныне отдают предпочтение горнодобывающей отрасли (из общего объёма японских ПИИ на неё приходится 17,5 млрд долл. США), энергетике и инфраструктуре, хотя сохраняется и интерес к другим направлениям.

Представители монгольского руководства неоднократно заявляли, что среди «третьих соседей» страны именно Япония и Республика Корея являются ключевыми экономическими партнёрами Монголии; впервые такая позиция была озвучена монгольским премьером Н. Энхбаяром во время визита в США в 2001 г. Имеется множество успешных примеров совместных монголо-японских проектов с участием частного капитала. Японская Sawada Holdings владеет большинством акций «Хаан Банка», крупнейшего по размерам активов коммерческого банка Монголии. Жилой квартал «Японский городок» в центре Улан-Батора целиком построен на средства корпорации «Суруга». Совместная монголо-японская компания MobiCom, мажоритарная доля в которой принадлежит KDDI Corporation, была пионером на монгольском рынке сотовой связи и до сих пор удерживает на нём лидирующие позиции. Такие компании и корпорации, как Marubeni, Sojitz и Itochu, являются важными игроками на монгольском ресурсном рынке и проявляют интерес к разработке новых месторождений, особенно к месторождениям Таван-Толгой и Оюу-Толгой. Развивается и монголо-японское сотрудничество в сфере общественного питания. При участии Японской организации по развитию внешней торговли (JETRO) регулярно проводятся заседания Совместного монголо-японского комитета представителей государственного и частного сектора по содействию торговле и инвестициям и по разработке минеральных ресурсов. Цель

этой структуры – развитие государственно-частного партнёрства (ГЧП) в сфере двусторонней торговли и инвестирования, а также при добыче полезных ископаемых.

В феврале 2015 г. после трёх лет переговоров Монголия и Япония подписали Соглашение об экономическом партнёрстве (ЕРА), которое вступило в силу 7 июня 2016 г. Оно было призвано способствовать либерализации двусторонней торговли и всестороннему расширению экономических связей между странами [Masaki, 2015]. Для Монголии подобное соглашение было первым; со временем, вероятно, появятся подобные договорённости с другими странами, но к тому времени японские предприниматели смогут расширить свою нишу на монгольском рынке, где Японию уже рассматривают как ключевого партнёра из числа «третьих соседей». В числе прочего стороны пришли к согласию относительно более активного участия японских компаний в разработке крупнейшего в Монголии и одного из крупнейших в мире каменноугольного месторождения Таван-Толгой (прогнозируемый объём запасов – 6,4 млрд т).

Также Соглашение предусматривает постепенное освобождение от ввозных таможенных пошлин и поэтапное снижение тарифов для примерно 5700 товарных наименований из Монголии и около 9300 из Японии в двусторонней торговле. Уже были освобождены от таможенных тарифов 3429 наименований монгольской продукции и 8000 японской, но результат с точки зрения увеличения объёмов двусторонней торговли пока не столь значим, как ожидалось; об этом говорили японские предприниматели в ходе визита премьер-министра Монголии У. Хурэлсуха в Токио в декабре 2018 г.

В 2018 г. доля Японии в монгольском импорте составила 11,9 % (для сравнения, в 2017 г. – 10,7 %, а в 2015 г. – 9 %). При этом налицо значительный дисбаланс в двусторонней торговле: доля Японии в монгольском экспорте намного ниже доли в импорте и составляет менее 1 %, а почти 90 % приходится на КНР. Монголия импортирует из Японии главным образом автомобили (до 60–70 % импорта), а также технику для строительной и горнодобывающей отрасли, а в Японию экспортит продукцию текстильной промышленности и минеральные ресурсы (в том числе уголь, плавиковый шпат). В 2018 г. товарооборот между странами составил около 490 млн долл. США, что на 55 % выше показателей 2017 г. (примерно 350 млн долл.). Объём монгольского экспорта в Японию составил всего 25 млн долл., но это стало самым высоким показателем за 12 лет.

В ходе переговоров по ЕРА монгольская сторона, помимо прочего, согласилась отменить тарифы на большинство японских автомобилей в течение 10 лет – и это с учётом того факта, что Япония уже доминирует на автомобильном рынке Монголии [Stratfor Analysis, 2012, p. 34]. По состоянию на начало 2019 г., по данным Национального статистического комитета Монголии, собранные в Японии автомобили составляют 62 % от общего числа используемых в стране средств автомобильного транспорта (для ближайшего конкурента Японии – Республики Корея – данный показатель составляет лишь 26 %), и в результате имплементации Соглашения этот показатель может стать ещё выше.

Образование и здравоохранение

После 1990 г. одновременно с увеличением масштабов двустороннего сотрудничества в Монголии наблюдался стремительный рост интереса к японской культуре, языку и образованию, причём как среди горожан, так и у сельских жителей. С годами популярность

японской тематики у монголов лишь возрастила. Ныне в монгольских СМИ регулярно появляются статьи и сюжеты, посвящённые сотрудничеству с Японией в сферах образования и здравоохранения, а также культуре Страны восходящего солнца.

Правительства двух стран реализуют обменные программы для представителей законодательной власти, частных предпринимателей, а также студентов ВУЗов. В настоящее время 60–70 монгольских студентов учатся в Японии только на стипендии японского правительства. Свои программы в сфере образования в Монголии реализуют также АБР, JAICA, SPF, JETRO, Japan Foundation и другие международные и неправительственные организации с японским участием. Всего в Японии проживают более 5500 монгольских граждан, а в Монголии – около 400 японцев. Кроме того, за счёт финансирования со стороны Японии в рамках программы «Корни травы»⁴ был проведён капитальный ремонт и оснащены современным учебным оборудованием 55 общеобразовательных школ в 10 монгольских аймаках.

Среди монголов большой популярностью пользуется традиционная японская борьба *сумо*. Монгольские спортсмены имеют давнюю успешную историю выступлений в этом виде спорта; как правило, борцами сумо в Монголии становятся люди, ранее профессионально занимавшиеся монгольской национальной борьбой либо происходящие из семей с борцовскими традициями, хотя есть и исключения. Из шести иностранцев, когда-либо удостаивавшихся титула «ёкодзуна» (великий чемпион по борьбе сумо), четверо были монголами, последний из них завоевал это звание в 2014 г. Монгольский борец сумо М. Даваажаргал, выступающий под профессиональным псевдонимом Хакухо (Белый Феникс), является самым успешным из ёкодзун XXI века, ему принадлежат многие рекорды, в том числе по количеству выигранных турниров.

Несмотря на различие моделей финансирования здравоохранения в Японии и Монголии, совместные проекты в этой сфере также существуют. По качеству медицинских услуг Япония занимает одно из первых мест в мире, в рейтингах ВОЗ зачастую опережая развитые европейские страны; японская медицина также является общепризнанным мировым лидером в области современных технологий. Монгольские медицинские организации, зная это, стремятся к сотрудничеству с японскими коллегами с целью заручиться их поддержкой в деле повышения качества медицинских услуг в Монголии, совершенствования подготовки специалистов и внедрения инновационных подходов к диагностике и лечению [Bayarsaikhan, 2018, p. 896–897].

Монгольский национальный университет медицинских наук, крупнейший из профильных ВУЗов страны, сотрудничает более чем с 80 медицинскими учебными заведениями и больницами Японии. По его инициативе организуются совместные форумы и тренинги для монгольских врачей в Японии. 1 апреля 2019 г. в Улан-Баторе состоялось открытие Монгольско-Японской учебной больницы, построенной на предоставленный ЛИСА грант почти в 8 млрд иен. Новое медицинское учреждение будет не только предоставлять медицинские услуги, но и предоставит преподавателям и студентам Монгольского национального университета медицинских наук возможность участия в тренингах. Учитывая, что больница оснащена современной японской медицинской техникой, а разработанные для

⁴ Программа Grant Assistance for Grassroots Human Security Projects (GGP), ранее – Small Scale Grant Assistance (SSGA), реализуется правительством Японии в развивающихся странах с 1990 г.

неё тренировочные программы аналогичны действующим в Японии, монгольские медики рассчитывают на то, что она станет существенным подспорьем в деле совершенствования монгольской системы здравоохранения и дальнейшего развития монголо-японских связей в данной сфере [The UB Post, 2019, p. 4].

Заключение

По результатам изучения японо-монгольских отношений на современном этапе можно сделать следующие выводы.

Во-первых, в начальный период активного развития двусторонних связей японская сторона стремилась сгладить последствия перехода к рыночной экономике для монголов и оказать им содействие в создании предприятий и объектов инфраструктуры, способных стать основой стабильного экономического роста в новых условиях. Со временем, когда наиболее тяжёлые годы для Монголии остались позади, японские инвестиции переориентировались на такие обладающие значительным потенциалом отрасли, как горнодобывающая промышленность, энергетика, инфраструктурное строительство и человеческие ресурсы; при этом сохранены были и достигнутые позиции в лёгкой промышленности, сфере связи, банковской сфере и сельском хозяйстве. Ныне Япония является одним из ключевых партнёров Монголии в торгово-экономической и гуманитарной сферах.

Во-вторых, у каждой из стран имеется своя мотивация для развития двусторонних связей, в том числе политических. Для Монголии Япония – ключевой партнёр не только в регионе, но и среди всех государств «третьего соседа», важнейший источник финансовой помощи и инвестиций, а также цивилизационно близкая страна, служащая для представителей монгольской элиты примером азиатского государства, добившегося выдающихся успехов на путях развития рыночной экономики и демократии. Япония же видит в Монголии потенциальный источник энергетических и других природных ресурсов, небольшой, но важный рынок сбыта своих товаров в условиях усиления конкуренции, форпост своего экономического и культурного влияния (напрямую и через международные организации) и страну, которая в силу своей нейтральной позиции на международной арене и хороших отношений с государствами региона и Западом может оказать содействие в урегулировании волнующих Японию международных проблем, таких как северокорейский вопрос.

В-третьих, следует признать, что для Монголии развитие торгово-экономических и гуманитарных связей с Японией привело к исключительно позитивным результатам, поскольку позволило добиться ощутимого прогресса в деле модернизации экономики, совершенствования инфраструктуры, системы образования и здравоохранения, при этом балансируя влияние других государств, также стремящихся усилить свои позиции в этой развивающейся стране. Для Японии выгода от этого партнёрства менее очевидна, поскольку доступ к богатейшим природным ресурсам Монголии для неё пока ограничен (практически все они экспортируются в КНР), а ряд крупных совместных проектов ещё находится в стадии реализации. Тем не менее уже сейчас японцы могут записать себе в актив реальные дружественные отношения с Монгoliей, солидное экономическое присутствие и впечатляющее культурное влияние на это расположение в ключевом для них регионе государство. В условиях нарастающей нестабильности и неопределённости в международных отношениях, обостряющейся конкуренции между развитыми странами за рынки сбыта

и источники природных ресурсов, сохраняющейся потребности Монголии в притоке средств из-за рубежа и, наконец, значительно обострившихся в последние годы противоречий между двумя непосредственными соседями Монголии – Россией и Китаем, с одной стороны, и частью западных стран, в особенности США и Японией, с другой, можно с уверенностью сказать, что значение двустороннего сотрудничества как для Страны восходящего солнца, так и для Страны Вечного синего неба будет лишь возрастать.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Bazarov V.B. Монголо-японские дипломатические отношения // Власть. 2009. № 9. С. 157–159.

Монгол Улсын Гадаад бодлогын үзэл баримтлал : [Концепция внешней политики Монголии] // 10.02.2011. URL: <https://www.legalinfo.mn/annex/details/3362?lawid=6340> (дата обращения: 15.08.2019).

Bayarsaikhan Dorjsuren. Financing health promotion in Japan and Mongolia // Bulletin of the World Health Organization. November 2008. Vol. 86. Issue 11, p. 896–897.

Campi Alicia. Mongolia–South Korean Relations // The Eurasian Monitor. March 31, 2014. Vol. 11. Issue 60.

Dulguun B. Highway Connects UB to Khushig Valley as New Airport Opens // The UB Post. July 2019, No. 076 (2044), p. 3.

Dulguun B. New Solar Power Project Sets Example to Draw Investors' Attention // The UB Post. March 2019, No. 033 (2001), p. 1, 5.

Harnessing the Inexhaustible Resources of Wind Energy // The Mongolian Observer. 31 October 2017. No. 10, Vol. 064, p. 26–29.

Japan, Mongolia: Geographic Challenges to a Free Trade Agreement // Stratfor Analysis. March 2012. URL: <https://worldview.stratfor.com/article/japan-mongolia-geographic-challenges-free-trade-agreement> (дата обращения: 15.08.2019).

Masaki Hisane. Japan and Mongolia sign free trade agreement // International Trade News – JOC. February 10, 2015. URL: https://www.joc.com/international-trade-news/japan-and-mongolia-sign-free-trade-agreement_20150210.html (дата обращения: 15.08.2019).

Mongolia: Mineral, Mining Sector Investment and Business Guide. Volume 1: Strategic Information and Regulations (updated) // International Business publications. Global Investment Center, Washington D.C., USA. 2013.

Mongolia-Japan Teaching Hospital Opens // The UB Post. April 2019, No. 037 (2005), p. 4.

Varriale Gemma. Mongolia Salkhit financing sets foreign security precedent // International Financial Law Review. September 2012. Vol. 31. Issue 8, p. 30.

REFERENCES

Bayarsaikhan, D. (2008). Financing health promotion in Japan and Mongolia, *Bulletin of the World Health Organization*, 86(11): 896–897.

Bazarov, V.B. (2009). Mongolo-yaponskiye diplomaticeskiye otnosheniya [Mongolian-Japanese diplomatic relations], *Vlast*, 9: 157–159. (In Russian).

Campi, A. (2014). Mongolia–South Korean Relations, *The Eurasian Monitor*, 11(60).

- Dulguun, B. (2019). Highway Connects UB to Khushig Valley as New Airport Opens, *The UB Post*, No. 076 (2044): 3.
- Dulguun, B. (2019). New Solar Power Project Sets Example to Draw Investors' Attention, *The UB Post*, No. 033 (2001): 1, 5.
- Editorial (2012). Japan, Mongolia: Geographic Challenges to a Free Trade Agreement, Stratfor Worldview, 15 March. URL: <https://worldview.stratfor.com/article/japan-mongolia-geographic-challenges-free-trade-agreement> (accessed: 15 August 2019).
- Editorial (2017). Harnessing the Inexhaustible Resources of Wind Energy, *The Mongolian Observer*, No. 10, Vol. 064: 26–29.
- Editorial (2019). Mongolia-Japan Teaching Hospital Opens, *The UB Post*, No. 037 (2005): 4.
- International Business publications (2013). Mongolia: Mineral, Mining Sector Investment and Business Guide. Volume 1: Strategic Information and Regulations (updated), Washington D.C.: Global Investment Center.
- Masaki, H. for JOC (2015). Japan and Mongolia sign free trade agreement, International Trade News, 10 February. URL: https://www.joc.com/international-trade-news/japan-and-mongolia-sign-free-trade-agreement_20150210.html (accessed: 15 August 2019).
- Mongol Ulsyn Gadaad bodlogyn uzel barimtlal [Mongolia's Foreign Policy Concept] (2011). URL: <https://www.legalinfo.mn/annex/details/3362?lawid=6340> (accessed: 15 August 2019). (In Mongolian).
- Varriale, G. (2012). Mongolia Salkhit financing sets foreign security precedent, *International Financial Law Review*, 31(8): 30.

Поступила в редакцию 01.10.2019

Received 1 October 2019

Для цитирования: Игнатов И.А. Японо-монгольские связи в постбиполярный период в контексте монгольской политики «третьего соседа» // Японские исследования. 2020. № 1. С. 69–84. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10004

For citation: Ignatov I.A. (2020). Yapon-mongol'skiye svyazi v postbipolyarnyy period v kontekste mongol'skoy politiki "tret'yego sosed'a" [Japanese-Mongolian relations in the post-bipolar period within the context of Mongolia's "third neighbor" policy], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2020, 1: 69–84. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10004

Японские исследования. 2020. № 1. С. 85–105.

Japanese Studies in Russia, 2020, 1, pp. 85–105.

DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10005

Экономическая динамика в Японии: детализация институциональных контуров политики «Абэномики»

О.М. Рензин, Д.В. Суслов

Аннотация. Политика реформирования экономики в Японии под названием «Абэномика» является одним из интереснейших макроэкономических проектов, осуществляемых в XXI в. С одной стороны, это определено масштабами страны, занимающей третье место в мире по объёмам производства, и, соответственно, влиянием на процессы международного развития, с другой стороны – безусловной консервативностью институциональной организации японской экономической системы, её слабой реакцией на предыдущие попытки реформирования, предпринимаемые, начиная с 1990-х годов. Проанализирована экономическая динамика в Японии, устойчивой тенденцией которой стала начавшаяся в конце 2012 г. самая продолжительная, хотя и не самая быстрая экспансия в послевоенной истории. Темпы роста ВВП увеличились с ежегодных 0,5 % за 1997–2012 гг. до 1,3 % с момента запуска политики «Абэномики». Рассматривается содержание проводимых реформ, направленность основных мероприятий по изменению социально-экономической ситуации, оцениваются промежуточные результаты и возможные перспективы реализации «Абэномики». Сложившийся порядок мягкой имплементации политики «Абэномики» показал её успешность для развития японской экономики. При этом политика прошлых лет предложила правильные решения для исправления накопившихся в стране проблем. Прежде всего, она означала коренной поворот в экономической политике как по отношению к бизнесу, так и к домохозяйствам. По нашему мнению, в дальнейшем высока вероятность имплементации новой версии «Абэномики 2.0» – продолжение избранного пути, расширение и углубление реализуемых программ реформирования. Вызовом для «Абэномики» является выход за классические версии роста и перераспределения доходов. Необходимо дальнейшее движение по новой версии «Абэномики», но правильно организованное. Время ответа на риски правительства С. Абэ на этом пути крайне ограничено. Для достижения новых результатов у премьер-министра есть срок до 2021 г., когда он должен оставить свой пост. Возможно, это время будет использовано им для конструирования уже новой версии «Абэномики», позволяющей преодолеть негативные тенденции. Но то, что его экономическая модель стала ярким примером реформирования одной из мощнейших экономик мира, не вызывает сомнения и «Абэномика» будет ещё долго изучаться специалистами и практиками проведения экономической политики в крупных экономических системах стран мира.

Ключевые слова: Япония, экономика Японии, Абэ Синдзо, Абэномика, экономическая политика, институциональная организация, социальные программы, доходы, прибыль, занятость.

Авторы:

Рензин Олег Маркович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономических исследований ДВО РАН (адрес: 680042, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 153). ORCID: 0000-0002-1629-9452; E-mail: renzin@ecrin.ru

Суслов Денис Владимирович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономических исследований ДВО РАН (адрес: 680042, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 153). ORCID: 0000-0001-5866-4369; E-mail: suslov@ecrin.ru

Economic dynamics in Japan: detailing of the Abenomics policy institutional outlines

O.M. Renzin, D.V. Suslov

The program of reforming the Japanese economy known as “Abenomics” is one of the most interesting macroeconomic projects carried out in the 21st century. On the one hand, this is determined by the scale of the country, which occupies the third place in the world in terms of production volumes, and, accordingly, the impact on the processes of international development; on the other hand, by the unconditional conservatism of the institutional organization of the Japanese economic system, its weak reaction to previous reform attempts undertaken since the 1990s. The authors analyze the economic dynamics in Japan, the steady tendency of which has been the longest, although not the fastest, expansion in post-war history, which began at the end of 2012. The GDP growth rates increased from an annual 0.5 % for 1997–2012 up to 1.3 % since the launch of the “Abenomics” policy. The authors consider the reforms’ content and the focus of the main measures to change the socio-economic situation, assess the intermediate results and possible prospects for the implementation of “Abenomics”. The established procedure for soft implementation of the “Abenomics” policy has shown its success for the development of the Japanese economy. At the same time, the policy of past years proposed the right solutions to correct the problems that have accumulated in the country. First of all, it meant a radical turn in economic policy both in relation to business and to households. In our opinion, in the future, there is a high probability of implementing a new version of “Abenomics 2.0” – a continuation of the chosen path, the expansion and deepening of the ongoing reform programs. The challenge for “Abenomics” is to go beyond the classic versions of growth and redistribution of income. Further movement according to next versions of Abenomics is necessary, but it should be properly organized. The amount of time the S. Abe’s government has to respond to risks appearing along this path is extremely limited. To achieve new results, the Prime Minister has his term, lasting until 2021, when he must resign. Perhaps this time will be used by him to construct a yet new version of “Abenomics”, which allows overcoming negative trends. But the fact that its economic model has become a prime example of reforming one of the most powerful economies in the world is beyond doubt. Abenomics will be studied for a long time by experts and practitioners of economic policy in large economic systems of different countries.

Keywords: Japan, Japanese economy, Abe Shinzo, Abenomics, economic policy, institutional organization, social programs, income, profit, employment.

Authors:

Renzin Oleg M., PhD (Economics), Senior Researcher, Economic Research Institute of Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (address: 153, Tikhookeanskaya Str., Khabarovsk, 680042, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-1629-9452; E-mail: renzin@ecrin.ru

Suslov Denis V., PhD (Economics), Senior Researcher, Economic Research Institute of Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (address: 153, Tikhookeanskaya Str., Khabarovsk, 680042, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-5866-4369; E-mail: suslov@ecrin.ru

Политика реформирования экономики в Японии, получившая широкую известность под названием «Абэномики», является одним из интереснейших макроэкономических проектов, осуществляемых в XXI в. С одной стороны, это определено масштабами страны, занимающей третье место в мире по объёмам производства, и, соответственно, влиянием на процессы международного развития, с другой стороны – безусловной консервативностью институциональной организации японской экономической системы, её слабой реакцией на предыдущие попытки реформирования, предпринимаемые начиная с 1990-х гг. Феномен «Абэномики» даёт пищу для размышлений – насколько эффективными могут быть меры государственного регулирования в постиндустриальную эпоху и в чём может быть секрет такой эффективности. Цель настоящего исследования – проанализировать содержание проводимых кабинетами Абэ реформ в период после 2012 г., попытаться вскрыть причинно-следственные связи между мерами правительства и реальной динамикой экономического развития Японии, показать особенности институциональной основы политики «Абэномики», обрисовать перспективы ее реализации.

Параметры экономической динамики в Японии

Экономический рост, начавшийся в конце 2012 г., превратился в самую продолжительную экспансию в послевоенной истории Японии, хотя и не самую быструю. Среднегодовые темпы роста ВВП увеличились с 0,5 % за 1997–2012 гг. до 1,3 % с момента запуска политики «Абэномики» (рис. 1).

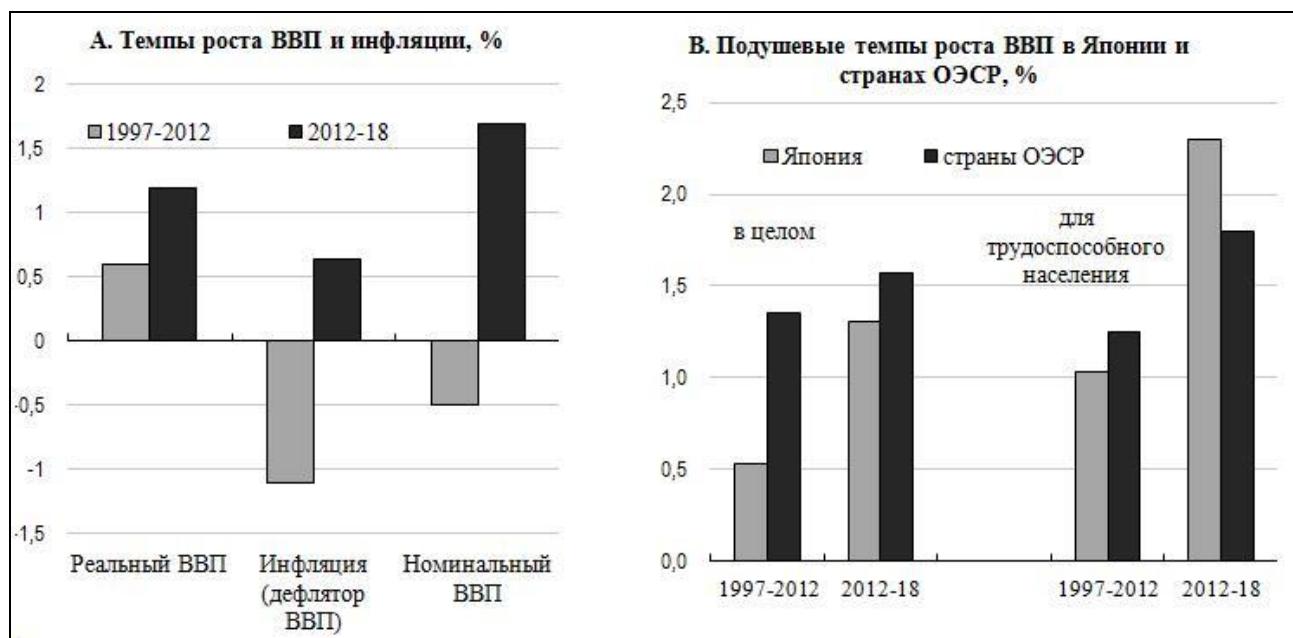

Рис. 1. Показатели экономического роста

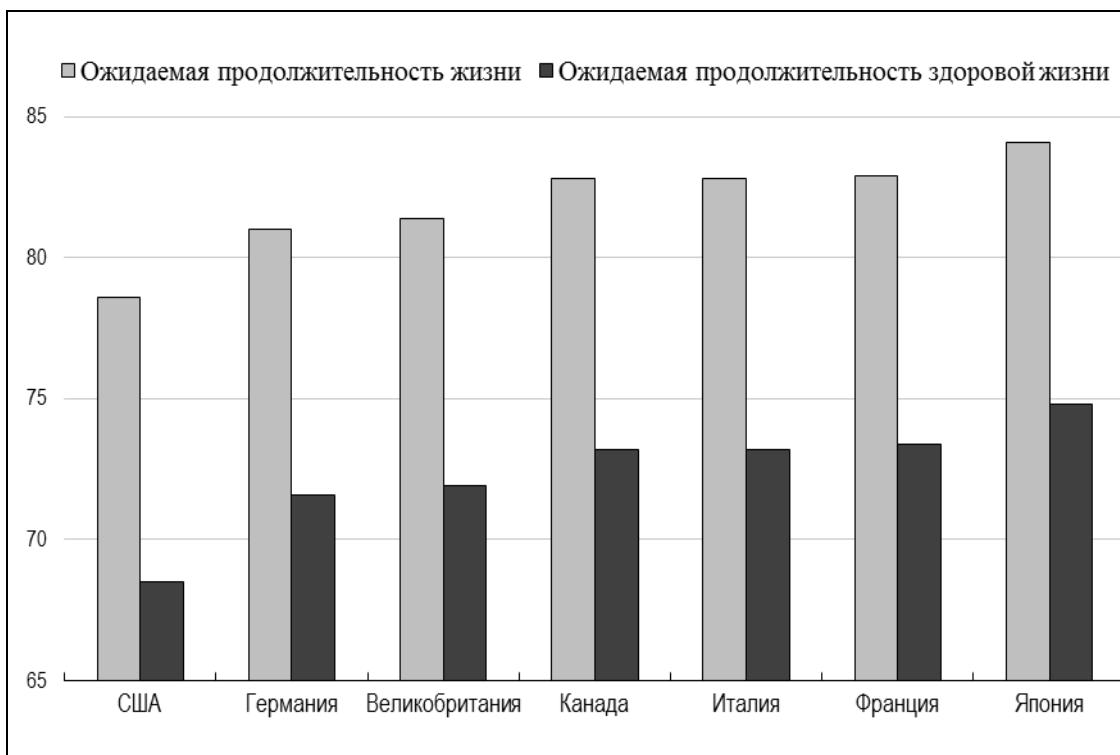
В то же время устойчивая дефляция сменилась инфляцией, хотя и низкой, что позволило повысить номинальные темпы экономического роста до 1,7 %. В расчёте на душу населения рост ВВП приблизился к средним темпам среди стран ОЭСР.

Три стрелы «Абэномики» – активная денежно-кредитная политика, гибкая фискальная политика и стратегия роста – помогли Японии преодолеть два десятилетия вялого роста.

Количественное и качественное смягчение Банка Японии, сопровождаемое контролем кривой доходности и отрицательными процентными ставками с 2016 г., прекратило дефляцию, хотя инфляция остаётся ниже целевого (2 %) уровня. Фискальная политика оказала своевременную поддержку, помогая сократить первичный дефицит Японии в течение 2012–2018 гг. примерно на сумму, эквивалентную 5 % ВВП. Стратегия роста включала долгожданные структурные реформы, такие как введение кодекса корпоративного управления и значительное снижение ставки налога на прибыль организаций. Расширение возможностей сочетания работы с уходом за детьми способствовало резкому росту занятости женщин. Япония также предприняла шаги по повышению роли иностранных работников в экономике, а также активно участвует в региональных торговых соглашениях. Тем не менее, темп роста производительности труда с 2012 г. замедлился до 1 % в год. Премьер-министр Абэ не раз заявлял, что быстрое старение населения является «самой большой проблемой» для Японии.

Доля населения старше 65 лет выросла с 26,2 % населения трудоспособного возраста (от 15 до 64 лет) в 2000 г. до 31,5 % в 2017 г., а их доля в структуре рабочей силы – с 7,3 % в 2000 г. до 12,2 % в 2017 г. При этом численность трудоспособного населения выросла со 108 млн в 2000 г. до 111 млн в 2017 г., а число занятых сократилось лишь на 0,4 % – с 67,47 млн чел. до 67,2 млн чел. [Лебедева, 2019, с. 15–16]. Несмотря на это Япония сталкивается с серьёзной нехваткой рабочей силы, что вынуждает некоторые фирмы сокращать или прекращать деятельность. Прогнозируется, что к 2055 г. в Японии пожилое население (старше 65 лет) достигнет 39,4 % от численности трудоспособного населения.

Ожидаемая продолжительность жизни в Японии – самая высокая в мире – 84 года (по сравнению с 68 годами в 1960 г.), а ожидаемая продолжительность здоровой жизни – 75 лет (рис. 2).

Рис. 2. Продолжительность жизни населения в Японии и странах G7, лет

Между тем, хотя суммарный коэффициент рождаемости вырос с 1,3 в 2007 г. до 1,4 в 2016 г., он остаётся ниже среднего показателя по ОЭСР (1,7). В 2016 г. родилось менее миллиона детей, что является самым низким показателем с тех пор, как Япония начала проводить эти статистические наблюдения в 1899 г. Ожидается, что после сокращения на 6,2 млн в 2020-х годах население Японии в 2030-х годах сократится ещё на 8,2 млн. (эквивалент потери жителей Токио). Согласно прогнозам [OECD Economic Surveys..., с. 39–43] к 2050 г. общая численность населения сократится на одну пятую – примерно до 100 млн. человек.

Меньшая численность населения имеет ряд преимуществ с точки зрения повышения уровня его благосостояния. Однако такое положение несёт с собой ряд проблем и рисков. Перспективы 100-летней или даже более продолжительной жизни сопряжены с рядом возможностей и рисков для людей, которые приведут к фундаментальным изменениям во всех аспектах жизни. Необходима политика, при которой долгая жизнь была бы благословением для людей, а не проклятием. Это предполагает содействие повышению благосостояния, поддержанию хорошего здоровья, баланса между временем работы и личной жизнью. Важно, чтобы увеличение продолжительности жизни, особенно здоровой, не ограничивалось группами с высоким уровнем дохода. Пока же разрыв в ожидаемой продолжительности жизни между богатыми и бедными увеличивается [Bosworth].

Поскольку Япония является лидером в решении проблем пожилых людей, весь мир будет наблюдать за проводимыми ею реформами, политикой, инновациями и экспериментами. Одной из важных проблем демографических изменений является сокращение численности рабочей силы. По прогнозам, численность занятых в Японии к 2050 г. сократится на четверть – с 67 млн до 51 млн человек [OECD Economic Surveys..., с. 19]. Реформы на рынке труда, направленные на устранение факторов, препятствующих трудоустройству мужчин и женщин всех возрастов, ограничат сокращение численности рабочей силы. Например, предельный возраст (60 лет) пребывания работника в компании (*тэйнэн*), установленный в 80 % всех фирм, является анахронизмом. Более того, в эпоху 100-летней продолжительности жизни деление жизни людей по трем чётко определённым этапам (образование, работа и выход на пенсию) более не может существовать [Gratton, Scott]. Образование молодых людей в возрасте от 15 до 22 лет будет недостаточным для карьеры, которая продлится до 70 и даже 80 лет, и может включать несколько профессий, особенно в контексте быстрых технологических изменений. Очевидно, что политика, которая позволит работникам продлить свою карьеру и устраниТЬ препятствия на пути трудоустройства женщин, поможет смягчить демографический эффект в целом для всей экономики.

Демографические изменения также оказывают большое влияние на финансовую ситуацию в Японии [Cabinet Office, Basic Policy on Economic and Fiscal...]. Государственные социальные расходы выросли в два раза – с 11 % ВВП в 1991 г. до 22 % в 2018 г., превысив средний показатель стран ОЭСР, что привело к существенному росту валового долга правительства. Около 80 % социальных расходов приходится на пенсии, здравоохранение и долгосрочный уход и обслуживание, что является вторым по величине показателем среди стран ОЭСР. Двадцать семь последовательных лет дефицита бюджета привели к увеличению валового государственного долга с 60 % ВВП в 1991 г. до примерно 226 % в 2018 г., что является самым высоким показателем за всю историю развития стран ОЭСР (рис. 3).

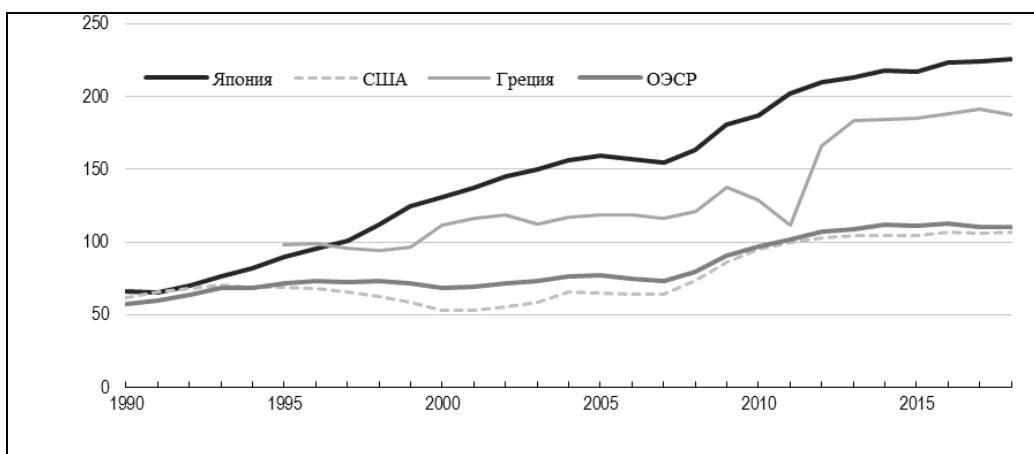

Рис. 3. Валовой долг правительства, % ВВП

Прогнозируется, что старение населения увеличит социальные расходы ещё на 4,7 % ВВП в период с 2020 г. по 2060 г. [OECD Economic Surveys...]. На фоне быстрого старения и сокращения населения Японии основными рассматриваемыми в экспертном сообществе направлениями дальнейшего реформирования экономической системы будут следующие:

- структурные реформы, включая улучшение корпоративного управления и повышение динамичности малых и средних предприятий, что необходимо для роста производительности и стимулирования экономики;
- разработка детального плана фискальной консолидации, который должен включать меры по контролю за расходами бюджета в условиях быстрого старения населения и постепенному увеличению доходов, начиная с повышения налога на потребление в 2019 г.;
- фундаментальная реформа рынка труда, которая позволит в полной мере использовать людские ресурсы, тем самым смягчая воздействие сокращающейся численности рабочей силы.

По всей видимости, темпы роста ВВП останутся умеренными. После достижения уровня в 1,9 % в 2017 г. его рост замедлился до 0,8 % в 2018 г. (табл. 1).

Таблица 1. Макроэкономические параметры развития экономики Японии

Показатель	2016	2017	2018	2019*	2020**
	годовые темпы роста в процентах				
ВВП	0,6	1,9	0,8	0,8	0,7
ВВП на душу населения	0,8	2,1	1,0	1,1	1,0
Частное потребление	-0,1	1,1	0,4	0,6	-0,1
Государственное потребление	1,4	0,3	0,8	0,8	1,0
Инвестиции в основной капитал	-0,3	3,0	1,1	1,9	0,6
Государственные ¹	-0,3	0,7	-3,2	3,2	-1,2
Инвестиции в жилье	5,9	2,1	-5,7	0,6	-1,6
Инвестиции предприятий	-1,5	3,9	3,9	1,8	1,5
Конечный внутренний спрос	0,1	1,4	0,6	1,0	0,3
Создание запасов ²	-0,1	0,0	0,2	0,1	0,0
Совокупный внутренний спрос	0,0	1,4	0,8	1,0	0,3
Экспорт товаров и услуг	1,7	6,8	3,1	1,6	3,8
Импорт товаров и услуг	-1,6	3,4	3,3	3,5	2,0

Чистый экспорт ²	0,6	0,6	0,0	-0,3	0,3
Потенциальный ВВП	0,7	0,7	0,8	0,8	0,6
Разрыв выпуска, % от потенциального ВВП	0,9	2,1	2,0	2,0	1,7
Занятость общая	1,0	1,0	2,0	0,6	0,0
Занятость трудоспособного населения ³	70,8	71,7	73,4	74,4	75,0
Уровень безработицы ⁴	3,1	2,8	2,4	2,4	2,4
Дефлятор ВВП	0,3	-0,2	-0,1	0,3	1,3
ВВП номинальный	0,9	1,7	0,7	1,1	2,0
Индекс потребительских цен (ИПЦ)	-0,1	0,5	1,0	0,7	1,3
ИПЦ базовый	0,4	-0,1	0,2	0,8	1,3
Сальдо торгового баланса, % ВВП	1,0	0,9	0,2	-0,4	0,0
Сальдо счёта текущих операций, % ВВП	3,8	4,0	3,4	3,0	3,4
Дефицит бюджета центрального правительства, % ВВП	-3,5	-3,0	-2,4	-2,4	-1,9
Валовой долг правительства, % ВВП	223,4	224,2	225,8	226,8	226,1
Чистый долг правительства, % ВВП	126,9	127,7	129,3	130,3	129,6
Краткосрочная ставка процента ⁵	0,0	0,0	-0,1	-0,1	-0,1
Долгосрочная ставка процента ⁶	0,0	0,1	0,1	0,1	0,1

Примечание:

* оценка;

** прогноз;

¹ включая государственные корпорации;

² вклад в изменение ВВП (п.п.);

³ доля населения возрастом 15–74 лет, %;

⁴ доля от трудоспособного населения, %;

⁵ по трёхмесячным депозитам;

⁶ по десятилетним государственным облигациям.

Источник: составлено по [OECD Economic Surveys: Japan 2019].

Рост был обусловлен в первую очередь значительным расширением экспорта, прежде всего, в Китай и другие азиатские страны, на которые приходится более половины японского экспорта. Кроме того, за 2011–2018 гг. число иностранных туристов прирастало в среднем на 26 % в год, что привело к росту доли доходов от туризма с 8 % до 21 % стоимости экспорта услуг. Однако в 2018 г., в условиях замедления темпов роста мировой торговли и усиления напряжённости в торговых отношениях, экспорт в США, Китай и другие азиатские страны оказался в состоянии стагнации. Кроме того, стихийные бедствия, включая ряд тайфунов и землетрясение на Хоккайдо, привели к нарушению производства и экспорта в третьем квартале 2018 г. и способствовали снижению частного потребления и инвестиций предприятий.

По прогнозам, в 2019 г. темпы роста ВВП будут поддерживаться на уровне около 0,75 % за счёт роста частного потребления и инвестиций предприятий. Хотя деловые настроения в производственном секторе ухудшились по сравнению с концом 2017 г., они остаются достаточно оптимистичными в непроизводственном секторе.

Сокращение численности трудоспособного населения было компенсировано заметным ростом уровня занятости: с 70,6 % в 2012 г. до 76,9 % в 2018 г., что, прежде всего, связано с ростом занятости среди женщин. Тем не менее, нехватка рабочей силы стала более

серьёзной¹. Несмотря на жёсткие условия на рынке труда реальная заработная плата в 2018 г. была ниже, чем в начале 2014 г. Слабый рост доходов привел к тому, что в 2012–2017 годах темпы роста частного потребления в годовом выражении составили всего 0,6 % (в расчёте на душу населения), что значительно ниже темпа роста ВВП на душу населения (1,3 %). Однако в 2018 г. уровень реальной заработной платы начал восстанавливаться вследствие увеличения в крупных компаниях летних бонусов на 8,6 % и зимних бонусов на 6,1 %². Предприятия сообщают о растущей нехватке мощностей, что в сочетании с рекордно высокой прибылью способствует росту их инвестиций. Кроме того, правительство ввело налоговые льготы для фирм, которые расширяют инвестиции в основной капитал и человеческие ресурсы. Эти факторы могут поддержать инвестиции предприятий, несмотря на сокращение прироста инвестиций, связанных с Олимпийскими играми в Токио в 2020 г. Правительство также планирует проводить фискальную политику, направленную на смягчение последствий от повышения налога на потребление с 8 % до 10 % с 1 октября 2019 г.³ Ожидается, что это предотвратит повторение ситуации с резким замедлением темпов экономического роста, которое последовало сразу после 2014 г., когда произошло повышение налога на потребление с 5 % до 8 %. Это позволит сохранить темпы роста ВВП на уровне 0,75–1 % в 2020 г.

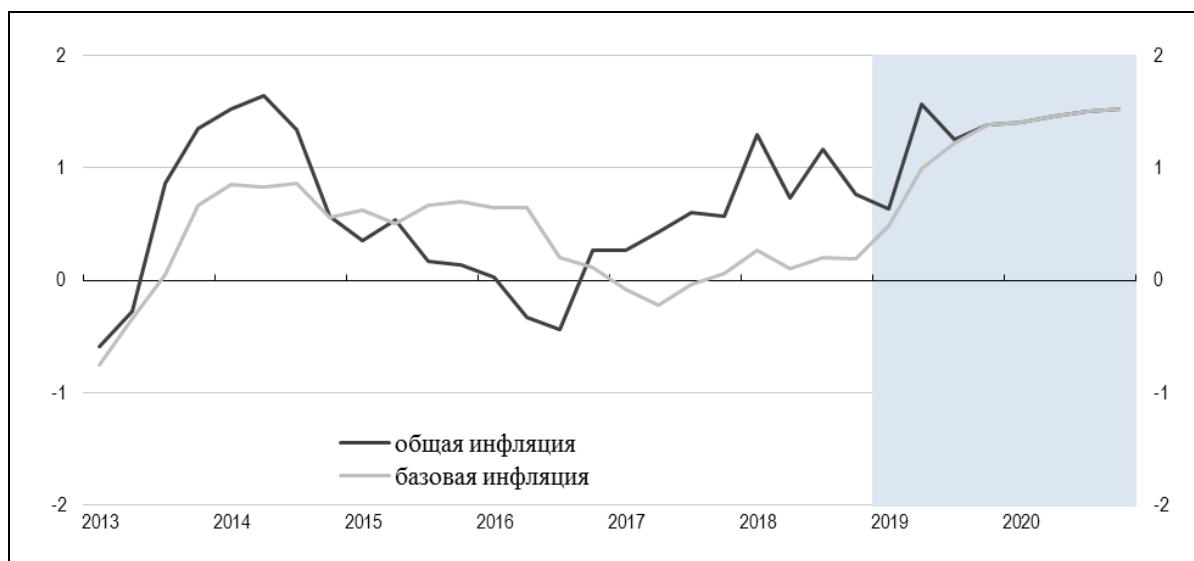

Рис. 4. Годовые темпы инфляции, %

Повышение заработной платы имеет ключевое значение для стимулирования частного потребления и повышения потребительских цен в соответствии с целевым показателем Банка

¹ Уровень безработицы снизился примерно до 2 %, в то время как отношение числа открытых вакансий к числу заявителей возросло до самого высокого уровня с 1974 г.

² Чтобы способствовать более быстрому росту базовой заработной платы, правительство ввело трехлетние налоговые льготы для фирм, которые увеличивают заработную плату работников на 3 % и более в год и достигают определенного уровня своих внутренних инвестиций. Это также повысило минимальную заработную плату на 3 % в год, которая составляет всего около 40 % от средней заработной платы.

³ Уже принят ряд мер для смягчения удара от повышения налога. Они включают введение системы, основанной на баллах, которые начисляются за покупки, оплаченные по безналичному расчёту в небольших предприятиях розничной торговли. Среди прочих мер – снижение налоговой ставки при покупке домов и квартир, а также новых автомобилей. Семьи с маленькими детьми и люди с низким заработком смогут пользоваться купонами на приобретение товаров по сниженным ценам.

Японии в 2 %. В 2018 г. инфляция составила около 1,0 %, но это было вызвано ростом цен на овощи и более высокими ценами на энергоносители, а не фундаментальными показателями базовой инфляции (рис. 4).

Базовая инфляция в соответствии с определением ОЭСР (без учёта изменения цен на продукты питания и энергоресурсы) в 2018 г. составила всего около 0,2 %. В 2019 г. показатели инфляции, вероятно, будут выше, поскольку в 2018 г наблюдалось повышение удельных затрат на рабочую силу на 2,2 %. (самое большое с момента коллапса «экономики мыльного пузыря»), что влияет на цены на товары и услуги. По прогнозам, в 2020 г. инфляция достигнет 1,25 %, исключая влияние повышения налога на потребление и отмену платы за пребывание детей в возрасте от пяти лет в детских учреждениях.

Япония сталкивается с множеством неопределённостей в мировой экономике и растущими рисками. Напряженность в сфере торговли оказывается на ожиданиях и перспективах расширения бизнеса и рискует подорвать инвестиции в глобальные производственно-сбытовые цепочки. Япония особенно уязвима в связи с торговыми трениями между США и Китаем, поскольку на эти две страны приходится 38 % её экспорта. Ещё одним риском для международной торговли является изменение потоков капитала, которые ранее стимулировали рост на развивающихся рынках, в сторону стран с развитой экономикой по мере роста в них процентных ставок. Особенно важно отметить, что Японию, безусловно, затронет дальнейшее замедление расширения внутреннего спроса в Китае. Ключевой внутренней проблемой Японии является рост заработной платы. С скачок премиальных выплат в 2018 г. является положительным признаком, и дальнейшее увеличение базовой заработной платы крайне важно для поддержания частного потребления.

Институциональные реформы (контуры) Абэномики

Институциональные реформы, в особенности те, которые осуществляются в крупных экономических системах, являются сложнейшими, долговременными и насыщенными разнообразными рисками проектами. Многие страны мира в конце XX в. осуществляли таким образом совершенствование систем хозяйствования, прежде всего, Китай, страны Восточной Европы, Россия. Япония вышла на траекторию активного реформирования позже других – во втором десятилетии XXI в. и, учитывая накопленный в мире опыт преобразований, использовала стратегию, в которой сочетались применение протестированных практик и инструментов развития и поиск новых путей институциональных изменений (табл. 2).

Происходящие в стране реформы, оценка их позитивных и отрицательных результатов, ожидания, связанные с прогнозируемыми изменениями, имеют широкий международный резонанс. Это определено, во-первых, масштабами экономики Японии, занимающей третье место в мире по объёмам производства, и, соответственно, активно влияющей на процессы международного развития. Во-вторых, консервативностью институциональной организации японской экономической системы, и, соответственно, ее чрезвычайно слабой реакцией на предшествующие попытки реформирования, предпринимавшиеся в стране начиная с 1990-х годов. В-третьих, мультиплективным влиянием Японии на процессы экономической трансформации, происходящие в бурно развивающемся Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Необходимость реформ в Японии была предопределена многолетним периодом ухудшения всех показателей социально-экономического развития. Некогда претендовавшая на мировое экономическое лидерство страна явно теряла свои международные позиции: её

доля в глобальном ВВП снизилась с 7,5 % в 2000 г. до 5 % в 2018 г. Ещё в 2010 г. Китай сместил Японию со второго места на третье в перечне грандов мировой экономики [Japan Statistical...]. Одновременно в стране обострялись внутренние проблемы.

Таблица 2. Ключевые направления реформ политики «Абэномики» в 2012–2019 гг.

Направление	Задача	Предпринятые меры
1. Укрепление корпоративного управления	Обеспечить устойчивый рост корпоративной стоимости за счёт улучшения корпоративного управления, а также улучшения управления и укрепления основ для усиления поддержки котирующихся на бирже компаний и финансовых учреждений.	Кодекс ответственного управления, запущенный в начале 2014 г., был принят более чем 200 институциональными инвесторами. Кодекс корпоративного управления, выпущенный в 2015 г., распространяется на более чем 2500 зарегистрированных компаний. Доля фирм первой секции Токийской фондовой биржи, в которых есть как минимум два независимых внешних директора, увеличилась с 22 % в 2014 г. до 91,3 % в 2018 г.
2. Корпоративная налоговая реформа	Поощрять компании, наращивающие инвестиции и повышающие заработную плату.	Ставка корпоративного налога была снижена с 37 % в 2013 фин.г. до 29,74 % в 2018 фин.г. наряду с расширением налоговой базы. По оценкам, за этот период доходы от корпоративного подоходного налога выросли на 17,2 %.
3. Расширение участия женщин в экономике	Создать рабочую среду, благоприятную для женщин с детьми, и обеспечить условия для улучшения карьерного роста женщин на рабочих местах.	За 2013–2017 гг. Япония увеличила количество мест по уходу за детьми на 535 тыс., а мест послешкольного присмотра – на 0,3 млн по сравнению с 2013–2017 фин.г. Это помогло поднять уровень занятости женщин с 60,7 % в 2012 г. до 69,6 % в 2018 г.
4. Привлечение талантов из-за рубежа	Создать благоприятные условия для работы иностранных квалифицированных специалистов. Провести тщательный анализ Программы технической стажировки (ТИР) для иностранных работников в Японии.	В 2017 г. правительство ввело «Японскую грин-карту» для высококвалифицированных иностранных специалистов», которая сокращает срок пребывания, необходимый для получения ими разрешения на постоянное проживание. В 2018 г. правительство утвердило новый статус резидента для иностранцев с опытом работы в отраслях, которые нуждаются в большем количестве работников, таких как строительство, сельское хозяйство и услуги по долгосрочному уходу.
5. Реформа сельскохозяйственной политики	Удвоить доходы фермеров и фермерских общин, сделав сельское хозяйство растущей отраслью. Расширить участие частного капитала сектора в сельском хозяйстве, опираясь на корпоративный опыт.	Квоты на производство риса были отменены в 2018 фин.г., чтобы дать возможность фермерам производить рис в ответ на спрос, не полагаясь на государственные квоты. Были смягчены требования в отношении собственности на сельскохозяйственные угодья для корпораций, занимающихся сельскохозяйственным производством, а сельскохозяйственные кооперативы реформированы.
6. Содействие международной торговле	Расширение свободных, справедливых, основанных на правилах рынков по всему миру.	Японияratифицировала Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнёрстве и

	Увеличение доли японской торговли, охватываемой соглашениями о свободной торговле, с 24 % до 70 %.	Соглашение об экономическом партнёрстве с Европейским союзом, которые вступили в силу в декабре 2018 г. и феврале 2019 г. соответственно.
--	--	---

По мнению Вакатабэ Масадзуми, подробно описавшего японскую предреформенную ситуацию в монографии «Анатомия Абэномики», и в экономике, и в социальной сфере наблюдались устойчивые отрицательные тренды, которые по ряду позиций были близки к критическим⁴.

Вялое развитие экономики генерировало социальные проблемы. В стране наметился рост бедности, особенно среди молодежи, увеличилось количество самоубийств. По данным Министерства здравоохранения Японии, в ходе опроса общественного мнения, проведённого в июле 2012 г., 61,5 % респондентов пожаловались на «тяжелую жизнь» и её непрерывное ухудшение в последние годы⁵.

Специалисты обоснованно (хотя и несколько гиперболизировано) применяли для описания состояния страны сравнение с ситуацией после поражения Японии во Второй мировой войне [Стрельцов..., 2013, с. 76].

Социально-экономическая ситуация в Японии настоятельно требовала активных трансформаций и реформ, которые смогли бы встряхнуть японское общество и национальную экономику, в течение десятков лет пребывавших в застое. И, разумеется, Японии нужен был лидер, который смог бы осуществить такие реформы.

Премьер-министр С. Абэ, который пришёл к власти в Японии в декабре 2012 г., взялся за решение чрезвычайных по сложности задач: индуцировать процессы развития в национальной экономической системе, стагнировавшей в течение более двадцати лет и крайне нечувствительной к реанимационным действиям всех предшествующих правительств. Для этого Абэ предложил стране и новую экономическую политику, и радикальную программу действий по её реализации [Basic Policy on..., “Growth Strategy 2016”.., Japan Revitalization..., The Japan’s Plan...].

На первом этапе, согласно этой программе, реформа включала три ключевых пункта, три составляющих экономической политики, получившие обобщенное название «три стрелы» С. Абэ.

Во-первых, это была перенесённая на японскую почву хорошо отработанная в экономиках США и ЕС монетарная политика, направленная на «количественное и качественное смягчение». Эта часть реформ опиралась на накопленный международный опыт, была отчётливо сформулирована в планах действий и имела чёткие количественные ориентиры⁶.

⁴ «Ориентированная на экспорт национальная экономика испытывала большие трудности вследствие того, что за 5 предыдущих лет курс иены относительно доллара вырос на 34 %. Резко снизившаяся доходность вынудила многие промышленные компании перенести свои производственные мощности за рубеж, не только сократив за счёт этого себестоимость производства продукции, но одновременно уменьшив совокупный фонд заработка платы в стране. В результате спрос на внутреннем рынке подавлялся, вследствие чего потребительские цены падали, девальвация угнетающе действовала на процессы развития» [Вакатабэ Масадзуми].

⁵ Это подтверждала и экономическая статистика: к 2012 г. коэффициент Энгеля составил 23,7 %, непрерывно повышаясь с 2000 г. [Вакатабэ Масадзуми, с. 16–17].

⁶ Предполагалось, что Банк Японии включит печатный станок, дополнительно добавит к денежной массе 60–70 трлн иен (645–755 млрд долл. США) и за счёт этого запустит долгожданную инфляцию с целевым значением около 2 % в год.

Для реализации монетарной программы в апреле 2013 г. новым главой Центрального Банка Японии был назначен Х. Курода, авторитетный финансист, имевший опыт работы в качестве президента Азиатского банка развития, а также в руководстве ряда других международных финансовых структур.

Вторая «стрела» из заявленного пакета реформ предполагала активное бюджетное и налоговое стимулирование развития японской экономики. Для реализации этой части макроэкономического воздействия имелись серьёзные ограничения, обусловленные хроническим дефицитом бюджета и накопленным государственным долгом. В связи с этим возможности манипулирования налоговыми инструментами для целевого перераспределения финансовых потоков были ограничены, что приводило к «мягким» ориентирам в постановке задач и постоянным временными сдвигами в планах их практического решения.

Ещё большие неопределенности возникали в третьем блоке первоначальной версии «Абэномики»: «стреле», направленной на цель, которая обозначалась как «дерегулирование в системе управления и проведение в экономике структурных реформ». Эта задача была для реформаторов, безусловно, наиболее сложной как при определении направлений структурных сдвигов, так и в их реализации. Перечень сегментов, в которых существовала острая необходимость таких преобразований, был велик: «главный вопрос здесь – удастся ли правительству покончить с чрезмерной зарегулированностью экономики, затрудняющей доступ на рынки «новичков», особенно в сферах найма, образования, сельского хозяйства, системах медицинского обслуживания и сестринского ухода?» [Стрельцов, 2014, с. 5].

Каждая из поставленных задач предполагала осуществление комплекса взаимосвязанных решений. Однако с операционной точки зрения возможности для запуска заявленных планов были неравнозначны. С учётом существующих различий между «стрелами» в плане подготовленности возможных вариантов решения проблем, в степени определенности механизмов функционирования и прогнозируемости ожидаемых результатов на практике при их реализации были получены различные по качеству эффекты.

Безусловным достижением первого этапа «Абэномики» стала реформа монетарной политики. Именно она была объявлена приоритетным инструментом и в плане улучшения ситуации в реальной экономике, и в плане повышения занятости. С. Абэ в своей программной речи в начале 2013 г. обозначил то, что для Японии главной задачей является выход из дефляции, уход от дорогой иены и возрождение на этой основе национальной экономики.

Практически реализуя этот ключевой для «Абэномики» план, Банк Японии начал массированную скупку у финансовых учреждений ценных бумаг, что позволяло ему с беспрецедентной активностью наращивать денежную массу, быстро закачивая в рынок наличность⁷.

Это, по оценке В. Масадзуми, не только стало первым крупным успехом политики премьер-министра, но и вызвало цепную реакцию позитивных реакций в экономике страны [Вакатабэ Масадзуми, с. 91]. Падение обменного курса иены резко увеличило доходы ведущих японских корпораций, многие крупные компании смогли получить самые высокие доходы за всю свою историю. Это, в свою очередь, вызвало положительный отклик на токийской фондовой бирже, где удалось остановить длительное падение курса акций и возобновить рост их стоимости.

⁷ В результате уже через пять месяцев после прихода правительства С. Абэ к власти на финансовых рынках произошло ослабление иены относительно доллара США. Банку Японии удалось кардинально снизить сильно завышенный обменный курс иены (с 80 иен за 1 долл. США до 120 иен).

Положительные сдвиги в финансовом и корпоративном секторах экономики позволили повысить доходы работников, что способствовало значительному улучшению ситуации на рынке труда.

Именно успехи в монетарной политике в качестве важнейшего достижения выделил С. Абэ, подводя в сентябре 2018 г. промежуточные итоги политики «Абэномики»: «После 20 лет дефляции мы, наконец, достигли пункта, когда можем сказать, что полностью вышли из нее. Это была сложнейшая задача, но мы ее решили»⁸.

Сложнее было с получением позитивных реакций от запуска «второй стрелы». Как прогнозировали многие специалисты, в осуществлении бюджетных трансформаций, включая налоговую политику, возникли большие трудности. Серьёзные проблемы в реализации стратегии правительства С. Абэ обозначились уже в апреле 2014 г., когда правительство подняло ставку потребительского налога с 5 % до 8 %. Стране нужно было решать проблему огромного государственного долга, который составлял более 200 % ВВП. Однако сразу стало понятно, что этот шаг понижает потенциал развития: повышение ставки потребительского налога привело к остановке основного драйвера экономического роста – личного потребления. Рост стоимости жизни значительно обогнал повышение заработной платы. Откат обменного курса иены к 103 иенам за 1 долл. США угрожал экспортно-ориентированным компаниям падением доходов, которые они получали благодаря дешёвой иене.

Однако наиболее сложными для реализации оказались планы, связанные с изменениями в системе управления национальной экономикой и проведением структурных реформ. После прихода к власти в течение нескольких лет правительство С. Абэ пыталось добиться прогресса в осуществлении системного институционального deregулирования, которое до этого проводилось в отдельных сферах социально-экономической системы. За счёт этого предполагалось обеспечить системную трансформацию, начатую в финансовой сфере. Изменения в денежно-кредитной и бюджетной политике должны были быть поддержаны откликами в корпоративном секторе экономики, а они, в свою очередь, в секторе домохозяйств. Но эти процессы шли слишком медленно. Хотя финансовая программа «Абэномики» принесла значительные прибыли экспортно-ориентированным компаниям за счёт ослабления иены, они вовсе не спешили использовать накопленные финансовые резервы для инвестиций в национальную экономику. Ещё более скромными были изменения в потребительском поведении [Белов, с. 111–140]. Последнее было ограничено низкой эффективностью социальной политики, сопровождавшей «Абэномику». Согласно ожиданиям, реформирование должно было генерировать не только экономический рост, но и рост доходов населения. Однако, по мнению Ватанабэ Масадзуми, с которым можно согласиться, выгоды от этой политики не распространялись на значительное число граждан [Вакатабэ Масадзуми, с. 168].

Было очевидным, что вместе с достигнутым макроэкономическим оздоровлением существенным для признания успешности «Абэномики» становится параллельное реформирование социальной организации в стране⁹.

⁸ Премьер-министр призывает к продолжению Абэномики // Иомиури симбун. 10 сентября 2018 г.

⁹ К этой составляющей изменений в общественных системах как одной из важнейших привлекали внимание крупные теоретики реформ [Норт, с. 13–14; Полтерович, с. 392–409]. На необходимость включения новых социально-экономических механизмов в программу «Абэномики» указывали многие специалисты, включая как лояльных к правительству, так и занимавших критические позиции. «Необходимо быть готовыми к дальнейшему старению населения» [Абэномикусу..., с. 230]. «Уже обозначились такие серьёзные риски, как старение населения и нехватка рабочей силы» [Итикава Сэнъити, с. 47]. «Количественные и качественные

Пристальное внимание к этой проблеме как ограничителю для развития объяснимо. С долгосрочной точки зрения сокращающееся и стареющее население ведёт к уменьшению размеров экономики, сокращается и число потребителей, покупающих автомобили и жильё. Одновременно сокращается и количество покупок более мелких товаров длительного пользования.

С сокращением долгосрочных потребностей у многих предприятий снижается интерес к инвестированию внутри страны. Из-за сокращения ёмкости рынка неясными становятся и перспективы получения на внутреннем рынке прибыли. Всё больший интерес для японских компаний приобретают рынки других стран, особенно в Азии, где они размещают свои производства, поскольку там нет проблем с наймом персонала, а повышение уровня жизни населения увеличивает масштабы рынков сбыта.

Комплекс возникших проблем привёл реформаторов к необходимости осуществления нового этапа преобразований – трансформации политики в расширенную версию, которую можно обозначить как «Абэномика 2.0».

Ряд авторитетных специалистов оценивает этот переход как концептуальную трансформацию [Швыдко]. Однако, по нашему мнению, несмотря на формальные признаки смены концепции, включающие в том числе обозначение трёх новых «стрел», радикальных изменений ни в идеологии, ни в технологии реформирования нет. Это, скорее, является реакцией на недостаточно эффективные решения во втором и в третьем блоках мероприятий «Абэномики» – бюджетной и институциональной реформах, в совершенствовании регулятивных механизмов, обеспечивающих устойчивость и меньшую уязвимость получаемых позитивных эффектов, в передаче импульсов развития от одних секторов экономики в другие.

На втором этапе реформ в Японии осуществляется необходимая дстройка уже сформированных направлений, дополнение их институтами, необходимыми для поддержки мероприятий исходной версии «Абэномики», обеспечение экономической политики механизмами социальной и институциональной реформ, уточнение контуров деятельности правительства на перспективу. В фокусе деятельности правительства С. Абэ оказались недостаточно поддержанные на первом этапе реформы рынка труда, улучшение системы социального обеспечения, формирование новых институциональных режимов экономической деятельности.

В комплексе реформ была усиlena стимулирующая бюджетная политика, которая предполагала осуществление радикальных реформ в системе социальной организации и социального обеспечения. Были конкретизированы цели в социальной сфере: в политике доходов – повышение заработной платы; в трудовой политике – ликвидация необходимости для многих работающих оставлять работу для того, чтобы заниматься уходом за престарелыми и больными родственниками, в демографической политике – повышение суммарного коэффициента рождаемости до 1,8.

После принятия эта программа за относительно короткий период (2017–2018 гг.) индуцировала сдвиги в развитии реформ. Японская экономика продемонстрировала гораздо более высокие темпы роста, чем ожидалось, за счёт значительного увеличения расходов

характеристики населения, быстро сокращающегося и стареющего, становятся важнейшим геополитическим фактором для Японии» [Ковригин, с. 142]. «С проблемой старения населения сталкиваются многие высокоразвитые страны, но в Японии она стоит особенно остро» [Лебедева, с. 62].

домохозяйств. Произошедшее повышение реальной заработной платы способствовало увеличению личного потребления, которое стало драйвером роста.

По планам правительства, последовательная накачка внутреннего спроса в перспективе будет продолжена. Министерство здравоохранения, труда и социального обеспечения объявило, что в 2019 г. размер почасовой минимальной заработной платы будет увеличен на 3 %. Согласно данным ведомства, размер минимальной оплаты труда был повышен в 2019 фин. г. до 901 иен в час (что на 20 % выше уровня 2012 г.). Отметим, что это значение очень близко к минимальной часовой зарплате в США.

Префектуральные администрации, которые пересматривают размер минимальной оплаты труда один раз в год, основываются в своих решениях на рекомендациях консультативного совета при Министерстве здравоохранения, труда и социального обеспечения¹⁰. В качестве другого важного элемента социальных планов предполагается сокращение разницы в оплате труда постоянных и непостоянных работников. Это в последние годы стало весьма актуально для экономики Японии, в которой доля непостоянно занятых достигает почти 40 % рабочей силы страны. Их заработка плата, как правило, не превышает 60 % от заработка постоянных работников. Согласно плану, этот порог должен быть поднят до 80 %, что соответствует уровню большинства европейских экономик. На перспективу план вообще предполагает ликвидировать существующую дискриминацию в оплате труда в зависимости от статуса работающего. Что касается той части плана, которая предусматривает меры по улучшению системы ухода за детьми и престарелыми, то это один из немногих разделов этого документа, в котором имеются некоторые конкретные цифры и сроки [Cabinet Office, Annual Report on the Aging...]¹¹. Так, по данным профильного министерства [Handbook of Health...] за 2007–2017 гг. число работников сферы ухода за престарелыми возросло с 213 тыс. человек до 1,6 млн человек.

Результаты, полученные от реализации социальной программы, рассматриваются официальными кругами как безусловно позитивные. В выступлении в сентябре 2018 г. премьер-министр С. Абэ, в частности, было заявлено, что удалось возвратиться к экономике, в которой каждый желающий получить работу получает более чем одно предложение трудовых вакансий. В дальнейшем, по его словам, необходимо приложить усилия к тому, чтобы ликвидировать неравенство между постоянными и непостоянными работниками.

Другим направлением, получившим существенную правительственную поддержку, явилось формирование ряда экспериментальных институциональных режимов, направленных на привлечение и использование дополнительных ресурсов экономического роста. Начиная с марта 2014 г., правительство Японии в рамках структурных реформ реализует программу создания специальных стратегических зон, в которых будет активно осуществляться экономическое deregулирование или «преодоление барьеров регулирования».

¹⁰ В 2018 г. администрации 23 из 47 префектур планировали в перспективе увеличить размер минимальной оплаты труда даже выше рекомендованного советом. За счёт этого они стремятся предотвратить отток рабочей силы из сельских поселений, которые преобладают в этих префектурах, в регионы с большим промышленным потенциалом, в которых заработка плата на промышленных предприятиях существенно выше, чем на аграрных территориях.

¹¹ Указывается также, что заработка плата занятых по уходу за детьми увеличивается с 2017 фин. г. на 6 тыс. иен в месяц, а занятых по уходу за престарелыми – на 10 тыс. иен. Вопрос, однако, состоит в том, достаточно ли этого повышения для того, чтобы привлечь людей в сферу, которая давно страдает от хронической нехватки работников из-за низкой заработной платы, которая на 100 тыс. иен ниже, чем в среднем по промышленности.

Смягчение ограничений для ведения бизнеса должно, по мнению правительства, сформировать более благоприятный бизнес-климат.

На первом этапе было объявлено о 6 локациях, формируемых в разных по уровню развития, экономической специализации и социальной ситуации регионах¹². Специальная зона Токио, с включением кроме столичного региона района Нарита, префектур Тиба и Канагава, решает задачи, связанные с улучшением делового климата, привлечением инвестиций и специалистов из-за рубежа, формированием «глобального центра инноваций». Это будет осуществляться с использованием механизмов стимулирования развития здесь новых видов бизнеса, в т. ч. высокотехнологичных стартапов. Аналогичные задачи поставлены перед специальной стратегической зоной из района Осака с префектурой Хёго и частью префектуры Киото, однако здесь приоритетной объявлена деятельность в сфере здравоохранения и медицинских инноваций¹³.

В этих зонах предполагается значительно смягчить ограничения для деятельности иностранных граждан, в т. ч. разрешить врачебную практику иностранным медицинским специалистам, создать международные школы. Важным элементом в реализации этих планов является разработка программы строительства новой городской инфраструктуры, включающая строительство зданий повышенной вместимости за счёт сноса устаревших сооружений, создание эффективной системы скоростного транспорта. Для этого предполагается активно привлекать частный капитал и новые технологии управления. На реализацию этой программы предполагается израсходовать за 10 лет 12 трлн иен (117,6 млрд долл.). За счёт этого, по мнению С. Абэ, в Японии можно создать мощный международный центр финансово-экономической и образовательной деятельности. Перед другими специальными зонами ставятся более скромные по масштабам задачи, однако в каждой из них предполагается существенная либерализация регламентов экономической деятельности в тех или иных сферах¹⁴.

Разумеется, и первое, и второе направления, дополняющие исходную версию «Абэномики», ориентированы на получение эффектов в долгосрочной перспективе. Каким будет продолжение реформ, будут ли они успешны или станут впоследствии одной из страниц в описании неудачных макроэкономических опытов – один из главных вопросов для современной Японии.

¹² Две из них располагаются в традиционных центрах экономической активности Японии – Токио и Осаке. Создание в крупных столичных агломерациях специальных стратегических зон для международного бизнеса ориентировано на привлечение в Японию со всего мира самых передовых технологий, квалифицированных специалистов и инвестиций.

¹³ Предполагается за счёт использования имеющихся достижений мирового уровня в медицинской науке университетов и исследовательских центров Осаки, Киото и Кобэ, привлечения на работу высококвалифицированных зарубежных специалистов, снятие 16 видов институциональных ограничений создать в регионе Кансай мировой центр высокотехнологичной медицины.

¹⁴ Так, в г. Нигата и в г. Ябу отрабатываются механизмы крупномасштабных реформ в сельскохозяйственном производстве, включая революционное для Японии снятие ограничений на продажу сельскохозяйственных земель, смягчение условий для концентрации земельных ресурсов и создания на этой основе крупных сельскохозяйственных производителей. В г. Фукуока – инновации в сфере занятости и в организации венчурного бизнеса. На Окинаве специальная зона ориентирована на превращение острова в центр международного туризма, включая медицинский. Сами зоны носят экспериментальный характер, но получение в них позитивных результатов, безусловно, создаст платформу для широкомасштабных институциональных реформ, тиражирования отработанных в специальных стратегических зонах моделей развития.

Безусловно, в настоящее время японская экономика получила за счёт реализации программ реформирования позитивные сдвиги по ряду важных направлений: преодолению дефляции, оптимизации курсовой политики, повышению за счёт этого конкурентоспособности на международных рынках; росту жизненного уровня населения.

Сложившийся порядок мягкой имплементации политики «Абэномики» показал свою успешность в плане реформирования японской экономики. При этом политика прошлых лет предложила правильные решения для исправления накопившихся в стране проблем. Прежде всего, она означала коренной поворот в экономической политике как по отношению к бизнесу, так и к домохозяйствам¹⁵. По нашему мнению, в дальнейшем высока вероятность реализации новой версии – «Абэномики 2.0», т.е. продвижения по избранному пути, расширения и углубления реализуемых программ реформирования.

Текущая экономическая политика сфокусирована на создании благосостояния, что создаёт новые возможности для перераспределения доходов. Экономика Японии устойчиво двигалась к оздоровлению на протяжении последних семи лет (2012–2018 фин. гг.). Движение в этом направлении продолжается несмотря на наличие некоторых неопределённостей во внешнеполитических делах, в частности, в отношениях с Китаем и США. Благодаря «Абэномике» доходы корпораций (уже на первом этапе этой политики) достигли рекордных показателей и было создано свыше 2 млн новых рабочих мест. За 2012–2018 фин. гг. прибыль корпораций (до вычета налогов) выросла с 39,7 до 81,8 трлн иен, что является рекордом в послевоенной истории Японии. Превышение спроса на рабочую силу над её предложением свидетельствует о хорошем состоянии рынка труда. За время проведения политики «Абэномики» численность занятых выросла на 3,8 млн человек (с 62,8 до 66,6 млн.) Важно то, что рост занятости происходил, прежде всего, за счёт женского населения страны¹⁶. Наконец, самым большим достижением экономической политики С. Абэ стал рекордный рост показателей фондового рынка. Также был отмечен существенный рост налоговых поступлений (до 59,1 трлн иен в 2018 фин. г.), низкий уровень безработицы (2,4 %) и умеренный рост номинального ВВП.

Однако, эти успехи пока не носят долгосрочного характера. Очевидно, что справедливы те критики «Абэномики» (например, эксперты МВФ), которые считают, что у проводимой правительством политики реформ имеются значительные риски, как внутри страны, так и за её пределами, указывают на существование потенциально неблагоприятных сценариев развития, не исключая вероятность признания «Абэномики» ошибкой. Аналогичная идея содержится в ряде аналитических работ. Так, один из японских экспертов заявляет: «Необходимо начать трезво оценить действительность, без этого у нашей страны нет будущего» [Акаси Дзюмпэй, с. 23].

¹⁵ Когда корпорации под нажимом сверху были вынуждены осуществлять программу перераспределения доходов в отсутствие соответствующей стратегии роста, их финансовое положение только ухудшалось, в результате чего доходы домохозяйств снижались, а экономика стагнировала. Проблема заключалась в том, что японские корпорации страдали от высокого обменного курса иены, от отсутствия практики ведения свободной торговли, от жёстких требований по охране окружающей среды, а также от высокого корпоративного налога. Это привело к тому, что они в массовом порядке переводили производство за границу. В результате промышленность непосредственно в Японии серьёзно пострадала. Кроме того, существовала проблема неэффективности энергетической политики, роста энерготарифов. На экономику существенно влияло ухудшение отношений с ключевыми торговыми партнёрами, такими как Китай.

¹⁶ За 2012–2018 гг.. занятость среди женщин возросла на рекордные 2,9 млн человек (с 26,6 до 29,5 млн.).

В числе наиболее значимых внутренних рисков называют нехватку рабочей силы. В результате те компании, которые ориентированы на внутренний рынок, сталкиваются с проблемой пересмотра своих бизнес-моделей [Итикава Сэнъити, с. 127]. Большие опасения вызывает уже состоявшееся повышение ставки потребительского налога до 10 %, которое с большой вероятностью может замедлить темпы роста. Отметим, что в прошлом премьер-министр дважды откладывал это повышение из-за высоких рисков. Ещё одним значительным потенциальным риском для экономики является продолжение политики количественного и качественного смягчения Банка Японии [Итикава Сэнъити, с. 237].

Время ответа на эти риски для правительства С. Абэ крайне ограничено. Для достижения новых результатов у премьер-министра есть срок до 2021 г., когда он должен оставить свой пост. Возможно, это время будет использовано им для конструирования уже новой версии «Абэномики 2.0», позволяющей преодолеть негативные тенденции. Возможно, вопросы создания новой модели для японской экономики перейдут в ведение нового реформатора. Но то, что экономическая модель С. Абэ стала ярким примером политики реформирования, применённой в одной из крупнейших экономик мира, не вызывает сомнения, и «Абэномика» будет ещё долго изучаться специалистами и практиками разных стран, занимающимися разработкой и проведением экономической политики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абэномикусу. Сэйка то кадай : [Абэномика. Результаты и задачи] / под ред. Ютака Харада. Токио: Тюо кэйдзай, 2014.

Акаси Дзюнпэй. Абэномикусу ни ёросику : [Приветствуем абэномику]. Токио, Издательство «Сюэйся», 2017.

Белов А.В. Япония: экономика и бизнес. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2017. 383 с.

Бутуханов А.В., Попов Д.А., Рензин О.М. Институциональные аспекты промышленной политики Японии. Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2006. 120 с.

Вакатабэ Масадзуми. Абэномикусу кайбай : [Анатомия абэномики]. Токио: Нихон кэйдзай симбунся, 2013.

Итикава Сэнъити. Аната ва абэномикусу дэ сиавасэ ни нарэру ка : [Будете ли вы счастливы благодаря абэномике?]. Токио: Нихон кэйдзай симбун, 2017.

Ковригин Е.Б. Геополитическая история Японии. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2018. 155 с.

Лебедева И.П. Япония: проблемы занятости пожилых работников // Японские исследования. 2018. № 4. С. 60–77. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10028

Лебедева И.П. Японский рынок труда в XXI веке. Экономические и социальные проблемы // М., Институт востоковедения РАН, 2019. 314 с.

Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М.: Изд-во ГУ-ВШЭ, 2010. 256 с.

Полтерович В.М. Элементы теории реформ. М.: Экономика, 2007. 447 с.

Рябов А.В. Переформатирование системы международных отношений в Тихоокеанской Азии: векторы и динамика изменений (часть II) // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 1. С. 112–122.

Стрельцов Д.В. Попадут ли «стрелы» «абэномики в цель»? // Азия и Африка сегодня. 2014. № 4. С. 2–5.

Стрельцов Д.В., Чугров С.В., Симотомаи Н., Леонтьева Е.Л. Мир. Вызовы глобального кризиса. Япония // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 9. С. 76–91.

Швыдко В.Г. «Абэномика»: смена концепции // Японские исследования. 2019. № 2. С. 95–108. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10013

Basic Policy on Economic and Fiscal Management and Reform 2016 (Jun. 2, 2016). URL: http://www5.cao.go.jp/keizai-shimon/kaigi/cabinet/2016/2016_basicpolicies_en.pdf (дата обращения: 20.06.2019).

Bosworth B., Burtless G., Zhang K. Later Retirement. Inequality in Old Age. and the Growing Gap in Longevity Between Rich and Poor. Brookings Institution, Washington, DC. 2016.

Cabinet Office, Annual Report on the Aging Society, Tokyo, 2018. URL: http://www8.cao.go.jp/kourei/english/annualreport/2018/2018pdf_e.html (дата обращения: 20.08.2019).

Cabinet Office, Basic Policy on Economic and Fiscal Management and Reform 2018 (June), Tokyo, 2019. URL: <http://www5.cao.go.jp/keizai1/basicpolicies-e.html> (дата обращения: 20.08.2019).

Cabinet Office, Economic and Fiscal Projections for Medium to Long Term Analysis (January), Tokyo, 2019. URL: <http://www5.cao.go.jp/keizai3/projection-e.html> (дата обращения: 20.08.2019).

Gratton L., Scott A. The 100-Year Life, Bloomsbury Information, London. 2017.

“Growth Strategy 2016” toward nominal GDP 600 trillion yen. URL: http://www.kantei.go.jp/jp/singi/keizaisaisei/pdf/gdp_2016gaiyou_en.pdf (дата обращения: 20.06.2019).

Japan Revitalization Strategy 2016. URL: http://www.kantei.go.jp/jp/singi/keizaisaisei/pdf/2016_zentaihombun_en.pdf (дата обращения: 20.06.2019).

Japan Statistical Yearbook 2019. Statistics Bureau. URL: <http://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/68nenkan/index.html> (дата обращения: 20.09.2019).

OECD Economic Surveys: Japan 2019, OECD Publishing, Paris. URL: <http://doi.org/10.1787/fd63f374-en> (дата обращения: 20.06.2019).

The Japan’s Plan for Dynamic Engagement of All Citizens (Jun. 2, 2016). URL: http://japan.kantei.go.jp/97_abe/Documents/2016/_icsFiles/afieldfile/2016/06/02/jpnplnde_en.pdf (дата обращения: 20.06.2019).

REFERENCES

Abenomikusu. Seika to kadai [Abenomics. Results and Objectives]. (2014). Ed. by Yutaka Harada, Tokyo: Chuo Keizai Publishing. (In Japanese).

Akashi, Junpei (2017). Abenomikusu ni yoroshiku [Welcome Abenomics]. Tokyo: Shueisha Publishing House. (In Japanese).

Basic Policy on Economic and Fiscal Management and Reform 2016 (Jun. 2, 2016). URL: http://www5.cao.go.jp/keizai-shimon/kaigi/cabinet/2016/2016_basicpolicies_en.pdf (accessed: 20 June 2019).

- Belov, A.B. (2017). Yaponiya: ekonomika i biznes [Japan: Economy and Business]. Saint-Petersburg: Saint-Petersburg University Publishing. (In Russian).
- Bosworth, B., Burtless G., Zhang K. (2016). Later Retirement. Inequality in Old Age. and the Growing Gap in Longevity Between Rich and Poor, Washington, D.C.: Brookings Institution.
- Butukhanov, A.V., Popov, D.A., Renzin, O.M. (2006). Institutsional'nye aspekty promyshlennoy politiki v Yaponii [Institutional aspects of industrial policy in Japan], Khabarovsk: RIC HGAEP. (In Russian).
- Cabinet Office (2018). Annual Report on the Aging Society, Tokyo. URL: http://www8.cao.go.jp/kourei/english/annualreport/2018/2018pdf_e.html (accessed: 20 August 2019).
- Cabinet Office (2019). Basic Policy on Economic and Fiscal Management and Reform 2018 (June), Tokyo. URL: <http://www5.cao.go.jp/keizai1/basicpolicies-e.html> (accessed: 20 August 2019).
- Cabinet Office (2019). Economic and Fiscal Projections for Medium to Long Term Analysis (January), Tokyo. URL: <http://www5.cao.go.jp/keizai3/projection-e.html> (accessed: 20 August 2019).
- Gratton, L., Scott, A. (2017). The 100-Year Life, London: Bloomsbury Information.
- “Growth Strategy 2016” toward nominal GDP 600 trillion yen. URL: http://www.kantei.go.jp/jp/singi/keizaisaisei/pdf/gdp_2016gaiyou_en.pdf (accessed: 20 June 2019).
- Ichikawa, Sen'ichi (2017). Anata wa abenomikusu de siwase ni nareru ka [Will You Be Happy Thanks to Abenomics?], Tokyo: Nihon Keizai Shimbun Publishing House. (In Japanese).
- Japan Revitalization Strategy 2016. URL: http://www.kantei.go.jp/jp/singi/keizaisaisei/pdf/2016_zentaihombun_en.pdf (accessed: 20 June 2019).
- Japan Statistical Yearbook 2019. Statistics Bureau. URL: <http://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/68nenkan/index.html> (accessed: 20 September 2019).
- Kovrigin, E.B. (2018). Geopoliticheskaya istoriya Yaponii [Geopolitical History of Japan], Khabarovsk, ERI FEB RAS. (In Russian).
- Lebedeva, I.P. (2018). Yaponiya: problemy zanyatosti pozhilikh rabotnikov [Japan: the problems of employment of elderly workers], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2018, 4: 60–77. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10028
- Masazumi, Wakatabe (2013). Abenomikusu kaibai [Anatomy of Abenomics], Tokyo: Nihon Keizai Simbunsha Publishing. (In Japanese).
- Nort, D. (2010). Ponimaniye protsessa ekonomicheskikh izmeneniy [Understanding the process of economic change], Moscow: HSE. (In Russian).
- OECD (2019). OECD Economic Surveys: Japan 2019, Paris: OECD Publishing. URL: <http://doi.org/10.1787/fd63f374-en> (accessed: 20 June 2019).
- Polterovich, V.M. (2007). Elementy teorii reform [Elements of reform theory], Moscow: Ekonomika. (In Russian).
- Ryabov, A.V. (2019). Pereformatirovaniye sistemy mezhdunarodnykh otnosheniy v Tikhookeanskoy Azii: vektory i dinamika izmeneniy (chast 2) [Reformatting the System of International Relations in Pacific Asia: Vectors and Dynamics of Changes (Part II)], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International relations], 1: 112–122. (In Russian).
- Shvydko, V.G. (2019). “Abenomika”: smena kontseptsii [“Abenomics”: a change in the concept], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2019, 2: 95–108. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10013

Streltsov, D.V., Chugrov, S.V., Shimotomai, N., Leonteva, E.L. (2013) Mir. Vyzovy global'nogo krizisa. Yaponiya [World. Challenges of Global Crisis. Japan], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 9: 76-91. (In Russian).

Streltsov, D.V. (2014). Popadut li strel'y Abenomiki v tsel? [Will the Arrows of Abenomics Reach the Target?], *Aziya I Afrika Segodnya* [Asia and Africa Today], 4: 2-5. (In Russian).

The Japan's Plan for Dynamic Engagement of All Citizens (Jun. 2, 2016). URL: http://japan.kantei.go.jp/97_abe/Documents/2016/_icsFiles/afieldfile/2016/06/02/jpnplnde_en.pdf (accessed: 20 June 2019).

Поступила в редакцию 03.10.2020

Received 3 October 2020

Для цитирования: Рензин О.М., Суслов Д.В. Экономическая динамика в Японии: детализация институциональных контуров политики «Абэномики» // Японские исследования. 2020. № 1. С. 85–105. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10005

For citation: Renzin O.M., Suslov D.V. (2020). Ekonomicheskaya dinamika v Yaponii: detalizatsiya institutsional'nykh konturov politiki "Abenomiki" [Economic dynamics in Japan: detailing of the Abenomics policy institutional outlines], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2020, 1: 85–105. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10005

Японские исследования. 2020. № 1. С. 106–129.

Japanese Studies in Russia, 2020, 1, pp. 106–129.

DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10006

История токийских Олимпиад в XX веке¹

А.Н. Мещеряков

Аннотация. Спорт занимал важное место в идеологических конструкциях Японии как в довоенное, так и в послевоенное время. В XX веке Токио дважды подавал заявки на проведение летних Олимпиад. Первая из них (1940 г.) не состоялась, вторая (1964 г.) стала первой Олимпиадой, которая была проведена вне пределов Европы и Америки. Процесс выдвижения токийской кандидатуры и ход подготовки проливают дополнительный свет на особенности политической и культурной ситуации в довоенной и послевоенной Японии. Сравнительный анализ двух олимпиад позволяет оценить тот огромный путь, который проделала Япония за четверть века. За это время Японии удалось отказаться от довоенного тоталитарного прошлого и прийти к радикально другому пониманию своего места в мире.

Олимпиада по своей сути является инструментом мира и «мягкой силы», что вошло в драматическое противоречие с господствующими настроениями в довоенной политической эlite, которая сделала ставку на силу «грубую», и это привело в результате к отказу от проведения Олимпиады 1940 года. В нынешней Японии эти несостоявшиеся игры принято именовать «олимпиадой-призраком» (*мабороси-но оримпикку*). Вместо «настоящей» Олимпиады в том же 1940 г. состоялись Дальневосточные игры, которые неофициально называли «Азиатской Олимпиадой». В послевоенное время Япония стала мирной страной, и все её упования были связаны с «мягкой силой». Такая ориентация обеспечила успешное проведение Олимпиады 1964 года, что позволило японцам существенно повысить самооценку и международный престиж страны. В последующее время государственное внимание к спорту высших достижений ослабевает и повышение престижа страны обеспечивается прежде всего с помощью развития экономики и науки, повышения жизненного уровня, пропаганды культурных достижений. Ставка на «мягкую» силу оказалась намного более действенной для обеспечения достойного места Японии в мире.

Ключевые слова: Токийская Олимпиада 1940 года, токийская Олимпиада 1964 года, МОК, 2600-летний юбилей империи, Нагата Хидэдзиро, Коно Итиро, Кано Дзигоро, Мисима Юкио, Соно Аяко.

Автор: Мещеряков Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор Института классического Востока и античности, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – НИУ ВШЭ (адрес: 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20). E-mail: meshtorop@yahoo.com

¹ Автор выражает глубокую признательность А.М. Горбылёву за помощь в сборе материалов для написания этой статьи.

The history of Tokyo Olympic Games in the 20th century

A.N. Meshcheryakov

Abstract. Sport occupied an important place in the ideological speculations of Japan both in the pre-war and post-war periods. In the twentieth century, Tokyo twice successfully applied for the Summer Olympics. However, the Japanese government refused to support the 1940 Olympics and it did not take place. The Tokyo Olympics of 1964 won full support of the government and became the first Olympics to be held outside of Europe and America. The process of Tokyo nomination and the preparation for the Olympics sheds additional light on the political and cultural situation in pre-war and post-war Japan. A comparative analysis of the two Olympics allows us to evaluate the way that Japan had walked during the quarter of a century. During this time, Japan managed to abandon its pre-war totalitarian past and come to a radically different understanding of its place in the world.

The Olympics is inherently an instrument of “soft power”, which has come into dramatic conflict with the prevailing sentiments in the pre-war political elite, who relied on “brute force”, and this led to the refusal to hold the 1940 Olympics. In present-day Japan, these failed games are commonly referred to as the “Ghost Olympics” (*maboroshi no orinpikku*). Instead of the “true” Olympics, the Far Eastern Games (which were informally called the “Asian Olympics”) were held in 1940. In the post-war period, Japan became a peaceful country, and all her hopes were associated with “soft power”. This policy allowed Japan to host the 1964 Olympics successfully and it increased country's self-esteem and international prestige. After the 1964 Olympics, the government's attention to the sport of higher achievements has been weakened and the country's prestige has been enhanced primarily through the development of the economy and science, the improvement of living standards, and the promotion of cultural achievements. The bet on soft power proved to be much more effective in ensuring Japan's rightful place in the world.

Keywords: Tokyo Olympic Games of 1940, Tokyo Olympic Games of 1964, IOC, 2600-th anniversary of Japanese Empire, Nagata Hidejiro, Kono Ichiro, Kano Jigoro, Mishima Yukio, Sono Ayko.

Author: Meshcheryakov Alexander N., Doctor of Sciences (History), Professor, Institute of the Classical East and Antiquity, National research university “Higher school of economics” – HSE University (address: 20, Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation). E-mail: meshtorop@yahoo.com

В XX веке Токио дважды подавал заявки на проведение летних Олимпиад. Первая из них (1940 г.) не состоялась, вторая (1964 г.) была успешно проведена. Для Японии это были чрезвычайно важные события, которые являлись отражением глубинных историко-культурных процессов. В отечественной историографии отсутствуют специальные исследования, посвящённые токийским олимпиадам как социокультурному феномену. Хотя их и не так много, но в японской гуманитарной науке такие работы имеются, однако каждая олимпиада рассматривается как изолированное явление, то есть в них отсутствует «сквозной» подход, когда две олимпиады рассматриваются как составляющие одного и того же исторического процесса. Данная статья ставит перед собой именно такую задачу: анализ различий в историческом фоне времени подготовки двух олимпиад, а также демонстрация политической и культурной преемственности этих событий. Такой подход позволяет пролить дополнительный свет на особенности политической и культурной ситуации в довоенной и послевоенной Японии, сравнительный анализ двух олимпиад помогает оценить тот огромный путь, который проделала Япония за четверть века.

Несостоявшаяся Олимпиада 1940 года в Токио: планы, оказавшиеся вне Игры

В декабре 1930 г. мэр Токио Нагата Хидэдзиро (1876–1943) объявил, что город хочет выставить свою кандидатуру на проведение XII летних Олимпийских игр в 1940 г. Цель была обозначена предельно чётко: показать миру «истинный» облик Японии, её культуру. В 1929 г. Нагата совершил кругосветное путешествие и убедился, насколько плохо иностранцы знают Японию. Политическая подоплётка предполагавшейся токийской олимпиады была известна изначально: она рассматривалась не как самодостаточное спортивное мероприятие, а как одно из звеньев грандиозного празднования – в 1940 г. стране предстояло отметить 2600-летнюю годовщину основания империи. Именно столько лет назад легендарный первоимператор Дзимму якобы взошёл на престол, что делало современную Японию самой древней монархией в мире. Западный мир жил по времени Христа, Япония предпочитала жить по времени Дзимму. Для официального летоисчисления использовались две шкалы: такой-то год интронизации Дзимму и девиз правления нынешнего императора. Помимо Олимпиады, другим крупнейшим международным форумом предстояло стать Всемирной выставке, перед организаторами которой ставились те же самые задачи, что и перед Олимпиадой. До этого времени власти Токио подумывали о проведении Всемирной выставки в 1935 г., но теперь мэр заявил, что целесообразно отложить её до юбилейного 1940 г.

В своих выступлениях Нагата напирал на то, что это будут первые Олимпийские игры в Азии – самом большом и самом населённом континенте, а это придаст Играм действительно вселенский размах. Этот аргумент обладал большой притягательной силой для членов Международного олимпийского комитета (МОК), которые и определяли, где следует провести Олимпиаду.

Многие видные деятели поначалу посчитали, что Олимпиада городу не под силу. В их числе были члены МОК Кано Дзигоро (1860–1938) и Киси Сэйити (1867–1933). Столица сильно обновилась в результате огромных восстановительных работ, которые были предприняты после катастрофического землетрясения 1923 г., но всё-таки возможности Токио по сравнению с европейскими или американскими городами казались ограниченными. В 1930 г. Японию посетили всего 13 тыс. иностранцев. В городе было недостаточно спортивных сооружений и европейских отелей, он был расположен далеко от Европы и Америки, переводчиков не хватало, а сами токийцы предпочитали общаться по-японски. Тем не менее, городские власти рассчитывали, что в 1940 г. Японию посетят 100 тысяч иностранных путешественников, каждый из которых принесёт стране тысячу иен (500 долл.) [Хасимото, 2014, с. 49]. В истории Японии ещё не случалось таких масштабных международных форумов.

Нагата Хидэдзиро был не только мэром, но и довольно известным сочинителем хайку, которые он публиковал под псевдонимом «Зелёный ветер». Он вообще любил цветистый дискурс. В 1922 г. он писал: «Прекрасные цветы нашей государственности (*кокутай*) укоренились в груди нашего народа, в которой будто веет благодатным весенным ветром и сияет омытая дождем луна» [Хара, 2008, с. 49]. Поэтическое воображение, вероятно, влияло и на всю его деятельность – он выдвинул «немыслимую» идею, усвоить которую были готовы далеко не все. Мир захлестнула великая экономическая депрессия, никто не знал, что делать сейчас, а мэр рассуждал о том, что будет через десять лет.

Разговоры о прибылях были утопией. Вплоть до 1984 г., когда состоялась Олимпиада в Лос-Анджелесе, проведение этих спортивных форумов не приносило дохода. К участию в олимпиадах допускались только любители, на коммерческие проекты, связанные с олимпиадами, имелись серьёзные ограничения. В руководстве олимпийского движения преобладали аристократы, которые не нуждались в деньгах, или же делали вид, что они им не нужны. Так что желание принять Олимпиаду имело прежде всего идейные коннотации. В самом начале олимпийское движение, вдохновляемое идеями своего основателя барона Пьера де Кубертена (1863–1937), считало спорт занятием, которое способно преодолевать границы и сближать народы. То есть бескорыстно предполагалось, что олимпиады могут улучшить мир. Однако с течением времени всё большую роль стали играть политические соображения, тезис Кубертена о том, что участие важнее победы, демонстрировал свою нежизнеспособность, всюду в мире жадно считали, сколько золота, серебра и бронзы привезли домой спортсмены своей стране. Японский истеблишмент тоже чутко уловил, что олимпиаду можно использовать «не по назначению» – совершенно не в тех целях, о которых говорил Кубертен, который являлся уже не президентом МОК, а «почётным президентом», то есть отошёл от активной деятельности и передал своё детище в другие руки.

Пополнования придать олимпиадам патриотический характер наблюдались в Японии и ранее. Так, перед парижской Олимпиадой 1924 года принц Титибу вручил японской команде (состояла из 18 спортсменов) национальный флаг. Начиная с Олимпиады 1928 года (Амстердам) в честь победителей стали исполнять национальный гимн и поднимать национальный флаг. Первые олимпиады были соревнованиями индивидов, но теперь Игры стали всё больше восприниматься как состязание между странами. В 1932 г., когда состоялись Игры в Лос-Анджелесе, эта тенденция проявилась с полной силой. 11 февраля 1932 г. министр просвещения Хатояма Итиро (1883–1959) выступил по новомодному радио, в котором привычно подчеркнул уникальность и непрерывность японской правящей династии. Одновременно он отметил, что дух страны и дух олимпизма идентичны: это мужество, доброта и справедливость [Collins, 2003, p. 46–47]. Император Сёва пожертвовал из своего кармана 10 тыс. иен на посылку японской команды в далёкую Америку. На эти деньги 131 спортсмену пошили форму. Как и в давние времена, император жаловал своих подданных одеждой, что воспринималось как огромная честь [Мещеряков, 2003]. Добровольные пожертвования на посылку делегации составили 200 тыс., 100 тыс. добавил парламент.

Японская пресса отказалась от более-менее нейтральных описаний спортивных состязаний на Олимпиаде 1932 года, представляя её как арену, на которой 39 стран борются за превосходство. Сами японские спортсмены заявляли, что сражаются за славу Японии и готовы умереть, если посрамят национальный флаг [Collins, 2003, p. 57]. Олимпийские игры, задуманные как торжество мирных намерений, превращались в свою противоположность – арену сражений между командами-государствами.

На Олимпиаде 1932 года японские спортсмены завоевали 18 медалей (из них семь золотых). Это был первый большой успех японского спорта. Предыдущие Игры в Амстердаме принесли только пять. Правда, до американского континента добрались далеко не все европейские атлеты – спорт ещё не стал окончательно делом государственной важности и оплатить дальнюю дорогу сумели далеко не все. И если в Амстердаме выступали 3014 спортсменов, то в Лос-Анджелесе – только 1334 [Суник, 2013, с. 217–218]. Тем не

менее, встречали японскую команду на родине с триумфом, хотя до победителей – американцев – им оставалось очень далеко. Они-то добыли 105 медалей (из них 41 золотую). Отстала Япония и от Италии, Франции и Швеции. Тем не менее, прессы преподносила выступление команды как грандиозный успех, который позволил несколько приглушить антияпонский настрой, проявившийся в мире в связи с тем, что в 1931 г. японские войска вторглись в Маньчжурию, где было образовано «независимое» государства Маньчжоуго, которое находилось под полным контролем Японии. Поскольку слишком многие страны осуждали японскую агрессию, в 1933 г. Япония вышла из Лиги Наций – организации, одним из соучредителей которой она являлась. Тогда в Японии заговорили о том, что спорт является «народной дипломатией». Такая дипломатия обращала на себя особенное внимание, поскольку привычная дипломатия потерпела крах. С помощью «народной дипломатии» официальная Япония рассчитывала поднять престиж страны. После окончания Олимпиады 1932 года консул в Лос-Анджелесе Сато Хаято отбил телеграмму в родной МИД. Трезво отметив, что Япония не может соревноваться с Америкой в богатстве, он продолжал: «Наилучшее средство заставить американцев понять, что представляет собой настоящая Япония, – это победить Америку и продемонстрировать ей истинную мощь японцев. Рациональное убеждение здесь бессильно. Американцы впервые почувствовали мощь японцев, когда во время Олимпиады перед десятками тысяч зрителей флаг с восходящим солнцем поднялся на главном флагштоке и прозвучал наш гимн» [Collins, 2003, p. 65].

Японские спортсмены произвели впечатление не только на коренных американцев, но и на японскую диаспору, бурно поддерживавшую своих бывших соотечественников – в Калифорнии проживало немало японских эмигрантов. Во время той Олимпиады впервые велись радиотрансляции, так что и в самой Японии ощущался «эффект присутствия».

Восхищение вызывали не только победы японских спортсменов, но и их поражения. В финальном забеге на пять тысяч метров выступал Такэнака Сёитиро. К концу дистанции он отстал на целый круг, и когда основная группа нагнала его, вежливо уступил дорожку. Зрители и прессы хвалили его как за джентльменско-самурайский поступок, так и за то, что, несмотря на крайнюю усталость, он все-таки сумел закончить дистанцию [Хасимото, 2014, с. 39–40]. Сато Хаято находил, что выступления японских атлетов, в отличие от представителей некоторых других стран, отличал истинный олимпийский дух [Хатано, 2004, с. 50].

Состязались не только спортсмены, но и спортивные деятели. 30 июля 1932 г. на сессии МОК в Лос-Анджелесе Кано Дзигоро официально озвучил желание Токио принять XII Олимпиаду. Кроме Токио, заявки подали Александрия, Барселона, Будапешт, Буэнос-Айрес, Дублин, Милан, Монреаль, Торонто, Рим, Рио-де-Жанейро, Хельсинки. За исключением Рима, Токио и Хельсинки, другие кандидаты быстро выбыли из гонки. Мало кто верил в конкурентоспособность Токио. Основным претендентом считался Рим. В его пользу свидетельствовали и транспортная доступность для европейцев, и «природная» несправедливость, которая должна была быть устраниена. Дело в том, что Олимпиаду 1908 года предполагалось провести в Риме, но из-за разрушений, вызванных сильнейшим извержением Везувия в 1906 г., Игры пришлось перенести в Лондон.

Образование Маньчжоуго наделало много вреда Японии и способствовало её международной изоляции, в том числе и в спорте. История Дальневосточных игр ведёт отсчёт с 1913 г., где основными участниками были Япония, Китай и Филиппины, игры проводились с периодичностью в два года. Спортивная ассоциация великой Японии

(*Дайниппон тайику кёкай*) потребовала допустить на Игры в Маниле 1934 г. команду Маньчжоуго, но это вызвало резкое недовольство Китая, у которого отняли Маньчжурию. Компромисса достичь не удалось и манильские игры стали последними. Тем важнее казалась задача по привлечению международного спорта в Японию.

Муниципалитет Токио, спортивные и государственные деятели развили кипучую деятельность по агитации за японскую столицу, что предполагало длительные разъезды – изматывающие морские путешествия. Япония была страной геронтократической, её спортивные функционеры были уже немолоды. По дороге из Вены, где в мае 1933 г. проводилась сессия Международного олимпийского комитета, на корабле от приступа астмы скончался член МОК Киси Сэйити.

Ключевыми аргументами в пользу Токио были следующие: впервые Игры будут проведены за пределами Европы или США; Япония представляет собой уникальное сочетание традиции и прогресса; празднование 2600-летнего юбилея империи привлечёт в Токио огромное число людей, которые смогут приобщиться к спорту. Опыт Игр в Лос-Анджелесе показал, что транспортные расходы способны остановить многих спортсменов. Однако Токио пообещал выделить миллион иен в качестве транспортного пособия – беспрецедентное решение в истории олимпиад. Тем не менее, шансы Рима котировались выше, и тогда члены МОК от Японии Сугимура Ётаро (1884–1939) и Соэдзима Митимаса (1871–1948) добились встречи с самим Муссолини. Она была назначена на 16 января 1935 г. Соэдзима чувствовал себя дурно и упал в обморок прямо в приёмной. Муссолини сказал Сугимура, что его коллеге следовало поберечь себя и не являться на встречу, на что Сугимура ответил: Соэдзима всегда держит своё слово. Муссолини восхищённо воскликнул: «Самурай!». 8 февраля поправившийся Соэдзима пообещал Муссолини, что если Олимпиада будет проведена в Токио, то это поспособствует сближению Востока и Запада и миру во всём мире. Муссолини неожиданно согласился снять кандидатуру Рима в обмен на поддержку Японии Олимпиады в Италии в 1944 г. Соэдзима расценил «великодушие» Муссолини как прекрасное проявление духа бусидо [Хатано, 2004, с. 62].

Это было время тёплых отношений Японии с Италией и Германией – 25 ноября 1936 г. они заключили антикоминтерновский пакт. Представители муниципалитета Токио встречались и с Гитлером. Они подарили фюреру шёлковую накидку с гербами. Он обещал поддержать кандидатуру Токио. В «Майн кампф» Гитлер крайне презрительно отзывался о японцах: они преуспели только в подражательстве, их культура – лишь отражение света луны, а их единственное достоинство заключается в том, что им удалось избежать еврейского порабощения. Однако теперь, спустя 11 лет после публикации книги, японцы стали его добрыми друзьями. До прихода к власти Гитлер относился к олимпиадам как к еврейской затее, но потом сообразил, что их можно использовать в пропагандистских целях.

Муссолини не имел формального права распоряжаться олимпийской заявкой Рима. Итальянский НОК узнал о его решении задним числом, но слово премьера-диктатора оказалось решающим. Олимпиада стала к тому времени довольно громоздким мероприятием, и без государственной поддержки провести её было невозможно. Возмущался итальянский НОК, возмущались и многие члены Международного олимпийского комитета, ибо эта межгосударственная сделка (первая за историю олимпийского движения) ставила под сомнение авторитет МОК.

Для того, чтобы «подмаслить» МОК, Япония пригласила его президента, бельгийского графа Анри де Байе-Латура (1876–1942), в «частную поездку» по стране, в результате которой он вдруг стал решительно поддерживать кандидатуру Токио. При этом он принудил японскую сторону увеличить субсидию на транспорт для спортсменов до 1 млн 500 тыс. иен и гарантировать командировочные расходы для 200 функционеров МОК в размере 5 золотых долл. в день. Неизвестно, получил ли он сам какую-то финансовую благодарность за свои труды. Байе-Латур прибыл в Японию сразу после мятежа младоофицеров 26 февраля 1936 г., когда те убили нескольких высокопоставленных деятелей. В Токио было объявлено военное положение. Тем не менее, Байе-Латур настаивал, что Япония в состоянии провести прекрасную Олимпиаду, отвечающую всем требованиям по организации и безопасности. Более того, он допустил даже возможность участия в Олимпиаде делегации Маньчжоуго, о чём мечтали оставшиеся в живых японские политики [Хасимото, 2014, с. 103].

На сессии, проведённой во время берлинской Олимпиады, выбор стоял между Токио и Хельсинки. Токио победил со счётом 36 на 27. Муниципалитет Токио роздал ликующим горожанам 10 тыс. национальных флагов, устроил салют, три самолёта разбросали 200 тыс. листовок. Пресса преподносila выбор Токио как «победу», и мало кто обращал внимание на то, что военный термин противоречит олимпийским идеалам.

На берлинской сессии МОК было также принято решение о проведении зимней Олимпиады 1940 года в Саппоро. Следует при этом иметь в виду, что зимние олимпиады в то время рассматривались лишь как дополнение к летним. Они проводились с 1924 г. (в тот же год, что и летние, обычно – в одной и той же стране). В летней берлинской олимпиаде принимали участие 3955 спортсменов из 49 стран, в зимней (Гармиш-Партенхиртен) – 646 из 28 стран. В любом случае Япония должна была принять в 1940 г. три крупнейших международных форума: всемирную выставку и обе Олимпиады.

В берлинской Олимпиаде участвовали четыре тысячи спортсменов из 49 стран. Она превратилась в грандиозное нацистское представление. Что до японской команды, то она завоевала 6 золотых медалей, то есть на одну меньше, чем в Лос-Анджелесе, несмотря на то, что численный состав команды был больше. Тем не менее газеты писали, что Япония опередила саму Великобританию! Тоталитаризм доказывал своё несомненное превосходство над демократией: Германия обошла Америку, а Италия – Францию. Пожалуй, это были первые Олимпийские игры, на которых командная победа стала цениться больше индивидуальной. Победа спортсмена представляла как триумф нации. По возвращении из Берлина японская делегация совершила паломничество в святилище Мэйдзи.

Однако успехи японских атлетов вызывали не только гордость. Двое корейских спортсменов принесли Японии две медали в марафоне – золотую и бронзовую. Но радость метрополии была омрачена: в Корее, присоединённой к Японии в 1910 г., эта победа была воспринята не столько как победа в международных Олимпийских играх, сколько как победа Кореи над Японией. Одна корейская газета опубликовала фотографию победителя с замазанным «солнечным кругом» на его майке. Выпуск газеты был приостановлен, но от олимпийской победы всё равно остался неприятный осадок.

После решения о проведении летней Олимпиады 1940 года в Токио, японский МИД поначалу взял курс на деполитизацию предстоящих Игр, определяя их цель как общение всемирной молодёжи, которое должно способствовать дружеским международным отношениям. Эта точка зрения полностью совпадала с генеральной линией МОК на

политическую нейтральность олимпийского движения. Однако уже 3 сентября 1936 г. министр просвещения Хирао Сабуро (1866–1945) выступил по радио. Он настаивал на том, что Олимпиаду следует использовать для внедрения в японский народ идей «пути самурая» (*бусидо*), объяснения западным странам того места, которое занимает Япония в мире, а именно: ей принадлежит ведущая роль, основанная на том, что все японцы до единого готовы пожертвовать собой на благо родины. И такое значимое и важное мероприятие нельзя превращать в шумный и весёлый праздник. В результате в Японии возобладал именно такой «серьёзный» курс.

Министерство просвещения обладало тогда большим аппаратным весом и выполняло приблизительно ту же роль, что и Министерство образования и пропаганды в нацистской Германии. Оргкомитет держался курса Хирао Сабуро, подчёркивая при этом, что целью Олимпиады являются не личные победы (которые так ценятся на «индивидуалистичном» Западе), а воспитание духа коллективизма, свойственного японцам [Хасимото, с. 142–143, 149–150]. Многие члены МОК роптали, что Япония отклоняется от олимпийской хартии, напоминали, что Олимпиаду получил город Токио, а не страна Япония, но в Японии думали по-другому. Всё чаще звучали голоса, что сама Олимпиада важна не сама по себе, а как возможность продемонстрировать загранице японскую культуру, под которой понимался прежде всего «японский дух», основанный на *бусидо*. Несмотря на требования МОК отделить Олимпиаду от государства, в оргкомитет были введены представители Министерства армии и Министерства просвещения, а председателем выбрали Токугава Иэсато (1863–1940) – бывшего главу верхней палаты японского парламента, потомка сёгунской династии.

Берлинская Олимпиада проводилась с грандиозным размахом. Хотя Япония была союзницей Германии по Антикоминтерновскому пакту, уступать было нельзя. Главный берлинский стадион вмещал 100 тыс. человек. В Токио предстояло возвести стадион вместимостью в 120 тыс. На берлинской Олимпиаде впервые велись телетрансляции в 28 общественных местах Берлина. Правда, трансляции не отличались хорошим изображением. В 1940 г. планировалось сильно улучшить качество сигнала, который должны были принимать устройства в 90 пунктах, расположенных в Токио, Осаке и Нагое.

Планы были грандиозными, но и проблем имелось немало. Предстоял огромный объём строительных работ. В Японии не культивировались многие виды спорта, которые входили в олимпийскую программу. Японские атлеты добивались хороших успехов в плавании, лёгкой атлетике и конном спорте, но развитие командных видов находилось либо на низком уровне, либо вообще «на нуле». Поэтому отсутствовала и соответствующая инфраструктура для проведения соревнований. В докладе оргкомитета указывалось, что Япония не имеет никакого опыта в проведении соревнований по стрельбе, фехтованию и современному пятиборью. Поэтому Спортивная ассоциация великой Японии высказала пожелание, чтобы эти виды спорта были исключены из программы. Утверждалось также, что если развивать западное фехтование, то это может нанести ущерб традиционному для Японии фехтованию на бамбуковых мечах (*кэндо*). Разумеется, МОК не мог пойти на такие уступки [Хасимото, 2014, с. 166–168]. Однако в программу были введены японские воинские единоборства (*будо*; непонятно, что конкретно имелось в виду) и популярный в Японии бейсбол. Фактом, однако, остаётся то, что многие японцы не хотели отдавать себе отчёта: право проводить Олимпиаду одновременно предполагает и множество не всегда приятных обязанностей.

Члены японского НОК плохо уживались и договаривались друг с другом, что вело к замедлению подготовки к Олимпиаде. Не помогло и назначение советника от МОК. Эту должность занял Вернер Клингеберг который участвовал в подготовке берлинской Олимпиады. Оргкомитет часто игнорировал его и даже не всегда приглашал на свои заседания. Однако Байе-Латур неизменно демонстрировал своё благорасположение: «Имея, как и немцы, [превосходные] способности к организации и порядку, уважая, подобно им, закон и власти, придерживающиеся принципов олимпизма, в которые верят их атлеты, японцы прекрасно выполняют стоящие перед ними задачи» [Collins, 2003, p. 153].

Несмотря на эту уверенность в Японии не могли даже решить, где строить главный стадион. Идея возвести его в парке возле святилища Мэйдзи (именно этот план встретил поддержку Байе-Латура) встретила жёсткий отпор. Несмотря на то, что там уже существовал пятидесятый стадион, на котором выступало множество иностранных спортсменов, синтоистские деятели стали говорить: поскольку иностранцы не понимают святости этого места, то их присутствие «осквернит» память императора и весь правящий дом. Против выступали и архитекторы – на том основании, что размеры парка не позволяют выстроить гигантский комплекс. В конце концов, после семимесячного обсуждения НОК все-таки вынес решение построить стадион возле святилища Мэйдзи. Однако он не получил при этом поддержки Министерства внутренних дел и его отдела, занимавшегося религиозными проблемами. В связи с этим японский НОК рапортовал МОКу лишь о том, что принято «временное» решение. Таким оно и оказалось, поскольку власти решили строить стадион в районе Комадзawa на юго-западе столицы.

Бурная дискуссия развернулась также по поводу эстафеты олимпийского огня. Впервые чаша с огнём, который горел всю Олимпиаду, была установлена на стадионе в Амстердаме в 1928 г. Этот огонь позиционировался как символ моральной чистоты, присущей олимпизму. Карл Дим (1882–1962), генеральный секретарь оргкомитета берлинской Олимпиады, предложил доставить огонь эстафетой из Греции, что должно было дополнительно подчеркнуть преемственность античности и Третьего рейха, который позаимствовал из античности культ обнаженного тела. Огонь зажгли в Олимпии, а затем более трёх тысяч бегунов доставили его за три тысячи километров в Берлин. Нацисты обожали факелы, и факельные шествия были непременным атрибутом их церемониальной деятельности (в Японии похожую роль играли патриотические вечерние шествия с зажжёнными бумажными фонариками).

МОК хотел устроить эстафету и в 1940 г. Карл Дим предложил доставить олимпийский огонь по такому маршруту: Афины – Истамбул – Анкара – Тегеран – Кабул – Пешевар – Дели – Калькутта – Мандалар – Ханой – Мукден – Кантон – Сеул – Пусан. По этой части пути протяжённостью в 10 тыс. км олимпийский факел должны были доставить бегуны (3 тыс. км) и конники (7 тыс. км). Далее корабль перевезёт его в Симоносэки, а оттуда бегуны понесут огонь в Токио. Дим писал, что олимпийский огонь в Токио позволит переиначить латинское выражение *Ex Oriente Lux* («Свет исходит с Востока») на *Ex Occidente Lux* («Свет исходит с Запада») [Хасимото, 2014, с. 221].

Дим был заметным функционером Третьего рейха, с которым у императорской Японии складывались прекрасные, на первый взгляд, отношения, однако борьба амбиций всегда бросала тень на эту дружбу, ибо обе страны придерживались идеологии национальной исключительности. В Японии принялись обсуждать совсем другой маршрут, основанный на

родном синтоистском мифе, согласно которому потомок богини солнца Аматэрасу по имени Ниниги спустился на пик Такатихо (остров Кюсю). Поэтому предлагалось зажечь огонь именно там и уже оттуда доставить его в Токио. Предлагалось также зажечь огонь в святилище Исэ (где почитается Аматэрасу), и перед прибытием в Токио пронести его по всем крупнейшим синтоистским святилищам. По вопросу о том, где зажигать огонь и по каким святилищам его пронести, существовали некоторые разногласия, но маршрут из Греции популярностью не пользовался [Хасимото, 2014, с. 223–225]. В сознании большинства японцев Олимпиада должна была внести свой вклад в празднование 2600-летия основания империи. МОК не устраивал сугубо японский маршрут, и тогда ЯНОК согласился на доставку огня из Афин, но с условием, что маршрут пройдёт через Маньчжоуго – для того, чтобы легитимизировать существование этого «независимого» государства. Деньги на этот маршрут согласилось выделить армейское руководство – оно рассчитывало, что путешествие олимпийского огня можно использовать в разведывательных целях.

Олимпиада – дело мирное и дружественное, но организаторы жарко спорили между собой. Однако в Японии верх взяли люди военные, которые предпочитали не дружить, а воевать. 7 августа 1937 г. Япония начала необъявленную войну с Китаем, которая проходила на его территории. Уже 25 августа армейское командование уведомило общественность, что прекращает подготовку олимпийских конников (а это были сплошь офицеры), поскольку «в нынешней ситуации» есть дела поважнее. Это заявление подстегнуло антиолимпийские настроения: стало понятно, что этим символическим жестом армия от Олимпиады откращивается, а без поддержки армии в тогдашней Японии нельзя было решить ни одного важного вопроса.

30 августа член парламента от партии Сэйюкай по имени Коно Итиро (1898–1965) прямо заявил, что Олимпиаду следует отменить. В этом и в последующих выступлениях он приводил следующие аргументы. Страна воюет, напрягает все силы, а потому требуется оружие, а не стадионы. Не дело, когда одни парни боятся за родину, а другие прохладжаются на спортивных площадках. Ещё один неопровергимый аргумент в пользу отмены был связан с особой императора. Правила проведения Игр предусматривали, что Олимпиаду открывает глава государства. Первую Олимпиаду в Афинах открывал король Георг I, потом открывали Олимпиаду и другие европейские монархи: Эдуард VII (Великобритания), Густав V (Швеция), Альберт I (Голландия). В немонархических странах эту церемониальную функцию исполняли президент Франции Гастон Думерг, вице-президент США Чарльз Кёртис, канцлер Адольф Гитлер. Однако Коно Итиро заявил, что особость японской ситуации не позволяет императору Сёва сделать то же самое, ибо это поставит японского императора на одну доску с лидерами других стран. Согласно традиции, голос священной особы полагалось слышать лишь особо приближенным людям. 2 декабря 1928 г. во время одной из церемоний, связанных с интронизацией Сёва, вёлся радиорепортаж. Микрофон расположили в 50 метрах от государя. Однако дуновение ветерка донесло пару его слов до микрофона, страна услышала голос своего императора – вышел ужасный скандал. С тех пор во время радиорепортажей с церемониальных событий, когда император должен был произнести несколько слов, микрофон попросту выключали, и в эфире воцарялась тишина. А теперь предполагалось, что радиоволны разнесут голос Сёва по всему миру... В отличие от Германии, Италии и СССР, а также в отличие от лидеров демократических стран, японский император присутствовал в публичном поле весьма дозированно – чтобы каждое его появление становилось

настоящим событием. Даже портреты императора, хранившиеся в школах и учреждениях, не были выставлены на постоянное обозрение и подвергались лицезрению только по особым случаям.

Словом, декларации о слиянии культур Востока и Запада, которые постоянно звучали из уст сторонников Олимпиады, наталкивались на непреодолимый культурный барьер.

Образованные люди были знакомы со знаковой «Балладой о Востоке и Западе» Киплинга, которая начиналась такими словами:

Восток есть Восток, Запад есть Запад, и им не сойтись никогда,
Покуда Земля и Небо не предстанут перед Богом на Страшном суде.
Но исчезают Восток и Запад, границы, племена и происхождение,
Когда двое сильных мужчин предстают друг перед другом.

Сторонники Олимпиады цитировали две последних строки. Так сделал член нижней палаты парламента Касай Дзюдзи (1886–1985) в радиообращении к американцам 21 января 1938 г., уверяя их, что Япония исполнит своё обещание и проведёт Олимпиаду [Collins, 2003, p. 214–215]. Но противникам Олимпиады, которых становилось всё больше, были милее начальные строки. При этом сторонники Олимпиады несли потери. Не только политические, но и физические. 2 сентября от кровоизлияния в мозг в Женеве скончался Пьер де Кубертен, который своим огромным авторитетом поддерживал замысел по проведению Олимпиады именно в Токио. В самой же Японии обострилась дискуссия по поводу того, что значимее для страны – физкультура или спорт. «Настоящие» государственники утверждали, что важнее физкультура для миллионов, ибо только она способна дать стране миллионы крепких людей, способных умереть, защищая Родину. Напомним, что Япония воевала на континенте, никто на неё не нападал.

На западный спорт обрушилась волна критики. Его обвиняли в либерализме, индивидуализме, состязательности и развлекательности. Западному спорту противопоставляли японские военные искусства, которые закаляют не только тело, но и дух, воспитывают патриотизм, что обеспечивает успешное функционирования фронта и тыла. Олимпиада предполагала приезд в Японию многих иностранцев, но в стране царствовали шпиономания и ксенофобия. Политики вели курс не на развитие международных связей, а на их свёртывание.

В этих условиях за границей крепли голоса за бойкот Токио и перенесение игр куданыбудь ещё. Но сделать это было весьма непросто не только из-за финансовых и организационных соображений. Главный аргумент, что негоже проводить Олимпиаду в воюющей стране, становился всё менее убедительным: «цивилизованный» мир стремительно втягивался в мировую войну. Захват Италией Эфиопии, гражданско-международная война в Испании, аншлюс Австрии... Ну, и так далее. Словом, грозовая обстановка в Европе и упорство японского олимпийского комитета решили исход: сессия МОК, состоявшаяся в марте 1938 г. в Каире, со скрипом, но всё-таки подтвердила: очередные Игры состоятся в Токио и Саппоро. МОК, который ставил олимпийское движение «выше политики», благополучно проигнорировал агрессию Японии в Китае – точно так же, как он проигнорировал государственный антисемитизм в нацистской Германии в преддверии Игр 1936 года. Но в Германии хотя бы реально велась подготовка к Олимпиаде, в Японии же никак не могли окончательно определиться ни с местоположением главного стадиона, ни

с эстафетой олимпийского огня. МОК вёл переговоры не с японским правительством, а с японским олимпийским комитетом, а тот клятвенно обещал, что Олимпиада будет обязательно проведена.

Во время каирской сессии на заседании японского парламента неутомимый Коно Итиро в очередной раз доказывал, что с Олимпиадой нужно поскорее заканчивать. Ему вторили и армейские чины. Олимпиаду удалось отстоять в Каире, но одновременно японское олимпийское движение понесло тяжёлую утрату: на обратном пути в Японию на борту корабля скончался от воспаления легких Кано Дзигоро, во многом благодаря дипломатическим усилиям которого удалось притушить недовольные голоса, ратовавшие за бойкот японских олимпиад. Его коллегам по возвращению в Японию удалось договориться с властями Токио, что Всемирная выставка и Олимпиада будут разведены во времени – как это и требовал МОК. Однако дальше началось самое худшее.

Японская армия проявила некоторый интерес к эстафете олимпийского огня в качестве прикрытия разведывательной работы, но сама Олимпиада (точно так же, как и Всемирная выставка) не вызывали у неё энтузиазма. В армейском арсенале не было такого средства, как «мягкая сила», которая могла быть употреблена на пропаганду японской культуры. Для военных существовала только «сила грубая». Горячие головы рассчитывали на быструю победу в Китае, но доблестная японская армия, несмотря на локальные успехи, увязла на китайских просторах. В этих условиях все мирные мероприятия подлежали упразднению, а все ресурсы – распределению. Квотированию подверглись даже ткани и кожа, не говоря уже о топливе и металле. Распоряжение об этом вышло 23 июня 1938 г. Перестали строиться здания школ и государственных учреждений. Население распрощалось с шёлковыми и шерстяными тканями, автомобилисты – с бензином, курильщики – с зажигалками и портсигарами, школьники – с точилками для карандашей, рестораны западной кухни лишились вилок и ножей, спортсмены – метательных дисков, ядер, копий, шиповок, коньков… Всё это подлежало переплавке во что-нибудь более убийственное. Организаторы же Олимпиады распрошались со своими мечтами. На строительство главного стадиона они сначала просили тысячу тонн металла, потом шестьсот, но им было отказано. Стало окончательно понятно, что Олимпиаде не выжить. Почти все министры из кабинета, возглавляемого Коноэ Фумимаро (1891–1945), высказались против Олимпиады. И только министр культуры, генерал Араки Садао (1877–1966), блюя самурайскую честь, высказался в том духе, что раз Япония обещала принять Олимпиаду, то невзирая на трудности, должна во что бы то ни стало провести её – хотя бы и не с тем размахом, который планировался [Хасимото, 2014, с. 250].

Тем не менее, вопрос был решён вкупе с вопросом о Всемирной выставке. 14 июля 1938 г. правительство, ссылаясь на «международную обстановку», объявило, что «откладывает» проведение Всемирной выставки до окончания войны и «отказывается от поддержки» Олимпиады. А уж оргкомитет Олимпиады пусть сам решает, что ему делать. Члены оргкомитета узнали об этом решении из газет. Лишённые государственных ресурсов, они сообщили МОК, что Олимпиада отменяется. В МОК отнеслись к этому решению с пониманием и даже поблагодарили ЯНОК за взвешенное и благородное решение, которое даёт время для подготовки следующего кандидата – Хельсинки. Однако в ноябре 1939 г. СССР напал на Финляндию, что сделало невозможным проведение XII летних Олимпийских игр. Они остались в истории олимпийского движения со своим номером, но в графе «место

проведения» стоит прочерк. В самой же Японии несостоявшиеся Игры в Токио принято именовать «олимпиадой-призраком». Вместо неё в 1940 г. состоялись Дальневосточные игры или, как их неофициально называли, «Азиатская Олимпиада». В Токио в течение четырёх дней (6–9 июня) выступили около 700 спортсменов из Японии (326), Маньчжуго (299), Филиппин (71), Гавайев (17), оккупированных японской армией регионов Китая. На сей раз никто не возражал против участия Маньчжуго, соревновались на старых стадионах, в программу не входили ни фехтование, ни пятиборье, ни стрельба. В день открытия и закрытия выпускали голубей, как то и положено на «настоящей» Олимпиаде. Но олимпийский флаг не развевался, иностранных туристов не было. Подобие олимпийского огня доставили в Токио 11 ноября – в день, когда состоялись наиболее пышные торжества, посвящённые юбилею империи. Синтоистские жрецы зажгли его в святилище Касихара, где почтится Дзимму.

Токийская Олимпиада 1964 года: мир и дружба

В результате жестокого поражения во Второй мировой войне Япония была оккупирована американскими войсками. Наряду с Германией её не принимали в международные организации (включая ООН), в участии в лондонских Олимпийских играх 1948 года Японии было также отказано. Япония на какое-то время превратилась в изгоя. Перед страной стояла масштабная задача – избавиться от клейма агрессора и возвратиться в международное сообщество. Одним из инструментов для достижения этих целей стал олимпийский спорт.

На летнюю Олимпиаду в Хельсинки (1952 г.) японскую команду уже допустили. Правда, в неофициальном медальном зачёте она не попала даже в первую десятку. Команда СССР участвовала в Олимпийских играх в первый раз и оказалась второй вслед за США. Победившие в войне побеждали и в спорте.

В то же самое время желание реабилитировать себя за отмену Игр 1940 года не оставляло японцев. Мэр Токио Ясуи Сэйтиро (1891–1962) начал компанию по проведению XVII Олимпиады 1960 г. в Токио уже через месяц после того, как в апреле 1952 г. была закончилась оккупация Японии американскими войсками, то есть Япония стала независимой страной (при этом американские военные базы на территории Японии всё равно остались). В постановлении токийского муниципального собрания говорилось, что 7 млн обитателей столицы жаждут принять Олимпиаду, поскольку «независимая Япония в качестве члена международного сообщества» желает внести свой вклад в укрепление доверия между народами, стремящимися к миру [Хатано, 2004, с. 100–101]. Если при подготовке несостоявшихся токийских Игр 1940 года упор делался на том, что Япония желает продемонстрировать миру свою культуру и традиции, то сейчас подчёркивалось: именно олимпийское движение обладает «славной историей и традициями», которым желает следовать и Япония.

Для того, чтобы МОК согласился провести Олимпиаду в Токио, требовалась изрядная подготовка. В её рамках пригласили благожелательно настроенного по отношению к Японии президента МОК американца Эйвери Брендеджа (1887–1975). Он участвовал в качестве пятиборца ещё в Играх 1912 года в Стокгольме, был известен как коллекционер восточного искусства и большой любитель японской кухни (в то время ею мало кто увлекался). Очарованный приёмом и полученными подарками Брендедж, тем не менее, прямо сказал, что

с первого раза Токио Олимпиаду получить не удастся. Олимпиада 1956 года была запланирована в Мельбурне, то есть далеко от Европы – центра олимпийского движения (штаб-квартира МОК размещалась в Лозанне). Так что члены МОК опасались, что два раза подряд европейцам будет трудно отправить свои команды в такую даль [Хатано, 2004, с. 108]. Авиасообщение в то время было дорого, а Европа ещё окончательно не восстановилась после ужасных последствий Второй мировой войны. Действительно, развивавшееся по нарастающей олимпийское движение явно «забуксовало» в Австралии: в Олимпиаде 1948 года (Лондон) приняло участие 4104 спортсменов, в 1952 году (Хельсинки) – 4925, а до Мельбурна добралось всего 3184 атлета [Суник, 2013, с. 218].

Брендедж советовал японцам уповать на будущее, не терять надежд и проявлять максимальную пропагандистскую активность. Заранее смирившись с тем, что в 1960 г. Олимпиаду получить не удастся, в качестве подготовительной меры к следующей Олимпиаде японский НОК принял решение о проведении Третьих Азиатских Игр 1958 года в Токио. Успешное проведение этих Игр могло послужить залогом положительного решения о проведении Олимпиады–1964 в Токио. ЯНОК также принял решение организовать запланированную на 1958 г. 53 сессию МОК в Токио. В отличие от подготовки к Олимпиаде 1940 года, на сей раз ЯНОК полностью координировал свои действия не только с мэрией Токио, но и с правительством. Без масштабной правительственной финансовой поддержки ни Олимпиада, ни Азиатские Игры, ни сессия МОК состояться не могли. Это были полностью убыточные проекты, которые, однако, имели огромную идеологическую нагрузку. Азиатские Игры должны были показать Азии (и всему остальному миру) гостеприимство и миролюбие Японии, избавившейся от тоталитарного милитаристского прошлого, той агрессивной политики, которая принесла столько страданий множеству азиатских народов. В этом смысле в проведении Олимпиады гораздо больше было заинтересовано правительство, чем ЯНОК, который выполнял, прежде всего, техническую роль и решал задачи, поставленные перед ним правительством. Будущий премьер-министр (1957–1960) Киси Нобусукэ (1896–1987) возглавил координационный комитет по подготовке Олимпиады. Одним из горячих сторонников Олимпиады выступил и Коно Итиро, который с таким же жаром выступал против Олимпиады в довоенное время. Теперь он забыл про свои изоляционистские взгляды и стал горячим сторонником международного сотрудничества.

На сессии МОК в Париже (1955 г.) было решено проводить следующую Олимпиаду в Риме (Токио получил всего четыре голоса). Следуя совету Брендеджа, Токийский муниципалитет немедленно подал заявку на проведение XVIII летней Олимпиады в 1964 г.

В 1958 г. состоялись прекрасно организованные Третий азиатские игры, в которых участвовали 1800 спортсменов из 20 стран. Девизом Игр стал милый европейцам лозунг «Прогресс без границ». Это было первое крупное международное мероприятие, которое Япония провела после войны. Правительство призывало японцев проявлять по отношению к иностранным гостям максимальную вежливость и предупредительность. Японцы послушались, что резко контрастировало с довоенными временами, когда в стране царила неприкрытая ксенофобия и каждый иностранец считался потенциальным шпионом. На сессии МОК, которая проходила в Токио в одно время с Азиатскими играми, Эйвери Брендедж решительно поддержал кандидатуру Токио. Открывал сессию сам император Сёва. Это была первая сессия МОК, проведённая в Азии. Брендедж был решительным сторонником любительского спорта и противником коммерциализации как олимпиад, так и спорта вообще.

Являясь президентом американского НОК, он в своё время лишил триумфатора берлинской Олимпиады Джесси Оуэнса (1913–1980), выигравшего там четыре золотых медали, статуса спортсмена-любителя за то, что он, будучи выходцем из бедной негритянской семьи и желая подзаработать, посмел соревноваться в беге с лошадьми и собаками. При каждом удобном случае Брэндэдж напоминал японцам, чтобы те не превращали Олимпиаду в «карнавал» и «цирк», чтобы они не смели использовать олимпийскую символику и фотографии выдающихся спортсменов в рекламных целях. Японцы внимали. Указывал Брэндэдж и на плохое состояние токийских дорог [Хатано, 2004, с. 128–129]. Во время войны Токио подвергся ужасным бомбардировкам американской авиации, восстановление столицы проходило во многом стихийно.

Брэндэдж поддержал кандидатуру Токио, но окончательное решение принималось на сессии МОК в Мюнхене в июне 1959 г. За оставшееся до этого времени японцы развили огромную активность не только по строительству дорог, но и по привлечению на свою сторону членов МОК. В особенности это касалось членов МОК из слаборазвитых стран с высоким уровнем коррупции. Им делали щедрые подарки, кормили в шикарных ресторанах, обещали оплатить дорогу до Мюнхена и обратно, приглашали посетить Японию. Помог Токио и социалистический лагерь во главе с СССР. Основным конкурентом Токио считался Детройт, но советское Политбюро приняло мудрое решение поддержать Японию. В то время советское руководство надеялось, что Япония сможет стать оплотом антиамериканизма в Азии, и потому советская печать хвалила самобытность японской культуры, которая вроде бы способна противостоять натиску космополитизма (под которым понималась прежде всего американская культура) [Мещеряков, 2014].

Презентацию предполагаемой токийской Олимпиады в Мюнхене поручили известному тележурналисту Хирасава Кадзусигэ (1909–1977). На презентацию отводилось 45 минут, Хирасаве же потребовалось всего пятнадцать. Он не стал утомлять присутствующих нудными цифрами, но выступил очень художественно: цветок западной культуры, а именно Олимпиада, пусть теперь расцветёт и на Востоке; Дальний Восток в нынешнюю эпоху прогресса перестаёт быть дальним благодаря реактивным самолётам и международному общению, а оно и является основой мира во всём мире. Очень к месту Хирасава продемонстрировал также японский учебник для младших классов, в котором было предусмотрительно написано про «дух олимпизма». Выступление Хирасава произвело весьма благоприятное впечатление на искушённых членов МОК. Следует отметить профессионализм Хирасава, который вообще был противником проведения токийской Олимпиады ввиду её затратности [Хатано, 2004, с. 164–166].

Вкупе с привлекательной для очень многих членов МОК идеей о целесообразности проведения первой Олимпиады в Азии, и вместе с реальной готовностью Токио к организации крупного международного форума, всё это привело в Мюнхене к безоговорочной победе японской столицы: Токио получил 34 голоса из 55 (за Детройт было подано 10 бюллетеней, за Вену – 9, за Брюссель – 5). Японские газеты ликовали, поскольку решение МОК свидетельствовало о повышении международного престижа Японии, но в то же самое время они говорили о необходимости самой серьёзной подготовки.

Послевоенный комплекс неполноценности ещё не был преодолён, и очень многие японцы не были уверены, что страна сумеет достойно провести Олимпиаду. В 1962 г. таких «маловеров» насчитывалось 73 % [Сэкигути, 2009, с. 8]. Однако экономические успехи

страны не вызывали сомнений. «Белая книга по экономике» 1956 г. содержала ключевую фразу, которая запомнилась всем японцам и отражала удовлетворение тем, как идут дела: «Послевоенность закончилась». Имелось в виду, что страна преодолела разруху, динамика роста уровня жизни была исключительно положительной. Однако при всех достижениях не стоит забывать и о том, что в этом году доход японца составлял 7,7 % дохода американца, половину – англичанина и западного немца. Тем не менее, японец потреблял всё больше электричества, вещей, еды и лекарств. Мечты об имперском величии преобразовывались в потребительские надежды на «три сокровища»: телевизор (пока что чёрно-белый), холодильник и стиральная машина. Телевизор был самым дорогим из чаемых сокровищ, он стоил десять месячных зарплат служащего с высшим образованием. Телевизор был самым бесполезным из сокровищ с точки зрения «рационализма», которого теперь якобы придерживались японцы, но всё равно быстро получил широкое распространение. Улучшение качества жизни привело к резкому сокращению детской смертности, росту продолжительности жизни. Если в 1947 г. она составляла 50 лет для мужчин и 54 года для женщин, то всего через 10 лет увеличилась до 64 и 68 лет. В то время Япония была единственной страной в Азии, которая сумела приблизиться к западному уровню жизни. В 1960 г. правительство опубликовало план по двукратному увеличению доходов населения, который был выполнен очень быстро.

Успешное проведение Олимпиады являлось задачей государственной важности. В правительстве был введён пост министра, ответственного за проведение Олимпиады. Его занял Коно Итиро. В оргкомитет Олимпиады были введены высокоранговые чиновники, бизнесмены, члены парламента. Из 22 членов оргкомитета деятелям спортивного движения досталось всего пять мест. В таком подходе сказалась многовековая местная политическая традиция, которая, несмотря на прогресс, предпочитает государство обществу. Кроме того (а, может быть, и благодаря тому) ЯНОК не располагал средствами для проведения крупнейшего спортивного форума. В этом состояло большое отличие от прошлой Олимпиады в Риме. Итальянскому НОК правительство предоставило лицензию на организацию тотализатора, так что он получал за счёт этого солидные доходы и обладал значительной финансовой независимостью, в состав оргкомитета входили только спортивные функционеры.

ЯНОК предложил было позаимствовать итальянский опыт, но встретил решительный отпор со стороны властных структур. Министр просвещения Араки Масую (1901–1973) заявил, что нельзя превращать «священные Игры» в «азартную игру». После встречи с премьером Икэда Хаято (1899–1965) начальник канцелярии кабинета министров Охира Масаёси (1910–1980) донёс до общества официальную точку зрения: «Организация нового вида азартной игры – тотализатора – встречает противодействие со стороны чувств народа, и правительство серьёзно относится к этой проблеме. Что до средств, необходимых для подготовки Олимпиады, то она, разумеется, в основном должна осуществляться через помощь, которую оказывает правительство столичному городу Токио...» [Хатано, 2004, с. 199–200]. Иными словами, правительство хотело, чтобы Олимпиада находилась под его полным контролем, несмотря на то, что финансовые вливания «со стороны» могли бы уменьшить нагрузку на бюджет.

Это обстоятельство не отменяет факта, что японские функционеры действовали эффективно и решительно. Любимый токийцами трамвай был ликвидирован, многие речки

и каналы засыпали, ибо они мешали совершенствованию транспортной системы. В столице стали лучше убирать мусор, раздавались десятки тысяч листовок, которые призывали японцев не ударить лицом в грязь перед иностранцами: не сорить, не выпивать и не мочиться на улицах, не драться, не хамить и не появляться полураздетыми. Ударными темпами строились стадионы, гостиницы, скоростные трассы, монорельсовая дорога, соединившая город с аэропортом Ханэда, прокладывались новые линии метро, расширялись улицы. Это приводило к утрате столицей прежнего облика и духа, что воспринималось в целом положительно – как торжество «прогресса». В помощь прогрессу отрядили лучших архитекторов. В частности, Тангэ Кэндзо (1913–2005), который спроектировал суперсовременный спортивный комплекс в Йойоги (*Ёёги*). Непосредственно перед Олимпиадой была запущена первая в мире скоростная железная дорога (*Синкансиэн*), соединявшая Токио и Осаку. Олимпийский стадион возле святилища Мэйдзи вмещал 75 тыс. зрителей (в планах устроителей Игр 1940 года было строительство стадиона на 120 тыс.). Организаторы Олимпиады 1964 года рассчитывали на приезд 30 тыс. иностранных туристов. Эти прогнозы были более реалистичными, чем планы устроителей несостоявшейся Олимпиады 1940 года: те предвкушали 100 тысяч иноземцев. Довоенные утопические ожидания и проекты относительно Олимпиады полностью вписывались в стиль мышления того времени, когда правительство ставило перед страной невыполнимые задачи. Развязав войну против Китая, Япония напала на США и Великобританию, надеясь выйти победителем в заведомо проигрышном деле.

Хотя олимпиады 1940 и 1964 годов готовились в совершенно разных условиях и имели разные цели, в действиях организаторов видна и преемственность. В 1940 г. одной из олимпийских дисциплин предполагалось сделать «воинские единоборства» (*будо*), в программу 1964 г. ввели *дзюдо* – детище Кано Дзигоро, который еще при жизни пытался сделать дзюдо олимпийским видом спорта. Это стало большой радостью для его сына по имени Рисэй (1900–1986), возглавлявшего федерацию дзюдо. Организаторам Олимпиады–1964 удалось добиться включения в программу и волейбола, где шансы японских волейболисток, прозванных «восточными дьяволицами», расценивались исключительно высоко.

От японских спортсменов, безусловно, ждали успехов. В Мельбурне они завоевали 19 медалей (4 золотых), заняв девятое место. В Риме они не продвинулись ни на шаг вперед – та же самая девятая позиция при 18 медалях (4 золотых). И это при том, что экономический престиж страны возрастал с каждым днём: рост экономики составлял около 10 % в год – выше всех в мире. В то же самое время следует помнить, что позиции японских спортсменов в Азии были непререкаемыми. На IV Азиатских играх в Джакарте (1962 г.) они завоевали 155 медалей, а занявшая второе место Индонезия – всего 50. Для подготовки японских спортсменов к Олимпиаде были выделены значительные средства, многие «любители» по существу превратились в профессиональных спортсменов. Так, члены женской волейбольной команды «трудились» на ткацком заводе, где они и получали «зарплату». Точно такая же практика существовала в СССР и других социалистических странах.

Властям были нужны успехи, которые могли бы консолидировать всех японцев и доказать правильность проводимого курса. Бурное развитие экономики несло не только повышение уровня жизни, но и многочисленные проблемы (загрязнение, теснота городов, психологический дискомфорт, связанный с потерей прежней среды природного и социального обитания). Позиции «левых» в политике были достаточно сильны, а они боролись изо всех

сил против японско-американского договора безопасности. В результате многотысячной демонстрации (организаторы оценивали её численность в 330 тыс. человек, полиция говорила о 130 тыс.), сопровождавшейся столкновениями с полицией, кабинет Киси Нобусукэ был вынужден уйти в отставку 16 июня 1960 г. Олимпиада же предоставляла хорошие возможности, чтобы отвлечь японцев, объединить их, притушить накал отрицательных эмоций.

Олимпийский огонь зажгли в Афинах и погрузили на самолёт ДЖАЛА под названием «Священный огонь», который по пути в Японию сделал остановки в Истамбуле, Бейруте, Тегеране, Лахоре, Нью-Дели, Рангуне, Бангкоке, Куала-Лампуре, Маниле, Гонконге, Тайпее. После этого самолёт приземлился в Нахе, главном городе Окинавы. В то время Окинава находилась под американским административным управлением, в стране ширилось движение за возвращение Окинавы под японскую юрисдикцию. Таким образом, доставка олимпийского огня на Окинаву имела большой символический смысл: ещё раз показать, что Окинава принадлежит Японии. На местном стадионе олимпийский огонь увидело 75 тыс. зрителей, зазвучал гимн Японии, подняли государственный флаг. В тогдашнем обществе существовали самые разные мнения относительно будущего страны, но все сходились на том, что Окинава должна быть японской. Окинава не считалась американской колонией, но требование возвратить Окинаву находилось в русле антиколониального движения во всём мире.

После Окинавы олимпийский огонь доставили самолётом в Кагосиму на Кюсю, где он был разделён на несколько частей. 100 713 бегунов с факелами пронесли огонь по всем префектурам страны. На главном олимпийском стадионе его зажёг в субботу, 10 октября 1964 г., Сакай Ёсинори. Он был выбран не столько за свои выдающиеся спортивные достижения (его специализацией был гладкий бег на 400 м), сколько за то, что он родился 6 августа 1945 г. неподалеку от Хиросимы – в день её атомной бомбардировки. Ту бомбу американцы ласково называли Малыш (Little Boy). Она унесла жизни 140 тыс. японцев, но «малыш» Ёсинори выжил. Его позиционировали как символ примирения и мира, что, если вдуматься, выглядело довольно двусмысленно.

Знаменитый писатель Мисима Юкио (1925–1970) в газете «Майнити» в эссе под названием «Огонь, соединяющий Восток и Запад» от души радовался Олимпиаде. Он вспомнил, что Лафкадио Хёрн (Коидзуми Якумо, 1850–1904), один из первых иностранцев, натурализовавшихся в Японии, называл японцев «греками Востока», и потому японцы были «обречены» на то, чтобы когда-нибудь провести Олимпиаду. Свои впечатления от церемонии открытия Мисима описывал так: «Когда Сакай поднялся на самый верх лестницы и встал рядом с чашей священного огня, он поднял высоко вверх правую руку с факелом. В этот момент, когда этот человек поднялся над всеми людьми, на его лице как бы заиграла слабая улыбка. Он находился выше всех в этом человеческом мире, он поднялся выше Гималаев... Когда он поднял правую руку со священным огнём, красное солнце на его майке проглянуло из-за белого факельного дыма так ярко, что у каждого стало больно в глазах... В этот небывалый миг красное солнце как бы зазвучало призывающе в наших сердцах, возопило, так что любые речи сделались не нужны» [1964 нэн..., 2014, с. 14].

Накануне открытия Олимпиады шёл дождь, но в субботу распогодилось. Открыл Олимпиаду император Сёва. Слово ему предоставил на чистом японском языке Эйвери Брендедж. Перед войной Коно Итиро выступал против Олимпиады, в частности, потому, что голос императора не должен быть слышен миллионам «простых» людей. Коно тоже присутствовал на открытии и на сей раз не выдвигал никаких возражений против того, чтобы

император сказал несколько слов в микрофон. Перед трибунами прошествовал 5541 спортсмен из 94 стран. Американские самолеты японских ВВС посредством дыма вычертили над стадионом пять разноцветных колец. Перед входом на стадион зрителям раздавали мешки для мусора, что было в диковинку.

Устроители Олимпиады всячески демонстрировали её мирный характер. После окончания Второй мировой войны Япония стала мирной страной, японцы ценили мирное время и хвалили его – приблизительно так же, как делали это при сёгунате Токугава, покончившем с долгими годами междоусобиц. Официальным лозунгом Олимпиады были слова «Земля – одна». Но остальной мир жил по другим правилам, которые далеко не всегда предполагали единство.

До войны во время подготовки к Олимпиаде главные проблемы создавала себе сама Япония. Теперь она стала мирной страной и вела себя в полном соответствии с олимпийскими правилами. Теперь проблемы ей и олимпийскому движению создавали другие страны. Немцы из Западной и Восточной Германии сумели договориться и прислали в Токио объединенную команду. Между Северной и Южной Кореей вначале тоже было достигнуто соглашение о формировании единой команды, но в результате корейцы приехали в Токио по отдельности. Однако перед церемонией открытия Игр команда Северной Кореи возвратилась домой. Во Вьетнаме бушевала гражданская война с прямым участием США. Северовьетнамцы не захотели выступать на одних аренах вместе со своими врагами. МОК исключил из числа участников Индонезию, поскольку на Азиатских Играх 1962 года друживший с коммунистическим Китаем президент Сукарно в нарушение олимпийской хартии отказался выдать визы спортсменам Тайваня и Израиля. Из-за политики апартеида МОК не допустил к участию в Играх также Южную Африку и сумел избежать бойкота Олимпиады со стороны африканских стран. Китайская народная Республика не участвовала в Олимпиаде, поскольку там присутствовал Тайвань. КНР поучаствовала в Олимпиаде другим образом: 16 октября 1964 г., прямо во время Олимпиады, она произвела своё первое испытание ядерной бомбы, став первой ядерной страной в Азии. Воинственные заявления Мао Дзэдуна, помноженные на свежие воспоминания о Карибском кризисе 1962 г., нагнетали атмосферу страха. За два дня до ядерной демонстрации Китая, был смещён со своих должностей Н.С. Хрущёв, и мир стал гадать, в какую сторону повернётся политика СССР…

Однако несмотря на разъединяющие политические обстоятельства токийская Олимпиада побила рекорды как по количеству спортсменов, так и по количеству стран-участниц. Правда, некоторые из них были представлены всего одним спортсменом (Алжир, Гвинея, Монако, Камерун, Ливия, Либерия), главной функцией которого стало улучшение статистики.

Тема войны и мира, Олимпиады 1940 года и нынешней, Японии прошлой и настоящей всё время возникала в головах японцев. Особенно это касалось, естественно, людей постарше. Родившаяся в 1925 г. писательница Сугимото Соноко вспоминала, что на том самом реконструированном стадионе, где проходило открытие Игр, ровно 20 лет назад, в октябре 1944 г., она участвовала в проводах юношей, отправлявшихся на фронт. На месте ложи, где сейчас восседала императорская чета, расположился премьер Тодзио, который призывал разгромить Америку и Британию. И сейчас, и тогда над стадионом развевался государственный флаг, звучал гимн, но в эти государственные символы вкладывался совершенно разный смысл [1964 нэн..., 2014, с. 18].

Олимпиаду увидело огромное количество людей. Это были не только зрители на стадионах. Впервые в истории телевидение показывало Олимпиаду столь широко. Некоторые репортажи велись в цветном формате (правда, цветных телевизоров тогда в стране насчитывалось всего 67 тыс.). Впервые в истории олимпиад велась прямая трансляция на весь мир. Она осуществлялась через американский спутник японской государственной компанией NHK. Чтобы увидеть Олимпиаду, японцы стали покупать больше телевизоров. В 1964 г. в 91,2 % японских семей имелись телевизоры (в 1959 г. – 23,6 %). Во время трансляции волейбольного матча Япония–СССР было включено 95,4 % аппаратов [Гэндай, 2009, с. 120]. В истории манипулирования сознанием и мобилизацией масс наступил новый период. Тенденция заключалась в том, что число зрителей увеличивалось, а число читателей сокращалось. Увеличивалось и количество слушателей. К Олимпиаде было сочинено множество песен, их постоянно передавали по радио и телевидению. Пластинок с самой популярной из песен было продано три миллиона [1964 нэн..., 2014, с. 14].

Освоение космоса принесло и первый в истории олимпиад космический привет. В дни проведения токийских Игр состоялся первый в истории полёт сразу трёх советских космонавтов, которые, пролетая над Японией, послали горячий привет «молодёжи всего мира».

На токийскую Олимпиаду была потрачена сумма, составлявшая около трети годового бюджета страны или 3,7 % валового национального продукта (правда, следует учитывать, что определённая часть средств была получена от благотворителей). Олимпиаду называли праздником, а праздничные расходы всегда больше повседневных. Не только для «хозяев», но и для «гостей» – зрителей. Почти все из 2 млн 600 тыс. билетов были распроданы. Даже на такие малопопулярные в Японии и не самые зрелищные виды, как стрельба по летающим тарелочкам, гребля на каноэ и фехтование были проданы почти все билеты. Минимальная цена билета составляла 300 иен (средняя начальная зарплата выпускника университета равнялась тогда 21 200 иен). Подавляющее число зрителей было японцами. Они вообще любили праздники, зрелища, выставки. Состоявшуюся в том году выставку одной скульптуры – Венеры Милосской – посетили за два месяца 1 млн 720 тыс. человек.

Что до иностранцев, то их посмотреть Олимпиаду приехала 41 тысяча. Если приплюсовать к ним спортсменов и функционеров, то получится 50 тысяч. Всего же в 1964 г. Японию посетило 353 тыс. иностранцев, что было существенно больше, чем в прошлом году, когда в страну въехали 300 тыс. иностранцев (более половины – американцы). Как писали журналисты, эти люди убедились, что Япония является высокоразвитой промышленной страной, а не страной гейш, самураев и харакири [1964 нэн..., 2014, с. 176].

Олимпиада оставила японцам автомобильные дороги и железнодорожные пути, спортивные сооружения, гостиницы, воспоминания. В том числе и воспоминания о победах. Японский спорт сделал большой шаг вперёд и в неофициальном зачёте (который на самом деле был основным) японская команда заняла четвёртое место (29 медалей) после СССР (96 медалей), США (90) и Объединенной германской команды (50).

Особенно запомнилась победа женской волейбольной команды. Описав драматические перипетии финального поединка, в котором японки победили команду СССР, писательница Ариёси Савако так заключала своё эссе: «Девушки! Больше не произносите печальных слов, что вам некогда любить и выходить замуж. Летите по жизни с такой же великолепной легкостью, как летел посланный вами мяч. Возвращайтесь к работе, выходите замуж – вы всё

теперь можете! Потому что вы уже продемонстрировали японцам своё блестящее спортивное мастерство и свой ум, который повелевает этим мастерством. Вы соединили в себе ум, красоту и силу, и я желаю вам от всей души человеческого счастья» [1964 нэн..., 2014, с. 89]. Вряд ли капитан той волейбольной команды Касая Масаэ прочла этот текст, но после великолепного финала она вскоре действительно бросила спорт и вышла замуж. Причём с будущим мужем, офицером, ее познакомил не кто-нибудь, а премьер Сато Эйсаку [Хитобито, 2015, с. 93].

В то время визуальное ещё не оттеснило слово на периферию сознания. Самые известные японские писатели освещали Олимпиаду на страницах газет и журналов. Это придавало ей не только спортивное, но и человеческое измерение. Писательница Соно Аяко с негодованием протестовала против отвратительного обыкновения современного спорта, в котором чем дальше, тем больше торжествовал античеловечный принцип – победитель получает всё. Танака Сатоко, страшно разочарованной своим четвёртым местом в плавании на сто метров на спине, она адресовала такие слова: «Очень хорошо, что ты проиграла! Проиграв, ты перестала быть обезьянкой на поводке! Ты вновь стала женщиной, обычной женщиной с красивым телом». Писательница гневно обрушилась на спортивных функционеров «в синих блейзерах», которые после токийской Олимпиады стали немедленно подыскивать новых «обезьянок» для следующей Олимпиады в Мехико, поскольку прежние обезьянки делаются к тому времени стары [1964 нэн..., 2014, с. 177–178].

Однако скептики оказались в абсолютном меньшинстве. Средства массовой информации сделали своё дело. Согласно социологическим опросам, радость от Олимпиады ощущали более 90 % японцев [Сэкигути, 2009, с. 8–9].

Человеческое измерение постарался привнести в свой документальный фильм «Токийская Олимпиада» и режиссер Итикава Кон (1915–2008). В его трактовке соревнования являлись проявлением не столько мастерства, сколько эмоций. Для него были значимы не столько победители, сколько участники – спортсмены, зрители, функционеры, технический персонал. При этом популярность того или иного вида спорта не имела для режиссёра значения. Само состязание тоже находилось для него на втором месте. «Для меня самыми важными были моменты до старта и после финиша» [1964 нэн..., 2014, с. 146]. Фильм делался по правительльному заказу и во время предварительного просмотра подвергся чиновниками ожесточённой критике. Коно Итиро заявил, что фильм не имеет никакого отношения к документалистике и нужно сделать другой. В личной встрече с режиссёром он, в частности, признался: «Когда я смотрю кино, всегда засыпаю. А тут не заснул до самого конца – настолько разозлился» [1964 нэн..., 2014, с. 148]. Министр просвещения отказался рекомендовать фильм к просмотру в школах. Тогда режиссёр добавил кадры с японскими победителями Олимпиады и съёмки спортивных сооружений, которыми так гордились устроители. В результате фильм всё-таки появился на экранах и получил множество международных наград.

Внимание, которое было привлечено к Японии в дни Олимпиады, непосредственные контакты с иностранцами, их мнения о принимавшей их стране предоставляли японцам повод взглянуть на себя со стороны. Писатель Ямагути Хитоми (1926–1995) отмечал, что Олимпиада «дала возможность поразмышлять, что же представляет собой страна под названием Япония и народ, который называют японцами» [1964 нэн..., 2014, с. 46]. В шестидесятые годы Япония привлекла внимание всего мира своими экономическими

успехами. После прекрасно организованной Олимпиады в самой Японии заговорили, что она вернулась в клуб мировых держав. Успех вселял гордость в сердца японцев. Лейтмотивом послеолимпиадных публикаций было восклицание: мы сумели сделать это! Журналист Ооя Соити (1900–1970) находил, что деньги, вложенные в Олимпиаду, были потрачены на «битву», имевшую целью возрождение Японии после поражения в войне. Во время Олимпиады часто звучал японский гимн, всюду были видны национальные флаги. Присутствовали они и на всех плакатах, выпущенных к Олимпиаде. Мисима Юкио полагал, что в результате Олимпиады были реабилитированы государственный флаг и гимн, которые многие считали символами тоталитаризма [1964 нэн..., 2014, с. 122]. В отличие от Германии, Япония после окончания войны не отказалась ни от своего флага, ни от гимна, представляющего собой здравицу императору. Все очевидцы Олимпиады отмечали также помочь армии, которая тогда носила стыдливое название «сил самообороны» (иметь армию Японии запрещала конституция 1947 г., написанная под диктовку американцев). До этого времени встретить на токийских улицах военного человека было чрезвычайно затруднительно, теперь же многие японцы впервые увидели, как выглядит военная форма.

Именно после токийской Олимпиады случился настоящий бум научных (а чаще оклонаучных или совсем ненаучных) «рассуждений о японцах» (*нихондзинрон*). Главной задачей этого дискурса было позитивное самоописание японцев, которые, с одной стороны, стремились избавиться от послевоенного комплекса неполноценности, с другой – страшились потерять свою идентичность под напором урбанизации, в условиях изменения среды природного и социального обитания, наплыва западных ценностей и представлений. Эта идеология утверждала отличность японцев от всех других народов, их особость, которая трактовалась как предмет гордости. Разумеется, не одна Олимпиада запустила этот мощный дискурс, но и она внесла важный вклад в повышение самооценки японцев.

После Токийской Олимпиады японские спортсмены больше никогда не добивались таких успехов. После четвёртого места в Токио они покатились вниз: в Мехико (1968) они заняли пятое место, в Мюнхене (1972) – шестое, в Монреале (1976) – седьмое. После этого они перестали попадать в первую десятку вплоть до Афинской Олимпиады (2004 г., шестое место). Таким образом, спортивные достижения явно не соответствовали экономическому и культурному весу страны. Поскольку японцы доказали себе и миру, что их страна стала мировой державой, государство стало уделять меньше внимания развитию спорта «высших достижений». Основные усилия были направлены на экономику, повышение благосостояния граждан, экологию. В 1964 г. помимо Олимпиады в Токио состоялось ещё одно знаковое событие: первая в Азии сессия Международного валютного фонда. И долгосрочное сотрудничество с ним оказалось для Японии важнее, чем сотрудничество с МОК. Существовала и ещё одна важнейшая причина. В японских школах занятия физкультурой рассматриваются прежде всего с точки зрения поддержания здоровья, а не достижения высокого результата. В спортивные секции вовлечены практически все школьники, но занятия там, помимо обеспечения здоровья, призваны привить им навыки коллективной жизни, что плохо совместимо с воспитанием личности, настроенной на то, чтобы победить, то есть выделиться из коллектива. В связи с этим на низовом уровне не воспитывается массовая готовность к состязательности, что, безусловно, сужает базу профессионального спорта, который является уделом ограниченного количества людей.

* * *

Олимпиада по своей сути является инструментом «мягкой силы», что вошло в драматическое противоречие с господствующими настроениями в довоенной политической элите, которая сделала ставку на силу «грубую». Это привело к добровольному отказу от проведения Олимпиады 1940 года. В послевоенное время Япония стала мирной страной, и все её упования были связаны с «мягкой силой» (развитие экономики, науки и культуры, повышение качества жизни). Такая ориентация обеспечила успешное проведение Олимпиады 1964 года, что позволило японцам существенно повысить самооценку и международный престиж страны. Однако в последующее время государственное внимание к спорту высших достижений ослабевает, поскольку спорт стал рассматриваться как второстепенное средство в арсенале «мягкой силы».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1964 нэн-но токё оримпикку. Сэйки-но сайтэн ва икани какарэ, катараэрета ка : [Токийская Олимпиада 1964 года. Как описывали и как рассказывали о празднике века]. Токио: Кавадэ сёбо, 2014. 213 с.

Гэндай сэсо фудзокуси нэмпё. 1945–2008 : [Хронология истории обычий и обыкновений современности. 1945–2008]. Токио: Кавадэ сёбо, 2009. 552 с.

Мещеряков А.Н. Пожалование и подношение в официальной культуре Японии VIII века // Вещь в японской культуре, М.: Восточная литература, 2003. С.60–73.

Мещеряков А.Н. Страна для внутренней эмиграции: образ Японии в позднесоветской картине мира. // Отечественные записки, 2014, №3. С.45–55.

Суник А. Современные олимпийские игры. Краткий исторический очерк (1896–2012). М.: Советский спорт, 2013. 230 с.

Сэкигути Эйри. Токё оримпикку то нихон банкоку хакуранкай. Сёхи сарэру сюсай кукан : [Токийская Олимпиада и японская всемирная выставка. Потребление праздничного пространства] // под ред. Оикава Ёсинобу. Токё оримпикку-то сякай кэйдзай си [Социально-экономическая история токийской Олимпиады]. // Токио: Нихон кэйдзай хёронся. 2009. С.1–38.

Хара Такэси. Сёва тэнно : [Император Сёва]. Токио: Иванами, 2008. 228 с.

Хасимото Кадзую. Мабороси-но токё оримпикку : [Токийская Олимпиада-призрак]. Токио: Коданся, 2014. 284 с.

Хатано Масару. Токё оримпикку-э-но харубарукана мити : [Долгий путь к токийской Олимпиаде]. Токио: Сосися, 2004. 245 с.

Хитобито-но сэйсинси. Токё оримпикку 1960 нэндай : [Духовная жизнь людей. 1960-е годы – токийская Олимпиада]. Токио: Иванами, 2015. 329 с.

Sandra S. Collins. Orienting the Olympics: Japan and the Games of 1940. A Dissertation submitted to the division of the social sciences in candidacy for the degree of doctor of philosophy. The University of Chicago, 2003.

REFERENCES

1964 nen no Tokyo orimpikku. Seiki no saiten wa ika ni kakare, katarareta ka [Tokyo Olimpicks of 1964. How it was described and told]. (2014). Tokyo: Kawade Shobo. (In Japanese).

Collins, Sandra S. (2003). Orienting the Olympics: Japan and the Games of 1940. A Dissertation submitted to the division of the social sciences in candidacy for the degree of doctor of philosophy. The University of Chicago.

Gendai seso fuzokushi nenpyo. 1945–2008 [Chronology of the history of modern social conditions and customs. 1945–2008]. (2009). Tokyo: Kawade Shobo. (In Japanese).

Hara, Takeshi (2008). Showa Tenno [Showa Emperor]. Tokyo: Iwanami. (In Japanese).

Hashimoto, Kazuo (2014). Maboroshi no Tokyo Orimpikku [Ghost Olympics of Tokyo]. Tokyo: Kodansha. (In Japanese).

Hatano, Masaru (2004). Tokyo Orimpikku e no Harubaruna Michi [Long Way to Tokyo Olympics]. Tokyo: Soshisha. (In Japanese).

Hitobito no seishinshi. Tokyo Orinpikku 1960 Nendai [Spiritual Life of People. 1960 years – Tokyo Olympics]. (2015). Tokyo: Iwanami. (In Japanese).

Meshcheryakov, A.N. (2003). Pozhalovaniye i podnosheniye v ofitsial'noy kul'ture Yaponii VIII veka [Awarding and offering in the official culture of VIII century Japan], in *Veshch' v yaponskoy kul'ture* [Thing in Japanese Culture], Moscow: Vostochnaya literatura: 60–73. (In Russian).

Meshcheryakov, A.N. (2014). Strana dlya vnutrenney emigratsii: obraz Yaponii v pozdnesovetskoy kartine mira [A country for internal emigration: the image of Japan in the late Soviet picture of the world], *Otechestvennye zapiski*, 3: 45–55. (In Russian).

Sekiguchi, Eiri (2009). Tokyo orimpikku to nihon bankoku hakurankai. Shohi sareru shusai kukan [Tokyo Olympics and World Exhibition in Japan. Festive space consumption], in Oikawa Shinobu (ed.), *Tokyo orimpikku shakai keizai shi* [Socio-economic history of Tokyo Olympics], Tokyo: Keizai hyoronsha. (In Japanese).

Sunik, A. (2013). Sovremennyye olimpiyskiye igry. Kratkiy istoricheskiy ocherk (1896–2012) [Modern olympic games. A brief historical outline (1896–2012)], Moscow: Sovetskiy sport. (In Russian).

Поступила в редакцию 23.10.2020

Received 23 October 2020

Для цитирования: Мещеряков А.Н. История токийских Олимпиад в XX веке // Японские исследования. 2020. № 1. С. 106–129. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10006

For citation: Meshcheryakov A.N. (2020). Istoriya tokiyskikh Olimpiad v XX veke [The history of Tokyo Olympic Games in the 20th century], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2020, 1: 106–129. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10006

Японские исследования. 2020. № 1. С. 130–148.

Japanese Studies in Russia, 2020, 1, pp. 130–148.

DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10007

Правила сложения рэнга, изложенные в трактатах Сё:хаку «Новый свод правил рэнга» (Рэнга синсики, 1501) и Синкэй «Разговоры вполголоса» (Сасамэгото, 1463–1464)

Е.М. Дьяконова

Аннотация. В средневековой Японии поэзия сочинялась строго сообразно с правилами жанра, некоторые были записаны в компендиумах (*сикимоку* 式目), другие – в поэтических трактатах (*рэнгарон* 連歌論), в последних были сосредоточены наиболее важные положения. После сочинений прославленных поэтов о поэзии *рэнга* («нанизанные строфы» 連歌), таких как Фудзивара-но Тэйка, Итидэ: Канэра и других (XIII в.), считавших *рэнга* литературной игрой, поэт и буддийский монах Сё:хаку написал, точнее, скомпоновал наиболее полное собрание правил *рэнга* «Новые правила рэнга» (連歌新式 *Рэнга синсики*, 1501), основанное на трудах нескольких поколений поэтов, для классической формы – стострофная *рэнга* (*хякуин рэнга* 百印連歌). В произведении Сё:хаку, написанном для поэтов и судей на поэтических турнирах, в основном рассматривается поэтический словарь жанра, техника стихосложения, двойные значения слов и их употребление, а также разъяснения сложного комплекса правил и обыкновений во время поэтических сессий. Это практическое пособие для поэтов и судей на поэтических турнирах. Ещё одно важнейшее сочинение о теории жанра в средневековой Японии – это трактат другого буддийского монаха и выдающегося поэта *рэнга* и *вака* Синкэй «Разговоры вполголоса» (ささめごと *Сасамэгото*, 1463–1464). Синкэй, напротив, не говорит о правилах стихосложения, он помещает поэзию «нанизанных строф» в контекст общепоэтической японской традиции, восходящей к классическим *вака*. Трактат устроен как неявный диалог между мудрецом, познавшем тайны поэзии, и провинциальным любителем *рэнга*, который исповедует популярные воззрения на *рэнга* как на игру слов, и низводит этот жанр до житейского уровня. Высказывания Синкэй обличены в метафорически-ёмкую форму; *рэнга* предстаёт в его сочинении как серьёзное искусство эпохи Муромати (1392–1568) и важная часть всей японской средневековой поэзии.

Ключевые слова: Япония, *рэнга*, трактаты по поэзии (*рэнгарон*), книги правил (*сикимоку*), Сё:хаку, Синкэй, поэтический словарь.

Автор: Елена Михайловна Дьяконова, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (адрес: 121069, Москва, ул. Поварская, 25а); профессор Российского государственного гуманитарного университета (адрес: 125993, ГСП-3, Москва, Миусская пл., 6). E-mail: elenadiakonova@rambler.ru

The Rules of *renga* in the treatises by Shōhaku “New Compendium of *Renga*” (*Renga shinshiki*, 1501) and Shinkei “Murmured Conversations” (*Sasamegoto*, 1463–1464)

E.M. Dyakonova

Abstract. In medieval Japan, poetry was composed strictly according to certain rules and conventions, which were recorded mostly in the rulebooks (*shikimoku* 式目) and poetic treatises (*rengaron* 連歌論). In both of these kinds of works, the most important rules and norms were articulated. After several writings on the poetry of *renga* (“linked verses” 連歌) were created by prominent poets Fujiwara no Teika, Ichijyō Kanera etc (XIII c.), who considered *renga* to be just a literary play, a Buddhist monk Shōhaku composed the most important and serious compendium of the rules of *renga*, “The New Rules of Renga” (連歌新式 *Renga shinshiki*, 1501), based on the works of several generations of poets, for the most popular poetic form *hakuin renga* (100 stanzas *renga* 百印連歌). The work by Shōhaku, designed for the poets and judges at poetic tournaments, deals mostly with the vocabulary of *renga*, usage, poetic technique, double meanings of words, traditional allusions. It is a practical guide to the composition of *renga*. One more profound work on poetics written in medieval Japan is a treatise by another Buddhist monk and poet Shinkei, titled “Whisper” (ささめごと *Sasamegoto*, 1463–1464). Shinkei, on the contrary, is far from explaining rules, considering *renga* to be a part of the whole medieval poetic tradition. The treatise is written in the form of a vague dialogue between a sage, who comprehends all the secrets of poetry, and a provincial amateur of *renga*, who expresses the popular view on *renga* as a play and reduces this genre to the earthly level. The statements of Shinkei are made in metaphorical mode, with *renga* in his works becoming a serious art of the Muromachi era (1392–1568) and a significant part of Japanese poetry in general.

Keywords: Japan, *renga*, treatise on poetry *rengaron*, rule book *shikimoku*, Shōhaku, Shinkei, poetic vocabulary.

Author: Dyakonova Elena M., PhD (Philology), Leading researcher, Institute for World Literature of Russian Academy of Sciences (address: 25a, Povarskaya Str., 121069, Moscow, Russian Federation); Professor, Russian State University for the Humanities (address: 6, Miusskaya Sq., 125993, Moscow, Russian Federation). E-mail: elenadiakonova@rambler.ru

Первые правила сложения стихотворений *рэнга*, («нанизанные строфы») были изложены императором Дзюнтоку (правил 1210–1222), в трактате *Якумо мисё*: – «Августейшие выборки восьми облаков» в 1221 г., когда придворные поэты стали испытывать серьёзный интерес к этому жанру. В названии трактата словосочетание *якумо* («восемь облаков») отсылает нас к *Кодзики* («Записям о делах древности», VIII в.) древнему своду мифов и исторических преданий, где в одной из первых вака («японских песен»), сочинённых богом Сусано-о-но микото, упоминается дворец Восьми облаков.

Мы уже публиковали несколько статей об этом сложном жанре, представляющим собой диалог между 2–3 поэтами, которые публично обмениваются двустишиями и трёхстишиями по определённым строгим правилам [Dyakonova, 2018]. Бывают и «нанизанные строфы», принадлежащие одному поэту, тогда они носят название *доку рэнга*. *Рэнга* бывают разной длины: наиболее распространённые – *годзюин* – 50 строф, *ёёси* – 44 строфы, *касэн* – 36 строф в память о «36 гениях японской поэзии» и форма, признанная

классической – *хякуин* – в 100 строф. Отметим, что большинство трактатов рассчитаны именно на стихотворение *рэнга* в 100 строф¹.

В трактате императора Дзюнтоку были сказаны важные вещи, например, что каждая строфа должна быть независимой – и грамматически, и семантически, она связана только с последующей строфой, всё что было до этого, вся предыдущая цепочка как бы «забывается». Строфа – это отдельное высказывание, а не просто часть цепочки.

Вместе с тем нанизанные строфы подчиняются общей идее, единой воле *хонъи*, т.е. каждая строфа не фрагмент, а независимая часть, тяготеющая к целому. Из правил императора Дзюнтоку: ни одна из конвенциональных тем (любовь, весна, осень, путешествие, ночлег в пути и т.д.) не может распространяться на более чем несколько строф (двустиший и трёхстиший). Нельзя задать единую тему, как на поэтических турнирах, общей темы нет: весна через несколько строф превращается в осень, любовь в путешествие и т.д. Таким образом, *рэнга*, которая сочинялась экспромтом, непредсказуема, поэты не знают, куда заведут их «повороты темы». Часто поворот происходит через 2–3 строфы. Темы сменяют одна другую, и ни одна не может доминировать, движение происходит в разных неожиданных направлениях.

Рэнга сочинялась экспромтом на публичных поэтических сессиях, где присутствовали не только поэты-участники, но и знатоки, критики, просто зрители. Видимо, предварительные заготовки всё же существовали, но поэты не знали, к каким темам их приведёт цепочка *рэнга*.

Такие именитые поэты, как Фудзивара-но Тэйка и его сын Тамэиэ, тоже сочиняли правила для придворных сессий *рэнга*, но оба они относились к этому жанру поэзии скорее, как к игре. После императора Дзюнтоку наиболее значительные своды правил написали прославленный поэт, глава поэтической школы Нидзё: – Нидзё: Ёсимото (1320–1388) и его наставник, первый крупный поэт *рэнга* Гусай (или Кю:сэй, 1282–1376), деятели эпохи Намбокутё: (1336–1392). Они сочиняли компендиум *О:ан синсик* («Новые правила эры О:ан», 1372) – другое название *Рэнга синсик* («Новый свод правил *рэнга*») на протяжении 25 лет. Он служил учебником и справочником для сочинителей *рэнга* и для судей поэтических турниров. Сочинение *рэнга* становилось всё популярнее, поэтому требовались всё более детализированные правила, они значительно усложнялись. Текст Нидзё: Ёсимото и Гусай был открыт – это было большое новшество: и сами авторы, и другие поэты дополняли и продолжали писать «Новый свод правил *рэнга*» на протяжении многих лет. Нидзё: Ёсимото на протяжении всей жизни прибавлял новые главы к своему компендиуму.

Важную роль в становлении окончательного свода законов *рэнга* сыграл знаменитый внук Нидзё: Ёсимото – Итидзё: Канэра, написавший труд *Рэндзю: гаппэки сю:* (1476?). Этот амбициозный человек, канцлер, регент, учитель поэзии при сёгуне, советник императора, обладатель обширнейшей библиотеки, во всем стремился превзойти своего прославленного деда Нидзё: Ёсимото. Канэра вписал в трактат Ёсимото свой труд *Синсик кинъан* («Нынешнее пояснение к новым правилам», 1452) как приложение или дополнение.

¹ Разумеется, многообразие сборников *рэнга* не ограничивается стострофной «хякуин». Сохранились сборники из тысячи и, реже, из десяти тысяч строф. Они представляют собой объединение *рэнга* из ста строф. К примеру, сборник из тысячи строф подразделяется на десять таких антологий. Таким образом, *рэнга* из тысячи строф записывалась на сорока листах (десять «хякуин», по четыре листа каждая), а *рэнга* из десяти тысяч строф – соответственно на четырёхстах листах.

Наиболее известное сочинение по теории *рэнга* – это труд *Рэнга синсики цуйка нарабини синсики кинъан то:* («Новый свод правил *рэнга* наряду с дополнением нынешнего пояснения к Новым правилам и другим сочинениям», 1501), сокращённо – *Рэнга синсики*. В него были включены труды предшественников, его собрал и закончил буддийский монах Сё:хаку² (1443–1527), ученик лучшего поэта *рэнга* Со:ги (1421–1502), монаха секты Риндзай, отшельника, автора трактатов, стихов и путевого дневника.

Сё:хаку описал правила, действовавшие в его эпоху, они считаются наиболее полным и адекватным собранием правил *рэнга* в традиции. Сё:хаку под руководством Со:ги собирали разные мнения о правилах сочинения *рэнга*, начиная с 1482 г., т.е. почти 20 лет до публикации в 1501 г. Читать *Рэнга синсики* – это значит слышать голоса Ёсимото, Гусай, Канэра, Со:ги, Сё:хаку, а также голоса многих анонимных поэтов, которые принимали участие в разработке канона, но чьи имена не сохранились к началу XVI в. Именно этот сводный трактат создал репутацию жанра как строго регламентированного. В тексте приводятся разные мнения авторов по поводу одного и того же образа, так что можем смело назвать этот трактат многоголосым, диалогичным, как и сам жанр *рэнга*. Трактат 1501 г. был всеми принят как новый полный компендиум правил *рэнга*, это было общее произведение нескольких поэтов и теоретиков. «Нанизанные строфы» в начале XVI в. стали признанным всеми популярным жанром, со строго определёнными, очень сложными законами. Учителя *рэнга* селились в главных городах, замках, многие из них были учениками Со:ги, о котором я уже имела случай рассказывать и публиковать о нём работы.

Американская исследовательница Эсперанца Рамирес-Кристинсен называла трактат Сё:хаку «грамматикой» жанра [Ramirez-Christensen, 1994, с. 34]. Писался он в практических целях, для судей поэтических турниров и поэтов. В нём произошла категоризация поэтического словаря *рэнга*. «Нанизанные строфы» должны были вмещаться в границы строго ограниченных тематических категорий, более общих – весна *хару*, лето *нацу*, осень *аки*, зима *фую*, любовь *кои*, путешествие *таби*, воспоминания *дзюккай*, буддизм *сяккё:*, синто: *дзинги*, и разное *дзо:*. Есть и вторая ступень категоризации: *санруй* горы, *кёсё:* жилища, *суйхэн* вода, *фуримоно* осадки, *собикимоно* высящиеся, возвышающиеся вещи, *ябун* ночь, *уэмоно* растения, *угокимоно* животные, *дзинрин* человеческие взаимоотношения, *надокоро* знаменитые места, *ируи* одежда.

Все понятия второй категории могут разрабатываться внутри темы первой категоризации, т.е. горы, жилища, осадки и т.д. могут вмещаться в любую из первых категорий: осень, любовь, путешествие и т.д.

Стострофная *хякуин* *рэнга* записывалась на листах, согнутых вдоль пополам. Бумага, которая выделялась вручную, добывалась из бумажного дерева *мицумата*, она была цвета яичной скорлупы, разукрашена узорами; по китайской традиции на бумаге наводились узоры из облаков – средоточие животворной силы *цы* (яп. *ки*) либо травяной узор. Бумага бывала двуцветной – внешняя сторона голубая, внутренняя – пурпурная, её украшали квадратиками из тонкой серебряной и золотой фольги. Стихи писались на двух сторонах листа *ура* и *омотэ*, многие слова в тексте связаны с этим листком бумаги: важно, на какой стороне листа бумаги

² Сё:хаку (1443–1527) – буддийский монах аристократического происхождения, паломник, поэт *рэнга* и *вака*, его литературное имя Ботангэ («Цвет пиона»), он жил одиноким отшельником в хижине в горах провинции Сэтцу.

написаны стихи – на лицевой или оборотной. В цепочке стихотворений обозначаются строфы, написанные на лицевой стороне либо на оборотной (*омотэ* или *ура*)³.

Как же устроен удивительный трактат *Рэнга синсеки*? В нём 18 глав, и все они за редким исключением представляют собой перечисление и классификацию слов, принятых в *рэнга*. Практически, это словарь лексики «нанизанных строф». Главы расположены так, что можно понять, какие слова употребляются в стострофной *рэнга* один, два, три, четыре и пять раз. Далее следуют главы, в которых перечислены слова, которые можно употреблять через одну, две, три, четыре, пять, шесть и семь строф. Одна большая глава посвящена нейтральным словам, которые можно употреблять по мере надобности, не подчиняясь правилам.

Таким образом, вся поэтическая лексика расписана по всем 18 главам с короткими комментариями. Есть и небольшие главы, в которых освещаются некоторые теоретические положения, например, понятие 打ち越しを嫌う うтико:си о кирау – «отталкивать», «отторгать», «не выносить», когда два слова входят в противоречие друг с другом, «сталкиваются», что неприемлемо. Второе понятие – 輪廻 риннэ: в буддизме это круговорот человеческого существования, в поэтике *рэнга* понимается как повторение, возвращение, цикличность употребления слов-образов. Словарь *рэнга* составлен так, словно человека в круговороте его жизни сопровождают наборы слов, которые движутся с ним, с его судьбой. Это круговорот слов в движении от одного поворота темы к другому. В пример приведём главу VII «Вещи, которые могут появляться в стострофной *рэнга* один раз»⁴. Собственно, вся глава – это перечисление, в ней насчитывается около 57 слов (объяснение дано ниже), они распределены по категориям. Категория растения *уэмоно*: молодые травы, азалия, ирис, цветущий мандарин, *оминаэси*: – девичья краса, хвост; насекомые *муси*: цикада, кузнецик; животные *угокимоно*: дракон, тигр, медведь, дикий кабан; существа *сэйруй*: демон (ранее демон

³ Существовали правила, согласно которым группировали и располагали строфы *рэнга* на листе. Первые восемь строф записывают на внешней стороне («сёомотэ» 初表) первого листа («сёори» 初折), следующие четырнадцать – на оборотной стороне («сёура» 初裏) того же листа. Следующие два листа содержат по четырнадцать строф на каждой стороне. Последний лист называется «нагори-но ори» 名残の折 (букв., «последняя складка»). На его внешней стороне – четырнадцать строф, а на оборотной – восемь.

⁴ Слова, которые встречаются в стострофной *рэнга* не более одного раза: «иккумоно» 一句物 или «итидзаиккумоно» 一座一句物. Это особая группа слов, которые считались настолько сильными по художественному воздействию, что их можно было употребить в свитке *рэнга* (обычно состоявшем из ста строф) не более одного раза. Встречается также иное название этого термина: «итидзаикку» 一座一句. В «итидзаиккумоно» входили следующие образы: 鹿 «сика» («олень»), 猿 «сару» («обезьяна»), 若菜 «вакана» («молодые травы», «первая зелень»), 躚躅 «цуцудзи» («азалия»), 昔 «мукаси» («древность», «старина»), 夕暮れ «юфугурэ» («вечер», «сумерки»), 鶯 «угусу» («соловей») и другие, всего 57 слов. *Итидзаникумоно* 一座二句物 (слова, которые встречаются в стострофной *рэнга* не более двух раз): ядори 宿り («ночлег»), иноти 命 («жизнь», «судьба»), тами но о 玉の緒 («яшмовая нить», фигуральное обозначение жизни, судьбы), аса 朝 («утро»), юфу 夕 («вечер»), акикадзэ 秋風 («осенний ветер»), «кари» 雁 («гуси»). *Итидзасанкумоно* 一座三句物 (слова, которые встречаются в стострофной *рэнга* не более трёх раз): сакура 桜. *Итидзасанкумоно* 一座四句物 (слова, которые встречаются в стострофной *рэнга* не более четырёх раз): сора 空 («небо»). *Итидзагокумоно* 一座五句物 (слова, которые встречаются в стострофной *рэнга* не более пяти раз): ё 世 («мир», «свет»).

Следующий раздел регулирует количество строк, через которое может употребляться то или иное слово: *Какакугокумоно* 可隔五句物 (слова, которые могут повторяться через каждые пять строф): но 野 («поле»), кэмури (кэбури) 煙 («дым»), ура 浦 («бухта», «залив»), кадзэ 風 («ветер»). *Какакунанакумоно* 可隔七句物 (слова, которые могут повторяться через каждые семь строф): мацу 松 («сосна»). Здесь приведены только избранные примеры слов, могущих употребляться в разных разделах [Мацумура, 2001, с. 120–121].

относился к насекомым), женщина; прошлое *о:дзи*: древность, вчера; осадки *фуримоно*: дождь, капли дождя, сильный дождь, снег, роса, туман.

Считать слова трудно, потому что есть комментарии, сбивающие со счёта: например, в главе IX о вещах, которые три раза могут упоминаться в стострофной *рэнга*: «весенняя луна» один раз может встретиться как «рассветная луна» в контексте темы «весна», один раз можно упомянуть «новолуние» в контексте темы «весна», один раз «полная луна» в контексте «любование луной», «ранняя осень». Синтоистских богов *ками* позволительно упомянуть три раза в стострофной *рэнга*, один раз как «*ками*», один раз как имя одного из *ками* – «Аматэрасу» или «Сусано-о-но микото», один раз в сочетании, например «Путь *ками*».

Встречаются уточнения Сё:хаку, например, такого типа: рассуждая на тему «роса на рукаве» автор поясняет, что если это слёзы, смочившие рукав, то тогда это сочетание относится к разделу «любовь», а если это влага, то к разделу «осадки». Ёсимото, например, добавляет, что если в стихотворении о цветении «ветер» соединён с «весенней дымкой», то это сочетание не может более повторяться в стословной *рэнга* как очень сильное. Также о *Гэндзи моногатари* («Повесть о Гэндзи» Мурасаки-сикибу, XI в.) написано, что любое упоминание о принце Гэндзи обладает такой мощной силой воздействия, что аллюзии на него могут распространяться на три строфы подряд. В двух строфах подряд могут содержаться аллюзии на один эпизод из Гэндзи.

Таких комментариев множество, они оперируют практическим всем поэтическим словарём поэзии *рэнга*, унаследованным ею от более древней поэзии *вака*. Мы должны иметь в виду, что поэтическая лексика заранее, до написания стихотворения уже готова к употреблению, она расписана с большой точностью. Учитывая, что *рэнга* сочиняется экспромтом несколькими поэтами (чаще всего тремя) при большом стечении народа, становится ясно, какой памятью должен обладать поэт, чтобы держать всё это сложнейшее построение в голове во время сочинения *рэнга*. Ведь неправильный счёт слов и образов был неприемлем.

Удивительно, что жанр, казалось бы, должен быть «скован» многочисленными жёсткими правилами, от которых нельзя отойти ни на йоту, постоянно держа в голове и запоминая словоупотребление во всех предыдущих строчках. Однако сохранившиеся *рэнга* XV–XVI вв. демонстрируют огромную свободу внутри канона.

Приведём в пример начало самой известной *рэнга* «Сто строф, сложенных тремя поэтами на реке Минасэ» (*Минасэ сангин хякуин*, 1488).

Лист 1. Лицевая сторона

Ещё падает снег,
Но дымка уже окутала
Подошву горы. Вечер.
Со:ги

Воды струятся в дальнюю даль.
В селении аромат сливы цветущей.
Сё:хаку

Ветер речной
 Колышет прибрежные ивы.
 Похоже, весна.
Co:mē

На рассвете слышен отчетливо
 Плеск воды под шестом-кормилом.
Co:gi

Луна
 не померкла ли ночью,
 Туманом повитая?
Cē:hakу

На пустоши и поля
 Иней лёг. Поздняя осень.
Co:mē

Пренебрегая
 Жалобами цикад,
 Травы пожухли.
Co:gi

Через изгородь перебрался.
 Заброшенная тропинка...
Cē:hakу

Лист 1. Оборотная сторона.

Глубоко в горах
 Деревушка. Загромыхает ли
 Буря?
Co:mē

Дом, где не жил отродясь,
 Грусть навевает.
Co:gi

Покуда
 Не пришло ещё время
 О себе, одиноком, подумать.
Cē:hakу

Неужто не ведал ты,
 Что всё преходящe?

Co:mē

<...>

Японские филологи, наряду с западными учёными, задаются вопросом, почему жанр *рэнга* «оброс» таким огромным количеством сложных правил и ограничений, про которые американский учёный С.Д. Картер писал: «правила, правила и ещё раз правила...» («rules, rules and more rules...») [Carter, 1981, с. 428]. Возможный ответ, высказываемый в качестве гипотезы, гласит, что поэтика *вака/танка* была к XIV в. очень хорошо разработана на протяжении 600 лет и выглядела как стройная система, изложенная в многочисленных трактатах, предисловиях к антологиям, комментариях. Поэтика *рэнга*, хоть и зародилась ещё в VIII в. (а в устной форме, возможно, и ранее), а первые её элементы наблюдаются в амебийных песнях *утагаки* («песенная изгородь») и *каэси ута* («возвратные песни»), вошедших в первую поэтическую антологию японцев «Собрание мириад листвьев, (*Манъё:сю:*, VIII в.), не была так развита, чтобы противопоставить её поэтике *вака*.

Для теории *рэнга* много сделал ещё один буддийский монах, философ, поэт Синкэй, написавший обширный трактат «Разговоры вполголоса» (*Сасамэгото*, 1463–1464), одно из важнейших сочинений средневековой Японии. Автор – монах секты Тэндай, поэт *рэнга*, настоятель храма Дзю:дзю:синъин в Хигасияма (Киото). Известен и как поэт *вака*. По мнению Синкэй, времена Гусай и Нидзё: Ёимото – это эпоха первого расцвета жанра, однако лет через 40 после смерти Гусай «серъёзный» стиль в *рэнга*, стал угасать, потеряв силу напряжения между строфами, высокую степень поэтического чувства, значительность содержания. Так что в первые десятилетия эпохи Муромати (1336–1573), т.е. в эпоху самого Синкэй, этот жанр был отмечен всеми признаками увядания. Одна из причин угасания *рэнга* состоит в серъёзной коммерциализации этого вида поэзии. По всей стране возникали сообщества любителей *рэнга*, не только в среде аристократов и самураев, но и среди людей необразованных. Всё больше любителей популярного искусства хотели изучать его правила и тонкости, и тем больше появлялось профессиональных *рэнгаси* («учителей *рэнга*»), кочующих монахов, или тех, кто изображал монахов, которые за кров и пищу готовы были преподавать правила стихосложения, о которых имели очень приблизительное понятие. Такие «учителя» были, по мнению Синкэй, сродни игрокам в кости, которые на поэтических состязаниях делали денежные ставки и выигрывали у любителей за счёт изобретательности, юмора, а также на том основании, что могли сочинить *большее* количество строф в отведённое время.

Таково было положение дел в то время, когда Синкэй и другие поэты, позже получившие наименование «семь мудрецов *рэнга*» (*рэнга ситикэн*)⁵, составили новые трактаты и написали новые «цепочки» *рэнга*, которые стали называться *усин рэнга* («стихи, имеющие сердце») в отличие от *мусин рэнга* («стихи без сердца»), т.е. юмористические, изобретательные сочинения, которые пользовались популярностью, но не отличались глубиной.

Самое значительное, что сделал Синкэй, – исчерпывающе изложил в метафорической форме и сформулировал важнейшее для него понятие – Истинный Путь *рэнга* (*рэнга-но макото-но мити*). Стремится к осознанию того, что была поэзия *вака* в антологии («Новое собрание старых и новых песен Японии» (*Синкокинсю:*, XIII в.) и *рэнга*, собранные в антологии «Собрание [горы] Цукуба» (*Цукуба сю:*, XIV в.).

⁵ В 1476 г. лучший поэт *рэнга* Со:ги составил в подражание антологии китайских поэтов IV в. «Семеро мудрецов из Бамбуковой рощи» собрание стихов «Выборки из Бамбуковой рощи» (*Тикуринсё:*), в который вошли стихи наиболее достойных, по его мнению, поэтов XV в. Это Со:дзэй (1382?–1455), Со:и (или Катамара, 1418–1485), Синкэй (1406–1475), Гё:дзё (1405–1469), Сэндзюн (1411–1476), Тиун (или Тикамаса, ум. 1448) и Но:а (1397–1471).

Синкэй обратился к важному понятию классической поэзии *кокоро* («сердце»), которое имеет несколько значений – «душа», «сердце», «смысл», которое обрело важность в контексте современных ему споров о *рэнга*, где его противники утверждали, что эта поэзия – просто игра в слова, свободное «плетение словес», не претендующее на глубину, «соревнование в остроумии» [Ramirez-Christensen, 2008, с. 4]. Японский исследователь Кониси Дзинъити считает, что такой взгляд на *рэнга* как на словесное упражнение – это естественное следствие отношения к этому жанру как к произведению искусственного языка [Konishi, 1975, с. 32], а Рамирес-Кристенсен считает, что «язык *рэнга* может рассматриваться как “иностранный”, “чужой”, поскольку его лексика – это словарь классической поэзии *вака*, а грамматика – заимствована из творчества поэтов эпохи Камакура – Намбокутё:⁶» [Ramirez-Christensen, 2008, с. 4].

Именно в споре с таким широко распространённым взглядом на поэзию *рэнга* и на производную от неё поэзию *хайку*, возникшую позже, в эпоху Эдо (1603–1867), и был написан трактат Синкэй. Для Синкэй именно человек и его чувства, а не слова и упражнения в остроумии – ядро, зерно и смысл стихотворения. Изобретательность, ловкость, эффективность *рэнга* как главная цель этого жанра в понимании множества поэтов противопоставлены в сочинении Синкэй фундаментальному осознанию формы и сущности поэзии, пониманию того, как возникает ощущение сложной красоты *эн* (艶), важное в его поэтике. Он считает, что слова в стихах должны обретать дополнительные смыслы, означать более, чем их словарные значения, а главное в поэзии – это сам поэт и его ощущения, а не его слова, т.е. *кокоро* (сердце) противопоставляется *котоба* (словам). Высокая поэзия недоступна дюжинным умам.

Трактат Синкэй состоит, как и *рэнга*, из отдельных слабо связанных друг с другом фрагментов. Это скорее жанр размышлений на тему *рэнга* в эссеистском духе, напоминающем *дзуйхицу* («вслед за кистью»)⁷, он сильно отличается от предыдущих трактатов, что видно даже из названия. Синкэй проводит мысль о том, что, практикуя любой вид искусства, ремесла и даже просто умения, человек создаёт с помощью «озарения» (*сатори*) Путь (*мити*). Он исследует природу поэзии *рэнга* именно в эстетическом ключе, попутно решая моральные вопросы творчества.

Трактат устроен как неявный диалог между мудрецом, познавшем тайны поэзии, и провинциальным любителем *рэнга*, который исповедует популярные воззрения на *рэнга* как на игру слов, низводит этот жанр до житейского уровня. Последний спорит с учителем, но и прислушивается к его мнению. Способ восприятия мира учителя становится ясным, если посмотреть на него через призму философских учений Китая, преобразованных в Японии. Конфуций, величайший мудрец, потерпел неудачу на политическом поприще, это говорит о том, что настоящая мудрость не совпадает с мирским успехом. «Лао-цзы следовал простейшей данности жизни “таковости” всякого существования, “поклонник всего естественного и спонтанного... Он считал: чтобы стать собой, нужно устраниТЬ себя, жить в мире вне мира» [Малевин, 2019, с. 7]. В трактате Синкэй мысли Лао-цзы пересозданы, проводится “идея отшельничества, затворничества, внутренней скромности, граничащей

⁶ Эпоха Камакура – 1185–1333, Намбокутё: – 1336–1392.

⁷ *Дзуйхицу* – букв. «вслед за кистью», средневековый жанр японской литературы, в котором нет развития сюжета, произведение *дзуйхицу* содержит слабо связанные между собой размышления. Ярким примером *дзуйхицу* является эссе Сэй-сёнагон «Записки у изголовья» (*Макура-но со:си*, X в.).

с устраниением себя” [Малявин, 2019, с. 6]. Только поэты такого рода, “не такие, как другие” могут создавать выдающиеся произведения. “Мудрый смотрит глубже всякой точки зрения, и всегда поступает “наоборот”» [Малявин, 2019, с. 12].

В «Разговорах вполголоса» стилистика афоризма, где паузы значимы и составляют важную часть художественного текста, сочетается с «учительскими фрагментами», всё вместе приобретает характер заклинания. Это становится понятно, если знать, что такие трактаты полагалось читать вслух непрерывно, как буддийские сутры. Автор словно «ходит кругами», добиваясь понимания его непрозрачных идей, не прямо и последовательно излагает свои мысли, а опосредованно, не чётко, прибегая к метафорически-ёмким, иногда загадочным метафорам, сравнениям. Иногда речения его наивно-простодушны, словно народные поговорки. Между первыми и вторыми возникает художественное напряжение. Главы сочинения Синкэй как будто логически не объединены, словно он отступает от темы и приступает к ней по нескольку раз с разными целями. Главы часто представляют собой иллюстрацию темы, заявленной в заголовке. Всё, что он говорит, пронизано идеей преемственности, которую он ведёт от далёких по времени сочинений китайских философов к японским предшественникам и современникам, создателям поэтики *вака* и *рэнга*.

«Благородный муж печалится о Пути, маленький человек оплакивает свою бедность», – эта максима, пожалуй, важнейшая в трактате «Разговоры вполголоса». Метафорически-ёмкие формулы, разнообразные тропы, сложное цитирование, неполные, переосмыслиенные пересказы известных цитат из китайских философских сочинений – все эти приёмы призваны выстроить образ идеального поэта, создателя совершенных стихов. Синкэй предлагает идти наперекор мнениям и обыкновениям большинства, противопоставляя поэта толпе, которая глумится над ним, сравнивает с ним мудрого ястреба, над которым смеется вороньё, с Буддой, над которым потешаются пять тысяч священников.

Всего в трактате 60 глав, не считая предисловия и заключения; число 60 означает в китайско-японских представлениях полноту, человеческий век исчисляется 60-ю годами, время в целом делится на 60-летние циклы. Внутри глав выделяются различные стилистические и смысловые пласти: афористические высказывания о сути поэзии и назначении поэта, «учительские» пассажи о Пути *рэнга*, о «десяти стилях», цитаты из китайских философов, из японской классической поэзии (почти каждая фраза имеет свой источник). Трактат «Разговоры вполголоса» заслуживает отдельного подробного изучения, но об этом в следующей работе.

Перевод фрагментов из трактата Синкэй «Разговоры вполголоса»⁸

Предисловие

Увлёкшись проникновенными рассуждениями о делах плывущего мира, мы с моим добрым другом понимаем внезапно, что невзначай оказались у Залива *Вака*⁹ и, позабыв о мирском, бредём по неведомой тенистой тропе. Возможно, речи наши нестройны, бессвязны,

⁸ Комментарии к переводу трактата «Разговоры вполголоса» опираются на пояснения Итидзи Тэцуо и др. [Синкэй, 1963], Окуда Исаака, Омотэ Акира и др. [Рэнгаронсю:, 2001].

⁹ Залив *Вака* – *Вака-но ура* – морской берег в нынешней префектуре Вакаяма, это название стало известно с VIII в. благодаря совпадению топонима с названием жанра, а затем и всей классической поэзии *вака*. Синкэй жил в деревне на берегу залива, когда писал «Разговоры вполголоса».

но мы можем не бояться любопытных ушей за стенами¹⁰, поскольку ведём всего лишь разговоры вполголоса, укрывшись под низким навесом из соломы.

Принято думать, что восемь сотен миллионов мыслей пролетают в сознании за одну ночь¹¹, тяжкий грех забывать о них, будто думы ночные вовсе молчат о поэзии. Больше скажу: они, эти мысли, – путеводная нить для тех, кто без должной основы берется судить о стихах. Они всего лишь запись о наших собственных недоумениях, которые возникают, пока мы следуем Путём поэзии.

Глава «Переосмысление уклоняющегося от средины и невнятного»

Провинциальные поэты отвергают стихи, которые отличаются от их собственных как уклоняющиеся от средины и невнятные им. Что вы об этом думаете?

С этим ничего нельзя поделать, поскольку они обратили свои сердца именно к такому стилю, в котором они черпают удовлетворение. Поэты с талантом, впрочем, стремясь в небеса, забывают навести туда мосты, но мечтают освободить свой ум от оков. Мудрее будет, конечно, восхищаться стихами, отличными от своих собственных.

Священник Сё:тэцу всегда говорил: «Какой несовершенной моя поэзия должна казаться другим, ведь я всегда стараюсь избегать проторенных троп». Такие мудрые слова да послужат предостережением.

Глава «Уединение»

Искусство стихосложения достигло таких высот, что создать эффект двойного смысла может даже неопытный автор; подобные стихи появились во множестве и впечатление от их многосмысленности постепенно стирается. Стихи эти нарочно искусны и тем приелись; для многих стихотворцев вторые смыслы сделались своего рода мороком, наваждением. Они уже не могут писать иначе. Поговаривают, что многосмысленность – кровь поэзии, но нынче – это попросту ремесленная обыденность.

Среди бессмертных поэтов, глубоко ощущавших Путь, попадались и приверженцы тихого затворничества; они не появлялись на поэтических собраниях, никто их не знал. Поговаривали, будто многие затворники черпали из источников поэзии, поболее тех, кто стяжал славу; подобное поистине обескураживает. А ведь древние мудрецы уверяли, что именно среди таких людей стоит искать истинного поэта. К патриарху Юима в его убогую хижину под сенью дерев приходил поклоняться великий святой Мондзю¹².

Кёю: у скалы Кидзан под бедной сосной услыхал пустой шум ветра¹³ и воспрял ото сна о человеческой доле.

¹⁰ Отсылка к известной поговорке *кабэ ни мими арэ* – «и у стен есть уши».

¹¹ Отсылка к известной цитате из сочинения монаха секты Дзё:до Дао Цзю (209) (VI–VII вв.), упоминается в «Повести о смуте годов Хогэн» (*Хогэн моногатари*, 1219–1222) и «Записях о Великом мире» (*Тайхэйки*, 1346–1372): «Каждый день и каждую ночь, что проходят, каждый человек, рождённый в этом мире, страдает от восьми сотен и сорока миллионов мыслей – так говорится в Сутре Дзё:до Босацу».

¹² Мондзю – санскр. Манджуши – история посещения сподвижником Будды по прозванию «красивый голос», «господь речи» Манджуши нищего патриарха Юима, соревновавшегося в мудрости с учениками Будды, описана в сутре Вималакитри нидреса сутра, одном из первых текстов буддизма махаяна.

¹³ Пустой шум ветра – этот образ возник из обыкновения вешать пустую тыкву-горлянку на дерево, ветер проникает в неё, возникает своеобразная музыка ветра.

Довольствуясь чашкой риса и глотком воды из тыквы-горлянки, Гань Кай¹⁴ жил в безвестности среди диких трав.

Сонсин¹⁵ в его бедности постелью служила скудная охапка соломы, а ведь прослыл-таки мудрецом.

До самого смертного часа Кай Си-суй¹⁶ отказывался сойти с горы, там и упокоился; с той поры в День Холодной Пищи¹⁷ ни в едином очаге на земле не пылает огонь.

Сайгё:¹⁸ числил себя среди нищих бродяг, однако же мир мудрости¹⁹ озарён его именем.

Говорят, что отрекшийся император Готоба²⁰ дважды августейше воссел на каменную скамью у хижины Камо-но Тё:мэй²¹.

Для истинно бессмертного поэта не существует ни выгоды, ни заслуги. Он должен уподобиться Будде, который проповедовал у хижины патриарха Юима.

Благородный муж печалится о Пути, маленький человек оплакивает свою бедность²².

Их разум чист, словно водоём с отражением луны, поистине они обретают радость в рощах поэзии. Но попадаются и насмешники над такими, а иные и вовсе презирают тонко чувствующих поэтов.

Даже сладкая роса слов может обернуться ядом, коли замыслил говорящий уязвить своей речью²³.

Говорят, что даже божественная сила не может одолеть силу судьбы (кармы).

Ястреб мудр, но разве вороньё над ним не потешается?

Даже над Буддой насмехались пять тысяч чванливых святош.

В мире найдется множество стихотворцев, по легкомыслию и безрассудству губящих свое дарование, их легко спутать с теми, кто отверг мирские желания. А ведь они воистину хуже потворствующих страстям, ублажающих бренную плоть. Именно они укрывают в своём сердце бесчисленные пороки.

Так и среди якобы приверженных Пути вдоволь неискренних, притворных, чья любовь – только кажимость, усилия – лишь напоказ, а души холодны и равнодушны. Немало подобных и промеж поклоняющихся Будде.

В старину люди говорили, что слова и дела обнаруживают истинную природу таких людей.

¹⁴ Гань Кай – ученик Конфуция, удовлетворялся малым и был счастлив.

¹⁵ Сонсин – Гэнко: был бедняком, плёл циновки из соломы. Упоминается в «Записках из кельи» (Ходзёки, XIII в.) Камо-но Тё:мэй.

¹⁶ Кай Си-Суй, кит. Цзе Чжи-туй. Скрывался в горах, его патрон, желая принудить мудреца вернуться на службу во дворец, поджёг лес в горах, но Цзе Чжи-туй так и не спустился и сгорел в огне.

¹⁷ День Холодной Пищи – 105 день от зимнего солнцестояния, праздник поминовения Цзе Чжи-туй, день, когда он скончался.

¹⁸ Сайгё:, или Сайгё:-хоси (1118–1190) – вероучитель Сайгё:, крупнейший поэт Средневековья, бродил по стране, не заботясь о пропитании, его кормили сердобольные жители гор.

¹⁹ Мир мудрости – имеется в виду собрание поэтов-составителей Синкокинсю: (Тэйка, Сюндзэй, Готоба), которые поместили в ней наибольшее число *waka* Сайгё: [Рэнгаронсю:, с. 144].

²⁰ Император Готоба – 82-й император, правил с 1183 по 1198 г., крупный поэт, по его рецензии была создана антология «Новое собрание старых и новых песен Японии» (Синкокин *wakas*:; XIII в.).

²¹ Камо-но Тё:мэй (1154–1216) – писатель, поэт, эссеист, автор замечательного сочинения в жанре дзуихицу «Записки из кельи» (Ходзёки, XII в.).

²² Эта фраза восходит к «Лунь Юй» («Беседы и суждения»), важнейшей книге конфуцианского Четверокнижия (Сы шу): «Благородный муж радеет о Пути, ничтожный – только о собственной выгоде».

²³ Синкэй перефразирует отрывок из трактата *Дайитидо:рон*: «Язык предельной мудрости – это сладкая роса, что питает человека, пустые фальшивые слова – яд, что убивает».

Пока змея не развернёт свои кольца, нельзя судить о её длине, но порой довольно одного слова, чтобы понять, умён человек или глуп.

Стоек человек, но стойкость вовсе не всегда человечна.

Глава «Правила и многоразличные от них отклонения»

Случается в наших краях, в глухих уголках, твердят старики и неопытные юноши, что все стихи, не блюдущие правил, Путь нарушают.

Так говорят старые поэты. Возможно, они правы, коли берут в рассуждение только язык «нанизанных строф». Что до смысла стиха и порядка строк, то различий не избежать. Потому-то между собою несхожи «десять стилей» поэзии²⁴. А те поэты, что повторяют сами себя, ничуть не меняясь, «видят лишь палец, на луну указующий, [а не само ночное светило]»²⁵. Про других, безоглядно, безмысленно вторящих древним, говорят, мол, они подбирают плевки минувших времен; предки наши таких отвергали²⁶.

Рё:сюн²⁷ утверждал: бездумно следуя одной оболочке правил, не вознесёшься до гения в стихах. Он, впрочем, вовсе не имел в виду стремиться мыслью произвольно, куда попало. Не следует, однако ж, облекаться то в жёлтые одежды, то в гладкие белые – прискорбно пренебрегать природным пятицветьем.

Вот и ученье Будды не сосредоточено отнюдь в одном его изводе – в каждом отдельном найдёшь нечто от сути его, что-то от внешних приёмов, но ни один не владеет истиной в её полноте. Потому и явлена миру троица мудрости: слово Кун-цы, проповедь Будды и синто – Путь Богов, – в совокупности. Поврозь существуют они, но исток их един²⁸.

Глава «Знаки временного в таланте поэта, постижение, слава или неизвестность»

Не так уж редко бывает, когда поэты, казалось бы, равные в усердии и поэтическом даровании, в конце концов явно превосходят либо уступают один другому.

Поистине во всех искусствах мы видим, как человек, нисколько не уступавший никому в юности и в серединные годы, неожиданно обнаруживает, что его превзошли другие. Если

²⁴ Очевидно, что выражение «десять стилей» употреблялось Фудзивара-но Тэйка и императором Готоба при составлении антологии «Новое собрание старых и новых песен Японии» (*Синкокин вака сю:*, XIII в.), они испытывали интерес к разным видам стихотворений *танка*. Тэйка писал об употреблении старых слов (*ко:га*) для новых стихотворений. Видимо, это повлияло на взглядения Синкэя на «десять стилей», различия которых лежат не в области лексики (она всё та же), а в области формы (*сугата*) (понятия которое интерпретируется по-разному, как конфигурация, эстетическое и т.д.), а также состояния души (*кокоро*). «Десять стилей» – это мозаичные воплощения (*тэй* – тело) сознания.

²⁵ «Видеть палец, указывающий на луну» – распространённая буддийская метафора; «видеть только палец» – означает ошибочное повторение, воспроизведение одного и того же без создания нового; в *рэнга* – это использование старой лексики без эффекта создания новых смыслов. Имеет отношение и к трём стадиям познания искусства поэзии.

²⁶ Японский комментатор пишет, что Басё Мацуо (XVII в.) позже использовал эти слова Синкэя в следующем высказывании: «Если бы до нас не было (поэта) Со:ин, то наши стихи *хайкай* до сих пор лизали бы плевки Тэйтоку» [*Кёрайсё*, с. 495]. Речь идёт о школе Данрин, глава которой, Тэйтоку, по общему мнению, низвёл поэзию *хайкай* до бытового уровня.

²⁷ Рё:сюн – Имагива Рё:сюн, или Садаё (1326–1420), заметная фигура в поэзии XIV в., в течение 25 лет изучал *вака* с Рэйдзэй Тамэхико и *рэнга* с Нидзё: Ёсимото.

²⁸ Это высказывание базируется на распространённом в эпоху Муромати (1336–1573) мнении, что три важнейших философских течения имели один источник.

он пренебрегает Путём, то даже перерыв в два-три года может стать огромным, как расстояние между Небом и Землей.

Давным-давно жили на свете два поэта Таканобу и Саданага²⁹, они были равны в славе, оба схожи усердием и талантом. Однако Таканобу пошёл на службу при дворе, а Саданага надел чёрную рясу, изменил имя и стал преподобным Дзякурэн³⁰. Освободившись от придворных обязанностей, он полностью посвятил себя искусству поэзии, трудился днями и ночами, и стало так, что оба они достигли преклонных лет, а люди перестали говорить о них с одинаковым приыханием.

Таканобу всегда сокрушался: «Если бы мне пришлось умереть молодым, слава моя распространилась бы в мире, я же, напротив, дожил до того, что воочию вижу, как она иссякает». В этих словах таится глубина истинного чувства. Говорят, что если на молодых побегах рано распускаются цветы, то цветы эти не дают плодов³¹. Это означает, что ясное сознание – условие любого труда.

Поистине, многие выказывают очевидный талант прямо с самого начала карьеры, казалось бы, их ждёт блестящее будущее, но затем они преждевременно утрачивают поэтическое мастерство. Нет в мире ничего более безотрадного и печального.

Даже поэты, похожие на Ян Хуэй и Ли, стали неудачниками³².

Сладкие побеги быстро сохнут, прямое дерево ломается первым.

Дерево, что плодоносит дважды в год, чахнет, тяжело нагруженное судно опрокидывается.

Так устроен мир: кто слишком заживается, даже хорошие люди, становятся самодовольными, обнаруживают с течением времени всё больше неприятных черт.

Конфуций также говорил: «Тот, кто дожил до старости и не умер – похож на вора»³³.

Законоучитель Кэнко³⁴ писал: «Человек должен жить самое большее до сорока лет», – эти его слова смущают сердце.

В серединную эру жили два поэта Тонъя и Кё:ин³⁵. Судьба Кё:ин была, видимо, несчастливой, о нём говорили, что он всегда сокрушался о своём жребии. Говорят также, что когда четыре его стихотворения включили в антологию Сэндзайсю:³⁶, он девять раз преклонился перед составителем и пролил обильные слёзы радости. И вот проznал он, что десять или больше стихотворений Тонъя также были отобранны, и на следующий день пошёл и вырвал свои стихи из антологии. Возможно, Тонъя был поэтом более своевременным. Как говорит пословица: «Времена делают тигров и мышей. В нужное время и мышь становится

²⁹ Речь идёт о поэте эпохи Хэйан Фудзива-но Таданобу (1142–1205). Он служил губернатором провинций Кадзуза, Этидзэн, Вакаса, получил четвёртый высший чиновничий ранг. Перед смертью постригся в монахи.

Фудзива-но Саданага – поэт, чиновник при дворе пятого младшего ранга, в 1172 г. оставил должности в возрасте 30 лет и постригся в монахи.

³⁰ Законоучитель Дзякурэн – так стал называться Саданага после пострига.

³¹ Эта притча приводится в «Лунь юй».

³² В расширенном варианте эта притча о двух учениках Конфуция изложена в «Лунь юй».

³³ Неполная цитата из «Чжуан-цзы», важнейшей книги даосизма (IV в. до н.э.)

³⁴ Законоучитель Кэнко (Кэнко хо:си), Ёсида Кэнко – крупнейший писатель Средневековья, автор дзуйшицу Цурэдзурэ гуса «Записки от скучки» (1330–1331).

³⁵ Тонъя (1289–1372), Кё:ин (1293–1369) – известные поэты школы Нидзё: «История о двух поэтах Таканобу и Саданага» изложена в сочинении Камо-но Тё:мэй (1154–1216) Мумё:сё: «Записки без названия».

³⁶ 18-ая императорская антология Син сэндзайсю: или Син сандзай вака сю: («Новое тысячелетнее собрание японских песен», 1359) составлена поэтом Нидзё: Тамэмаса рескрипту императора Го-Ко:гон.

тигром, но в другие времена – даже тигр превратится в мышь». Так вот, несчастливый человек исчезает в безвестности, как далёкий луч света за облаками.

Говорят, когда конец законоучителя Кё:ин был близок, он выбросил все свои стихи и рукописи – всё, что он написал до тех пор, и зарыл за своей старой хижиной в Фудзимото в горах Хигасияма. Бесконечно грустно сознавать, что он умер, томясь в душе мучительной обидой на поэзию. Также законоучитель Но:ин³⁷, о нём мы слышали, что и он перед смертью зарыл в землю собрание всех своих стихотворений в местечке Кособэ. Ясно, что эти поэты не льстили себя надеждой, что будущие сочинители оценят их произведения. Это поистине печально.

Похвала или хула от людей – не к добру и не ко злу, богатство и нищета – вот источник [блага для] тех, кого прославляют, кого отвергают.

Глава «Трудности постижения Пути. Передача мысли – вне слов»

В мире много людей, постигающих Путь³⁸, но среди них, кажется, мало таких, кто проникает в его глубины.

Из тех, кто предшествовал нам, тех, кто отличился на Пути, совсем немного – один или двое. Если так считали и в старину, значит, поистине, такие люди были редкостью. Подняться в вышину, туда, куда не проникает взгляд человека, укрепиться духом, когда от тебя откалывают куски – таков Путь³⁹. И потому говорится, что это царство, невозможное для постижения без накопленных знаний и неизменной сосредоточенности.

Тысяча *ри* начинается у наших ног,
Высокая гора поднимается из горсти песка⁴⁰.

Также и в буддизме, те, кто слышит голоса и постигают связь вещей, приходят к пониманию того, что называют «быстротечностью тленна», разложением и гниением тела, однако «быстротечность мысли», та, что проникает в сознание при каждом и любом явлении, принадлежит к Великому просветлению Бодхисатвы. Поэта, обладающего такой степенью сосредоточенности, видимо, не существует.

Заблуждающиеся похожи на коровью шерсть; озаренные – на фантастический рог *кирина*⁴¹.

Цюй Юань⁴² из царства Чу говорил, что он один из всех трезв⁴³.

Даже у мудрецов Яо и Шунь⁴⁴ были свои огорчения, так говорят.

³⁷ Но:ин (988–1051), законоучитель Ноин (Но:ин хо:си), поэт-отшельник, странник, автор дневника и *дзуихицу*, скончался в местечке Кособэ.

³⁸ В 21 главе «Дао-Дэ цзин» говорится: «Сила всеобъятного совершенства исходит единственно от Пути» (перевод В. Малывина).

³⁹ Цитата из китайского ученого Янь Хуэй (Янь Юань) (1238–1298). Эта фраза встречается и в других трактатах о поэзии и в Предисловии к седьмой императорской антологии «Тысячелетнее собрание японских песен» (*Сэндзайвакасю:*, 1187–1188).

⁴⁰ Некоторые учёные считают, что это парофраз высказывания Лао-цзы из «Дао-Дэ цзина».

⁴¹ *Кирин* – фантастическое существо, единорог.

⁴² Цюй Юань (ок. 340–278 гг. до н.э.) – министр царства Чу во времена Сражающихся царств (Чжаньго, V–III вв. до н.э.), первый поэт Китая, чье имя запечатлено в письменной традиции. Подвергался гонениям, покончил жизнь самоубийством.

⁴³ Цюй Юань говорил: «Весь мир покрыт грязью, один я чист, все люди пьяны, один я трезв. Потому я и был сослан».

⁴⁴ Яо и Шунь – легендарные императоры, по легенде, жившие в XXIII в. до н.э. Конфуций считал их «совершенными» людьми.

Когда Будда обозначил скрытый глаз Истинной Дхармы, неизреченное осознание нирваны, только на лице Касьяпы проступила улыбка⁴⁵. Поистине Путь передается только мыслью одного человека к другому через малозаметные, легко исчезающие знаки, такие, которые нельзя выразить с помощью слов.⁴⁶

Глава «Поддерживающие друг друга искусства и противоречащие друг другу»

Среди практикующих поэзию есть многие, которые изучают и другие искусства. Стоит ли это делать?

Вот что говорили древние мудрецы: стоит ли ожидать от того, кто достиг величия в одном [виде] искусства, чтобы он кроме того овладел бы другими [видами искусства]. Тем не менее, говорят, что есть искусства, взаимосогласные и отталкивающие, так что сочетание одних и других в первом случае хорошо, а во втором – плохо. К примеру, учение, постижение Будды, каллиграфия – все они находятся в единении с поэзией. *Го, сё:ги, сугороку* и другие азартные игры согласны между собой. Разные духовые и [струнные] музыкальные инструменты поддерживают искусство танца и пения. Такие же отношения существует между игрой в мяч *кэмари*, борьбой *сумо* и боевыми искусствами. С другой стороны, *сё:ги, сугороку, сумо* находятся в противоречящих отношениях с поэзией, постижением буддийской мудрости, учёности; соединять их – плохое дело. Древние здесь и в Китае говорили с похвалой только о том, «кто идёт одиноким путём», так что именно тот, кто соединил практику и изучение всего только одного искусства, с тем чтобы в совершенстве овладеть мастерством, именно он становится зерцалом Пути и заслужит поклонение мира. Так говорили наши предшественники.

Глава «Смятение в современной поэзии “нанизанных строф”»

Сейчас, по правде сказать, нет таких, кто не упражнялся бы в Пути поэзии. Время сейчас удивительно плодотворное, не правда ли?

Вот как об этом говорили древние. Состояние великого хаоса, когда люди разные стараются перекричать друг друга. Сумятица во время поэтических сессий, верхоглядство; люди, выступающие вперёд не вовремя [со стихами], словно так и надо. Хозяин Цао Чжи⁴⁷, выпаливающий стих каждые семь шагов, нахлёстывающий восьмёрку быстрых лошадей Му Вана⁴⁸ – поистине плачевное зрелище,зывающее [к суду] мудрецов Пути.

Когда свирепые звери обитают в горах, ядовитые насекомые не смеют подниматься [в воздух].

⁴⁵ По некоторым предположениям, история с улыбкой Касьяпы упомянута в сутре «Дайбонтэнно монбуцу кэцуги кё:» под названием «Будда протягивает цветок». Махакасьяпа – ученик Будды. Когда Будда раскрыл тайну Истинной Дхармы, его ученик улыбнулся.

⁴⁶ Здесь, видимо, отразилась дзэн-буддийская концепция непередаваемости учения через письменные знаки и язык вообще, а только через безмолвную передачу (*исин дэнсин*) «от сердца к сердцу», через легко исчезающие знаки (*фу:рю: мондзи*).

⁴⁷ Цао Чжи (192–232) – поэт, брат императора Цао Pi; славился необыкновенной скоростью сочинения стихов.

⁴⁸ «Восьмёрка лошадей Му Вана», на которой ездил император династии Чжоу (?1001–947 гг. до н.э.) по своему царству.

Когда в мире существует мудрец, нет места человеку с бесчестными намерениями.

Когда ястреб уснул на насесте, воробы поднимают громкий шум.

Трудность состоит не в свершении, а в практике. Да ещё, трудность не в практике, а в непревзойдённом свершении⁴⁹.

Сейчас, во времена ложного и вырождающегося учения Дхармы – много времени прошло после кончины Будды – когда храмы и образа множатся у всех дорог. Это истинно время уничтожения Дхармы⁵⁰.

Так есть, и всё же в этом мире упадка, когда сама природа человека убывает по сравнению с прошлым, те, кто бережно хранит Путь в наше время, хоть и лишь во внешних формах, может считаться человеком глубокого сопереживания.

В мире, утратившем Будду, относись к архату, как к Будде; во времена утраты архатов, оказывай почтение нарушающему правила, несведущему человеку в одеянии монаха, так говорится.

В стране, где нет золота и серебра, свинец и медь считаются сокровищем⁵¹.

Завершение

Грубые обобщения, что изложены в этих двух свитках поистине не будут иметь никаких последствий; в них отсутствует ничто, и в ничто содержится избыточное. Каждый человек находит свой путь к совершенству; в конце концов просветление не зависит от других. Если покинешь великий Путь, то [обретёши] милосердие и добродетель; когда же обретёши великое знание, то они представляются лишь большой ложью⁵².

В иллюзорности и правое, и неправое – должно.

Перед лицом великого пробуждения и «есть», и «нет» – не существуют.

Вне истины: все разнообразные явления – действительны и иллюзорны.

Причины всего сонма страданий коренятся в неутолимых желаниях; словом, истреби корни.

Дзю:дзю:синьин Синкэй

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Маявин В. Предисловие переводчика. В кн.: Лао-цзы. Книга о пути жизни. С комментариями и объяснениями. М.: Издательство АСТ, 2019. С. 5–20.

Мацуумара Ёсико и др. Рэнга-но сё:тайсэки : [Приглашение к жанру «нанизанные строфы】]. Токио: Ямато идзууми сё:бо:, 2001. 164 с.

⁴⁹ Такое противоречие в духе «Дао-Дэ цзин» и коанов дзэн-буддийских наставников.

⁵⁰ Здесь – отражение популярного в Средневековье представления о конце Дхармы (*маппо:*) и наступления времен великих несчастий и падения нравов.

⁵¹ Приблизительная цитата из *Дайдзиккё:* («Сутра о великом собрании») – «Когда золото, серебро и другое иссякают, то и медь считается сокровищем. Когда нет никого, кто постиг бы Путь, и никого, кто хранит обеты или даже нарушает их, тогда нужно отдать должное тому, кто – с бритой головой и в рясе – облачён в форму монаха» [Синкэй, 1963, с. 137].

⁵² Приведённые выше пассаж написан в духе книги Лао-цзы «Дао-Дэ цзин» и первых сочинений китайских наставников чань-буддизма.

Рэнга синсики цуйка нараби ни Синсики кинъан-то: : [Новый свод правил сложения рэнга с добавлениями из Новых правил] / под ред. Ямада Ёсио, Хосика Со:ити. Т.: Иванами сётэн, 1936. 109 с.

Рэнгаронсю: : [Собрание трактатов по сложению *rэнга*] / под ред. Идзити Тэцуо. Т.1, 2. Т.: Иванами сётэн, 1953, 1956. 167 с.

Рэнгаронсю:, Но:гакусю:, Хайронсю: : [Собрание трактатов о сложении *rэнга*, театра Но и хайку] / под ред. Окуда Исаака, Омотэ Акира, Харикира Минору, Фукумото Итиро: – В серии: Нихон котэн бунгаку дзэнсю: : [Полное собрание классической литературы Японии]. Т. 88. Т.: Сё:гакукан, 2001. 670 с.

Рэнгасю: : [Антология *rэнга*]. – В серии: Нихон котэн бунгаку тайкэй [Полная серия книг классической литературы Японии] / под ред. Итидзи Тэцуо. Т. 35. Т.: Иванами сётэн, 1969. 413 с.

Синкэй. Сасамэгото : [Разговоры вполголоса]. – В серии: Нихон котэн бунгаку дзэнсю: : [Полное собрание классической литературы Японии] / под ред. Идзити Тэцуо. Т.: Сё:гакукан, 1963. 160 с.

Dyakonova E. Nature and/or Poetry. based on “A Poem of One Hundred Links Composed by Three Poets at Minase” (Minase sangin hyakuin, 1488) // Russian Japanology Review. 2018. Vol. 1. P. 25–39. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10007

Carter S.D. The Road to Komatsubara: A Classical Reading of the Renga Hyakuin. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 126. 1987.

Carter S.D. Waka in the Age of Renga. *Monumenta Nipponica*, 36:4, 425–444. 1981.

Konishi Jin'ichi. The Art of Renga. Trans. Karen Brazel and Lewis Cook // The Journal of Japanese Studies. 1975. 2:1, 31–66.

Ramirez-Christensen E. Heart Flower: The Life and Poetry of Shinkei. Stanford: Stanford University Press. 1994.

REFERENCES

- Carter, S.D. (1987). The Road to Komatsubara: A Classical Reading of the Renga Hyakuin, Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Carter, S.D. (1981). Waka in the Age of Renga, *Monumenta Nipponica*, 36(4): 425–444.
- Dyakonova, E. (2018). Nature and/or Poetry. Based on “A Poem of One Hundred Links Composed by Three Poets at Minase” (Minase sangin hyakuin, 1488), *Russian Japanology Review*, 1: 25–39. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10007
- Konishi, Jin'ichi (1975). The Art of Renga, trans. by Karen Brazel and Lewis Cook, *The Journal of Japanese Studies*, 2(1): 31–66.
- Malyavin, V. (2019). Predisloviye perevodchika [Translator's introduction], in *Laozi. Kniga o Puti zhizni s kommentariyami i obyasneniyami* [Laozi. Tao Te Ching. With Comments and Interpretations], Moscow: Publishing house AST: 5–20.
- Matsumura, Yoshiko et al. (2001). Renga-no shōtaiseki [Invitation to the renga genre], Tokyo: Yamato Izumi syōbō. (In Japanese).
- Okuda Isaaka, Omote Akira, Harikiri Minoru, Fukumoto Itirō (eds.) (2001). Rengaronshū, Nōgakushū, Haironshū [Collection of treaties about renga, No:, haiku]. in *Nihon koten bungaku*

zenshū [Complete works of classical Japanese literature], Vol. 88, Tokyo: Shōgakukan. (In Japanese).

Ramirez-Christensen, E. (1994). Heart Flower: The Life and Poetry of Shinkei, Stanford: Stanford University Press.

Rengashū [Anthologies of renga] (1969). In *Nihon koten bungaku taikei* [Full collected works of classical Japanese literature], ed. by Tetsuo Ichiji, Vol. 35, Tokyo: Iwanami shōten. (In Japanese).

Shinkei (1963). Sasamegoto [Murmured conversations], in *Nihon koten bungaku taikei* [Full collected works of classical Japanese literature], ed. by Tetsuo Ichiji, Tokyo: Shōgakukan. (In Japanese).

Tetsuo, Ichiji (ed.) (1953, 1956). Rengaronshū [Collection of treaties on renga], Vol. 1–2, Tokyo: Iwanami shōten. (In Japanese).

Yamada, Yoshio, Hoshika, Soichi (ed.) (1936). Renga shinshiki tsuika narabi ni Shinsiki kin'an to [New compendium of the rules of renga with the addition from the New rules], Tokyo: Iwanami shoten. (In Japanese).

Поступила в редакцию 04.11.2019

Received 4 November 2019

Для цитирования: Дьяконова Е.М. Правила сложения рэнга, изложенные в трактатах Сё:хаку «Новый свод правил рэнга» (*Рэнга синсики*, 1501) и Синкэй «Разговоры вполголоса» (*Сасамэгото*, 1463–1464) // Японские исследования. 2020. № 1. С. 130–148. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10007

For citation: Dyakonova E.M. (2020). Pravila slozheniya renga, izlozhennyye v traktatakh Syōkhaku “Novyy svod pravil renga” (*Renga shinshiki*, 1501) i Sinkey «Razgovory vpolgolosa» (*Sasamegoto*, 1463–1464) [The Rules of *renga* in the treatises by Shyōhaku “New Compendium of *Renga*” (*Renga shinshiki*, 1501) and Shinkei “Murmured Conversations” (*Sasamegoto*, 1463–1464)], *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2020, 1: 130–148. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10007

Научная жизньAcademic Life

Японские исследования. 2020. № 1. С. 149–159.
Japanese Studies in Russia, 2020, 1, pp. 149–159.
DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10008

О международной научно-практической конференции «Японский язык и методика преподавания японского языка» в 2019 году

Л.Т. Нечаева

Аннотация. Краткое сообщение о прошедшей 25 октября 2019 г. в Институте стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова международной научно-практической конференции «Японский язык и методика преподавания японского языка». С 1994 г. В ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова ежегодно проводятся конференции по вопросам преподавания японского языка. На конференциях преподаватели обсуждают проблемы преподавания японского языка в отдельной стране, городе, вузе, а также различные методические, лингвистические и лингвокультурологические вопросы. Организаторы этой конференции – Ассоциация преподавателей японского языка РФ и стран СНГ, Институт стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова, Японский фонд.

Эти конференции имеют большое значение для повышения методического, профессионального уровня преподавателей японского языка. Особенно они важны для молодых преподавателей, которые получают возможность прослушать на конференции доклады по различным вопросам методики обучения японскому языку, доклады по лингвистике и лингвокультурологии. К тому же, некоторые доклады делаются на японском языке, что повышает уровень владения языком преподавателей. По материалам выступлений на конференции издаётся сборник статей.

Ключевые слова: японский язык, методика, лингвистика, лингвокультурология, новые учебные пособия, стажировки студентов в Японии.

Автор: Нечаева Людмила Тимофеевна, доктор педагогических наук, профессор, зав. лабораторией «Восточные языки в средней школе», ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова (адрес: 125009, Москва, ул. Моховая, 11, стр. 1). E-mail: ltnechaeva@mail.ru

The International Scientific and Practical Conference “Japanese Language and Methodology of Teaching Japanese Language” in 2019

L.T. Nechaeva

Abstract. A brief report on the International Scientific and Practical Conference “Japanese language and methods of teaching Japanese language”, which was held on 25 October 2019 at the Institute for Asian and African Studies of Moscow State University named after M.V. Lomonosov (ISAA).

Since 1994, ISAA hosts annual Japanese language teaching conferences. At the conferences, teachers discuss the problems of teaching Japanese in a particular country, city, university, as well as various methodological, linguistic, and linguocultural issues. The organizers of this conference are the Association of teachers of the Japanese language of the Russian Federation and the CIS countries, ISAA, and the Japan Foundation of the Ministry of Foreign Affairs of Japan.

These conferences are of great importance for the enhancing of methodological and professional level of Japanese language teachers. They are especially important for young teachers, as they get the opportunity to hear the presentations on various issues of methods of teaching the Japanese language and presentations on linguistics and linguoculturology. In addition, some presentations are made in Japanese, which increases the level of language proficiency of teachers. After the conference, the proceedings are published as a collection of papers.

Keywords: Japanese language, methodology, linguistics, linguoculturology, new teaching materials, student internships in Japan.

Author: Nechaeva Lyudmila T., Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, Head Laboratory “Oriental Languages in High School”, ISAA Moscow State University (address: Bld 1, 11, Mokhovaya Str., 125009, Moscow, Russian Federation). E-mail: ltnechaeva@mail.ru

25 октября 2019 г. в Институте стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова прошла международная научная конференция преподавателей японского языка «**Японский язык и методика преподавания японского языка**», организованная Ассоциацией преподавателей японского языка России и стран СНГ, ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова и Японским фондом МИД Японии.

С приветственным словом к участникам конференции обратились заведующий Отделом японской культуры Japan Foundation в ВГБИЛ, Советник Посольства Японии в России **Такахаси Масакадзу** и председатель Ассоциации преподавателей японского языка России и стран СНГ профессор **Л.Т. Нечаева**.

На пленарном заседании было заслушано 4 доклада.

Л.А. Булах (ИСАА МГУ) в докладе «**Скрытый посыл нового девиза эпохи императорского правления «Рэйва» (по материалам японской прессы)**» рассказала о том, в каких уникальных исторических условиях проходила нынешняя смена девиза эпохи, а также описала исторический контекст и многочисленные толкования девиза.

С.А. Быкова (ИСАА МГУ) в докладе «**Культура народов России и Японии в пособии по устному переводу**» подчеркнула важность учебных пособий по двустороннему устному переводу с культурологической тематикой для обучения японскому языку и пониманию особенностей национальной культуры, в том числе бытовой, и народных традиций народов России и Японии.

В.П. Мазурик (ИСАА МГУ) в докладе «**Особенности японского Просвещения**» говорил о специфике восприятия западной культуры в Японии во второй половине XIX века и о том, как не совпадающая с европейскими представлениями картина мира повлияла на этот процесс восприятия и каковы были его результаты. Сопоставив японское Просвещение с аналогичной эпохой в России, докладчик сделал вывод о том, какие уроки мы можем извлечь из этого сравнения.

Ёда Ёсукэ (依田悠介) (Тоёгакуэн дайгаку, Япония) в докладе «**Знания в обучении студентов японских вузов**» рассказал об обучении в университете японцев японскому языку.

Во время занятий студентов обучаются 4-м умениям – «читать», «писать», «японскому языку», «изучению литературы по японскому языкоznанию». Кроме этого, в программу входит обучение написанию сочинений, умению цитировать, умению редактировать, умению писать литературные тексты.

После пленарного заседания работа конференции продолжалась в секциях.

В секции «Лингвистические вопросы в преподавании современного японского языка» с докладами выступили **Е.Ю. Бессонова** (ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова), **В.Е. Голубева** (ИИЯ МГПУ), **Д.В. Линяев** (ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова), **Э.Э. Мамедова** (Бакинский государственный университет), **В.А. Медюлянова** (Минский государственный лингвистический университет), **Н.А. Соломкина** (Институт лингвистики РГГУ), **В.А. Федянина** (ИИЯ МГПУ), **С.В. Чиронов** (МГИМО).

Е.Ю. Бессонова в докладе «**Лексический минимум в рамках курса «Язык политики»: постановка проблемы**» рассмотрела вопрос о подходе к составлению лексического минимума для курса «Язык политики». Темы: внутренняя политика, внешняя политика, мировая политика». Докладчик сделала анализ зависимости гlosсария от уровня владения языком студентов, остановилась на проблеме отбора лексики.

В.Е. Голубева в докладе «**Некоторые грамматические аспекты выражения субъективности восприятия в японском языке**» говорила об одной из ключевых особенностей мышления носителей японского языка – субъективности восприятия действительности. Субъективностью восприятия объясняется необходимость чёткого обозначения в речи позиции и точки зрения говорящего. В докладе рассматривалась когнитивная природа некоторых грамматических конструкций японского языка и использование данной информации на практике в процессе преподавания японского языка.

Д.В. Линяев доклад «“**БЭНКЁ:-СИХАДЗИМЭРУ**” ИЛИ “**БЭНКЁ:-О ХАДЗИМЭРУ**”» посвятил проблеме аффиксальности глагола СУРУ. Докладчик рассматривал глагол с точки зрения семантики и роли в корнесложно-глагольных и основосложно-глагольных сложениях, а также с точки зрения дуализма использования: в качестве деривационного форманта и в качестве значимого члена предложения.

Э.Э. Мамедова в докладе «**Актуальное членение на стыке парадигм**» затронула проблему актуального членения в азербайджанском и японском языках. В докладе говорилось о том, что в японском языке «неожиданности» с проблемой членения могут быть связаны с распространением состава темы по сферам речи. Возможно, именно по этой причине в японском языкоznании уделяется внимание в основном способам выражения темы, реме же почти не уделяется внимания. Универсальным средством актуального членения в обоих языках является интонация.

В.А. Медюлянова в докладе «**Категория эвиденциальности в японском языке в аспекте указания на лицо**» говорила о том, что в японском языке существует средство, благодаря которому смягчается безапелляционность высказывания путём маркирования источника информации. В японистике достаточно хорошо изучено прямое назначение категории эвиденциальности, но не полностью исследована её дейктическая составляющая. Также нет терминологического единства при её описании, не уточнён её статус.

Н.А. Соломкина в докладе «**Японские глаголы направленности действия: взгляд лингвиста и взгляд преподавателя**» ставит вопросы: насколько глубоко необходимо описывать языковые процессы при преподавании иностранного языка? Насколько описание

языкового явления в учебных материалах может расходиться с узусом и результатами лингвистических исследований? Как исследователю языка и преподавателю найти необходимый баланс? Автор доклада предлагает подойти к этим обширным вопросам, сравнив принципы описания японских бенефактивных конструкций в учебных материалах и в лингвистических исследованиях современного японского языка.

М. Третьякова доклад «Перевод хайку на русский язык: проблема сохранения стилистики оригинала» посвятила проблеме сохранения стилистики оригинала при переводе хайку на русский язык. Для того чтобы лучше понять своеобразие поэзии хайку и его специфику, автор предлагает рассмотреть структуру хайку (по Фудзита Сёси), а также проследить влияние на хайку китайской поэзии (на примере некоторых сезонных слов, приёма «парных слов») и поэзии танка (на примере приёмов, связанных с эстетикой перетекания смыслов). Автор показывает, как понимание указанных особенностей поэтики хайку влияет на перевод, позволяя точнее передать стилистику оригинала.

В.А. Федянина в докладе «Историческая грамматика японского языка: особенности терминологии» рассказала об актуальности данной работы, обусловленной отсутствием единой системы терминологии в русском языке при описании различных исторических периодов японского языка.

С.В. Чиронов в докладе «Японские наречия с итеративным значением» на основе корпусных данных рассматривал группу наречий и наречных выражений японского языка со значением повторного действия (aratamete, futatabi, saido, moo ichido, mata и др.). Автор рассказал о попытке структурировать такие наречия как поле с точки зрения семантико-прагматических характеристик.

В секции «Культурологические проблемы японского языка» с докладами выступили Н. Аганина (УрГАХУ, Екатеринбург), А.В. Буландо (Школа иностранных языков ВКС-ih Подольск), Н.Н. Изотова (МГИМО), М.А. Кириченко (Дипломатическая Академия МИД РФ), А.В. Кудряшова (ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова), Ю.Л. Кужель (МГИИТ им. Ю.А. Сенкевича), О.Р. Лихолетова (МГИМО), У.П. Стрижак (ФМЭ и МП НИУ ВШЭ), Е.С. Сычева МГИМО, Н. Ушкемпирова (Бишкекский государственный университет).

Н. Аганина в докладе «Культурологический аспект в обучении письму каной» говорила о расширении культурного контекста в обучении японскому языку через искусство каллиграфии, и прежде всего, каллиграфии каной как наиболее актуальной с точки зрения практики бытового письма. Докладчик определил культурно и исторически обусловленные особенности каллиграфического письма каной, понимание которых позволит учащимся избежать типовых ошибок при письме и даст возможность прикоснуться к самобытной японской эстетике.

А.В. Буландо в докладе «Дидактический потенциал манга 「よつばと」 как источника лингвокультурологической информации» рассказала о комедийной манге 「よつばと」 для подростков, главной героиней которой является пятилетняя девочка по имени Ёцуба. Этот аутентичный японский текст имеет большой потенциал для применения в учебно-воспитательном процессе. Кроме того, текст нетрудный, современный, написанный в разговорном стиле. В докладе автор раскрыл способы использования манга 「よつばと」

в процессе обучения японскому языку в качестве дополнения к основному учебнику и возможных заданиях и упражнениях на основе текстов манга.

Н.Н. Изотова в докладе «Лингвокультурологический анализ японских фамилий» рассказала о лингвокультурологическом анализе лексико-семантических характеристик фамильных именований, который позволяет выделить семантические группы японских антронимов, связанных с ландшафтом, природными явлениями, местом жительства, профессией, общественным статусом, религиозными верованиями, местоположением отдельных объектов в пространстве. Проведённый докладчиком анализ показал, что более 80% современных японских фамилий происходят от топонимов. Большая часть состоит из компонентов семантического поля «природа», что объясняется анимистическими взглядами древних японцев, жизненным укладом, связанным с возделыванием риса.

М.А. Кириченко в докладе «Использование дидактических пятистиший *дока* для преподавания культурологического аспекта на уроках японского языка» раскрыла способы использования японской назидательной поэзии для формирования у студентов представления о культурной, социально-бытовой, психологической, религиозной и других составляющих японского языка. Через *дока* студенты могут получить базовые знания в области японской культурологии, представление о японской поэтической традиции, которая по сей день играет важную роль в жизни японцев. Также разбор *дока* представляется как деятельный перерыв во время насыщенных занятий на старших курсах.

А.В. Кудряшова в докладе «Наставник и ученик – японские образовательные традиции на примере театра Но и «Пути Чая». На примере двух традиционных искусств Японии – чайной церемонии и театра Но – докладчик рассмотрела основные типы взаимоотношений наставника и ученика. Был выделен японский способ передачи знаний, представляющий собой достаточно специфическое явление, где традиция идет рука об руку с современностью. Также докладчик провела параллели между театром Но и искусством «Пути Чая» в эстетическом и философском плане и подчеркнула значимость дзэнской эстетики минимализма при выражении экспрессии, воинского духа, сдержанной скромности.

Ю.Л. Кужель в докладе «Лингвокультурологические проблемы написания на русском языке топонимов и антронимов (на материале японских текстов о первой религиозной миссии японцев в Европу)» рассказал о том, что японские тексты о первой религиозной миссии молодых японцев в Португалию, Испанию и Италию (1582–1590 гг.) изобилуют национальными топонимами, антронимами, а также терминами, характеризующими реалии быта, написание которых на русском языке вызывает определённые трудности. Решение проблемы видится в углублении в общий культурологический контекст этих государств, расширении знаний об истории, географии, религии, литературе, архитектуре этих стран.

О.Р. Лихолетова в докладе «Числовая символика в японской культурной традиции на примере Якудоси» рассказала об исследовании числовой символики в японской культуре, которая является одним из способов выявления и описания особенностей миропонимания в различных культурах. Числовая символика рассматривается докладчиком как традиция, отражающая духовный мир, мифологические и космологические представления, верования, обычаи и обряды японской культуры. В докладе освещаются социальные, физиологические и культурные предпосылки возникновения традиционного японского убеждения суеверного

характера Якудоси (возраста неудач). Рассматривается его роль в жизни японцев, становление, развитие и изменение этой традиции под влиянием современных условий.

У.П. Стрижак в докладе «**Культурнонагруженная грамматика: иерархия агенса в японском языке**» говорила о представлении в японском языке субъекта в рамках когнитивного подхода, когда рассматриваются когнитивные основания для выбора той или иной синтаксической конструкции с участием агенса и его иерархического статуса, а также культурный фон соответствующих языковых конструкций.

Е.С. Сычева в докладе «**Возможности использования японских детских учебных пособий для изучения культурологической составляющей идиом ёдзиdziюкуго на старших курсах (на примере 『ちびまる子ちゃんの四字熟語教室』)**» рассматривала использование пособий, в которых японским школьникам поясняются фразеологизмы и идиомы с исторической и культурной точки зрения. Докладчик считает, что такие пособия можно рекомендовать учащимся для дополнительного изучения и для усовершенствования знаний японского языка и культуры.

Н.О. Ушкемпирова в докладе «**Межкультурное сопоставление пословиц, устойчивых выражений и басен в казахском и японском языках**» говорила о том, что трудно понять менталитет народа только с лингвистической точки зрения. Языковые навыки не могут быть улучшены без знания менталитета и культуры. Целью исследования является выяснение общности и различий между восприятием и образом мышления носителей казахского и японского языков, путём сравнения пословиц, устойчивых выражений и басен на казахском и японском языках. Иными словами, это сравнение слов, действий, образов, используемых для отражения морали и человеческих ценностей, которые формируются под влиянием культуры.

Кроме того, на конференции работали 4 секции по общеметодическим вопросам преподавания японского языка.

В 1-й секции выступили: М.Н. Апашеева (Краснодар, Кубанский государственный университет), Л.В. Васильева (ИСАА МГУ им. М.В.Ломоносова), П.В. Кульнова (ФГП МГУ им. М.В.Ломоносова), Омаса Минами (ИИЯ МГПУ), Л.Т. Нечаева (ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова), А.В. Савинская (ИИЯ МГПУ), А.И. Сергеева (ИИЯ МГПУ), А.С. Шиманская (МГЛУ).

М.Н. Апашеева в докладе «**Методы активизации речевой деятельности студентов, изучающих японский язык**» рассматривала трудности, возникающие в процессе обучения студентов японскому языку, и пути их преодоления. По мнению докладчика, преподаватель ВУЗа должен умело продумывать и творчески подходить к организации учебного процесса так, чтобы он вызывал интерес к изучению языка. Необходимо, чтобы содержание занятия было интересным и близким студенту, а цели понятны и доступны. В докладе были предложены некоторые методики по активизации речевой деятельности студентов, разработанные и применяемые на занятиях по японскому языку.

Л.В. Васильева в докладе «**О некоторых приёмах развития навыков устной речи на старших семестрах**» говорила о том, что для развития навыков устной речи у студентов старших курсов бывает недостаточно тех методов и упражнений, которые активно использовались на более ранних этапах обучения. Требовавшиеся для отработки и запоминания грамматических конструкций упражнения с многократными повторениями

или аналогичными примерами не дают возможности развивать у студентов навыки свободной речи на языке. В докладе были представлены определённые приёмы, с помощью которых можно вовлечь студентов в активные диалоги, многосторонние дискуссии, побудить их высказывать свои суждения и отстаивать своё мнение по обсуждаемым темам, развивая их навыки спонтанной и подготовленной речевой деятельности.

П.В. Кульнова в докладе «**Обучение студентов иероглифика на основе кумулятивного эффекта**» говорила о том, что на среднем и продвинутом этапах изучения японского языка у студентов накапливается критический объём знаний, благодаря которому иероглиф воспринимается как часть системы японского языка и связывается в их сознании с изученными графическими элементами японской письменности (иероглифическими ключами, фонетиками), морфемами, лексикой, грамматикой, а также с японской языковой картиной в целом. В результате возникает кумулятивный эффект, который делает усвоение новых иероглифов более быстрым и эффективным.

Важным условием возникновения кумулятивного эффекта является правильная методика преподавания иероглифической письменности. У учащегося должно быть сформировано понимание логики графического построения иероглифа, групп его значений и сочетаемости, развиты навыки быстрого восприятия информации, реферирования и понимания контекста.

Омаса Минами (大政 美南) в докладе «**Возможности обучения фонетике студентов младших курсов**» говорила об обучении произношению звуков студентов младших курсов и предложила проводить занятия по фонетике во взаимодействии с преподавателем фонетики, который является носителем русского языка.

Л.Т. Нечаева в докладе «**Обучение переводу грамматических маркеров эмоциональности**» выделила грамматические маркеры эмоциональности, встречающиеся в статьях японских газет, и подчеркнула необходимость обращать на них внимание студентов в процессе обучения переводу.

А.В. Савинская в докладе «**К вопросу о системе оценивания компетенций студентов на практическом курсе японского языка**» рассмотрела компетентностный подход в оценивании качества результатов обучения студентов, представила технологическую карту дисциплины как инструмент управления учебной деятельностью обучающихся.

А.И. Сергеева в докладе «**Особенности обучения японскому языку на 1-м курсе в группе для продолжающих**» предложила рассмотреть целесообразность набора отдельных групп для продолжающих на 1-м курсе, выделила также особенности учебного процесса, которые влекут за собой формирование разноуровневых групп.

А.С. Шиманская в докладе «**О методике обучения написанию различных сочинений на японском языке**» рассмотрела разнообразные способы объяснения по написанию сочинений на занятиях японского языка.

Во 2-й секции выступили с докладами Ш. Бегматова (Российско-Таджикский университет), А.В. Деркач (ИИЯ МГПУ), Н.В. Джура (С.-Петербург, школа 583), А.С. Коваленко (ИИЯ МГПУ), М.А. Кострова (Нижневолгоградский Государственный Лингвистический Университет им. Н.А. Добролюбова), М.Н. Мизгулина (ИИЯ МГПУ), Н.Г. Румак (ИСАА МГУ им. М.В.Ломоносова).

Шахноза Бегматова в докладе «**Новая форма домашней работы**» рассказала о введении отчёта о практике в качестве формы домашнего задания. При этом использовался Viber, по которому преподаватель посыпал задания, а студенты присыпали свои работы.

А.В. Деркач в докладе «**Использование обучающего потенциала песен в ходе речевой (фонетической) разминки на уроке японского языка**» рассмотрел комплексный подход к раскрытию обучающего потенциала японских песен, используемых во время речевой зарядки на занятиях по японскому языку, в том числе, с помощью одновременной опоры как на аудиоряд, так и на видеосопровождение в текстовом и иллюстративном форматах. Докладчик считает, что песни эффективно корректируют произношение, становятся неиссякаемым источником новых слов, которые легко запоминаются обучаемыми на уровне подсознания.

Н.В. Джура в докладе «**Электронные ресурсы в формировании фразеологической компетенции**» рассказала об основных методах отбора фразеологических единиц, приёмах формирования фразеологической компетенции при помощи современных электронных ресурсов в сети Интернет.

А.С. Коваленко в докладе «**Разработка курса по домашнему чтению**» описала методику проведения занятий по домашнему чтению на уроках японского языка на примере сказок, а также представила комплекс упражнений на основе книги «Легко читаем по-японски».

М.А. Кострова в докладе «**Учебное пособие для отработки лексико-грамматических навыков к учебнику "Японский язык для продолжающих" Л.Т. Нечаевой**» представила проект учебного пособия для отработки лексико-грамматических навыков. Большинство упражнений основаны на отработке различий между лексическими и грамматическими синонимами, а также иероглифическими омофоно-синонимами *до:кун идзи*.

М.Н. Мизгулина в докладе «**Аудиовизуальный способ передачи социокультурного контекста при обучении школьников японскому языку**» рассказала о том, что при обучении школьников социокультурным особенностям японского языка использование аудиовизуального способа передачи социокультурного контекста помогает преодолеть многие трудности, особенно те, которые затрудняют понимание на слух и практическое применение некоторых лексических и грамматических конструкций.

Н.Г. Румак в докладе «**Пособие для учащихся начальной ступени изучения японского языка “Японские числительные и система счёта в японском языке”**» рассказала о структуре пособия с точки зрения систематизации знаний, полученных на первом этапе обучения.

В 3-й секции с докладами выступили Е.С. Абрамова (Языковые курсы, Москва), Диляфруз Абдухамидова (Ташкентский Государственный Институт Востоковедения) Абэ Хироси (ИИЯ МГПУ), А. Горшунова (Новосибирский государственный технический университет), Н. Крнета (ИСАА МГУ им. М.В.Ломоносова), Д. Куклина (МГЛУ), Арайым Нуkenева (Казахстанский центр развития человеческих ресурсов), И.В. Сайферт (Невский институт языка и культуры).

Е.С. Абрамова в докладе «**Роль иллюстраций в учебных пособиях по японскому языку**» говорила о том, что наглядность является неотъемлемым компонентом процесса обучения. Среди основных функций иллюстраций в учебниках иностранного языка особенно

важна просветительская функция, которая делает картинку или фотографию лингвокультурологическим материалом, и функция наглядности, которая позволяет избавиться от языка-посредника и вносит коммуникативный элемент в обучение.

Дилафруз Абдухамирова в докладе «**Построение урока, направленного на взаимообучение учащихся**» рассказала о проведении занятий по методике «**ピア・ランニング**» бег вдвоём и о результатах, которые показали такие занятия. В этой методике определились положительные и отрицательные моменты.

Абэ Хироси в докладе «**Эффективные методы опроса и критерии оценки на уроках устной речи**» рассмотрел проблему «моделирования вопроса», применяемого преподавателем на уроках устной речи. На уроке в целях эффективной активизации устного высказывания учащихся преподаватель задает ученикам разнообразные вопросы. Эти вопросы имеют несколько типовых моделей в соответствии с определённым уровнем владения иностранным языком (начальный, средний и продвинутый). Кроме того, в выступлении была раскрыта проблема взаимосвязи критериев оценивания устной речи и «моделирования вопроса».

А.С. Горшунова доклад «**Использование видеоигр как средства обучения японскому языку в вузах**» посвятила перспективам использования развлекательных, созданных для проведения досуга видеоигр для обучения японскому языку в вузе. Докладчик рассматривает возможности применения видеоигр как в аудитории, так и для самостоятельного обучения.

Н. Крнега в докладе «**Материалы, используемые в спецкурсе «Мужская и женская речь в японском языке»** рассказала о спецкурсе «Мужская и женская речь в японском языке», который читается студентам второго курса магистратуры. Учитывая хорошую языковую подготовку, на уроках используются неадаптированные материалы на японском языке трёх видов: письменные источники, звуковые записи и видео материалы. Письменные источники включают в себя отрывки из художественной литературы, преимущественно развлекательного характера. Звуковые записи берутся большей частью из учебного курса «Инタбю:-дэ манабу нихонго». Видеоматериалы представлены отрывками из аниме, японских реалити-шоу, сериалов.

Д. Куклина в докладе «**Японская авторская сказка в обучении японскому языку и переводу**» рассматривала возможности использования японской авторской сказки в преподавании японского языка и перевода. На примере сказки Окано Каоруко «Красильная мастерская в сказочном лесу» был проанализирован языковой материал, представляющий интерес как ресурс для изучения языка и культуры Японии. Докладчик рассказала о переводческих трудностях, возникающих при работе с текстом сказок, и о возможных способах их преодоления.

Арайлым Нукенева в докладе «**Результаты внедрения учебника Маругото в Казахстанско-японском центре**» представила общую систему курсов Японского центра – сколько часов занятий японского языка в неделю, за семестр и т.п. Также поделилась опытом преподавания по учебнику Маругото, о трудностях работы по нему на начальном этапе и о впечатлениях от работы по этому учебнику в настоящий момент.

И.В. Сайферт в докладе «**Опыт использования игры «сугороку» в процессе обучения японской иероглифике**» рассказала о своём опыте использования настольной игры сугороку

в процессе обучения японской иероглифике и проанализировала практические результаты применения игры сугороку на занятиях.

В 4-й секции с докладами выступили И.И. Басс (Санкт-Петербургский Государственный Институт Культуры), Язгуль Бекова (Туркменский национальный институт мировых языков им. Д. Азади), Р.И. Буландо (ИИЯ МГПУ), А.В. Дегтярёва (РГГУ), Жылдыз Исраилова (Институт Японоведения Кыргызского государственного университета им. И. Арабаева), Л. Колпакщикова (Санкт-Петербургский Государственный Институт Культуры), Т.Н. Лихачёва (ИСАА МГУ им. М.В.Ломоносова), Т.Г. Сконечный (ИИЯ МГПУ).

И.И. Басс в докладе «**Зарубежные стажировки в языковом образовании студентов неязыковых вузов (на примере стажировок студентов СПбГИК в Японии)**» говорила о том, что академическая мобильность – один из показателей конкурентоспособности вуза в образовательном пространстве России. Зарубежные стажировки – важнейший способ реализации академической мобильности. Обобщение позитивных результатов зарубежных стажировок студентов разных вузов чрезвычайно актуально для дальнейшего успешного развития высшего образования в России. В докладе анализировался опыт стажировок в Японию студентов Санкт-Петербургского государственного института культуры.

Р.И. Буландо в докладе «**Профессия «японист»: путь студента к профессиональной самореализации**» говорил о том, что в погоне за оценками и признанием в рамках вузовской системы студенты редко задумываются об обучении как о своей профессиональной подготовке для дальнейшей деятельности. Докладчик рассмотрел, насколько формирование профессиональной компетенции «на бумаге» может отличаться от реального положения дел и предложил возможные пути совершенствования существующей системы четырёхгодичного бакалаврского обучения без вмешательства в правовые и установочные документы.

А.В. Дегтярёва в докладе «**Организация занятий с привлечением японских студентов (visitor session)**» говорила о том, что для отработки у учащихся навыков устной коммуникации могут быть полезны занятия с привлечением носителей японского языка в качестве гостей (так называемые visitor session). Этот формат может значительно меняться в зависимости от поставленной цели и уровня подготовки группы, однако для того, чтобы подобные занятия действительно были эффективными, необходимо тщательно их планировать. В докладе речь шла об основных моментах при подготовке занятий формата visitor session, а также про их реализацию.

Ж. Исраилова в докладе «**Организация стажировок в Японии как эффективный метод развития языковых и профессиональных компетенций студентов**» рассказала, что особенностью обучения в Институте Японоведения является предоставление каждому студенту возможности пройти стажировку в японских компаниях после окончания первого курса и во время обучения на третьем курсе. Таким образом, успешно окончив учебу и получив диплом, выпускники ИЯ могут трудоустроиться не только в Кыргызстане, но и в японских компаниях, поскольку такие стажировки дают шанс попасть в базу данных японских компаний.

Т.Н. Лихачёва в докладе «**Но:рёку сикэн для носителей. Его значение в жизни японцев и возможности использования не носителями в процессе обучения**» рассказала об экзаменах по японскому языку, которые сдают японцы. Отдельно был выделен самый

популярный в Японии экзамен – экзамен по иероглифике. Докладчик дала рекомендации по использованию опубликованных экзаменационных материалов в учебном процессе.

Т.Г. Сконечный в докладе «**Технология лингвокультурной и психологической адаптации студентов в языковой среде Японии**» рассказал об итогах своего исследования по этой теме. Докладчик говорил о продуктах исследования (языковой тренинг и общий брифинг). Основной акцент был сделан на их структуре, логике создания, постепенном внедрении в образовательный процесс, а также перспективах развития.

О.О. Шаламова в докладе «**Международное профессиональное сотрудничество в условиях современного вуза (на примере совместной работы российских и японских преподавателей)**» рассказала о проблемах сотрудничества, связанных с рядом противоречий: противоречие между требованиями к расширению международного сотрудничества в образовании и недостаточной готовностью образовательных учреждений к осуществлению подготовки кадров на этих условиях; противоречие между потребностью в развитии международного сотрудничества и недостаточной разработанностью методологических основ, технологий для реализации данного процесса и др. Как пример разрешения вышеперечисленных проблем, докладчик приводит опыт международного сотрудничества российских и японских педагогов в условиях Факультета востоковедения и истории Педагогического института ТОГУ, обосновывает эффективность образовательной среды как условия поддержания международного профессионального сотрудничества российских и зарубежных преподавателей.

Все доклады, сделанные на конференции, были выслушаны с большим интересом. Полные тексты докладов будут опубликованы в сборнике «Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания методика преподавания» выпуск 20, который предполагается издать в этом году.

На конференции прозвучало 57 докладов представителей 9 стран.

В конференции участвовало 182 человека из 9 стран.

Поступила в редакцию 14.01.2020

Received 14 January 2020

Для цитирования: Нечаева Л.Т. О международной научно-практической конференции «Японский язык и методика преподавания японского языка» в 2019 году // Японские исследования. 2020. № 1. С. 149–159. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10008

For citation: Nechaeva L.T. (2020). O mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii “Yaponskiy yazyk i metodika prepodavaniya yaponskogo yazyka” v 2019 godu [The International Scientific and Practical Conference “Japanese Language and Methodology of Teaching Japanese Language” in 2019], Yaponkiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia], 2020, 1: 149–159. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10008

Научное издание

**Японские исследования
№ 1, 2020**

Редактор русских текстов:	М.А. Кириченко
Редактор английских текстов:	В.В. Нелидов
Выпускающий редактор:	М.А. Кириченко
Компьютерная вёрстка:	Т.И. Суркова
Редактор сайта:	О.И. Казаков
Дата публикации:	30.03.2020

Контакты:

- *Адрес:* Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. ИДВ РАН
- *E-mail:* japanjournal@mail.ru
- *Тел.:* +7 (499) 124 08 02

Scientific edition

**Japanese Studies in Russia
No. 1, 2020**

Editor (Russian):	M.A. Kirichenko
Editor (English):	V.V. Nelidov
Publishing editor:	M.A. Kirichenko
Layout:	T.I. Surkova
Web-Site editor:	O.I. Kazakov
Date of issue:	30 March 2020

Contacts:

- *Address:* Institute of Far Eastern Studies of Russian Academy of Sciences, 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russia.
- *E-mail:* japanjournal@mail.ru
- *Tel.:* +7 499 124 02 13 (Foreign Relations Dept. of IFES RAS)

www.japanjournal.ru

日本研究